

НЕМЁРТВЫЙ

ДВУГЛАВЫЙ ЗМЕЙ

МАРЛО АРС

Это история пепельноволосого мечника, бесцельно блуждавшего по миру долгие годы. Он не чувствовал голода, холода, боли или усталости, печали или счастья.

Но в один момент всё изменилось. Мимолётное видение прошлого яркой вспышкой пронеслось в его сознании, будоража кровь и заставляя сердце сделать свой первый удар.

Наконец, наёмник скопил достаточную сумму денег, чтобы оплатить услуги детектива, напавшего на тонкий след его прошлого, и след этот, способный оборваться в любой момент словно нить, ведёт к благородному роду Д'антстаров, проживающего в «сказочном» городе Бруте.

На самой границе Вестероссы и Ремара, прямо под Тиссовыми горами, откуда, протягивая свои когтистые лапы, движется неизвестное зло, способное погубить этот мир.

Глава 1. «Там, где история берёт своё начало»

Багряное зарево постепенно застило небо, оттесняя полотно ночи и растворяя в себе тучи, тяжело нависающие над землёй. Слегка мутная дымка начинала отступать, стремясь скрыться, рассеяться в воздухе, оставив после себя холодную росу на траве. Скромные лучи поднимающегося солнца пробивались сквозь мыльную пелену, согревая. Трава, усеянная блестящими каплями, сверкала россыпью бриллиантов, и каждый хранил в себе кусочек солнца.

До рассвета оставалось меньше двух минут.

Каждый удар оставлял на полупрозрачном теле широкие, рассечённые полосы, из которых активно валила такая же прозрачная дымка. Раны тут же затягивались, не оставляя после себя и следа, но спустя мгновение клинок, со свистом рассекая воздух и призрачную плоть, украшал её новыми, замыкая круг.

Баньши атаковала в ответ, но ни один из её ударов так и не смог достигнуть мечника. Рубящий удар наотмашь с его стороны, и одна из тонких, бледных кистей призрака, с неестественно длинными пальцами и острыми, как бритва, чёрными ногтями отлетает прочь, тут же растворившись в воздухе. Ещё один удар оставляет длинную, рваную рану на груди, а второй чётко метит в голову.

Женщина призрака широко раскрыла пасть, обнажив острые зубы и издала пронзающий, душераздирающий крик, от которого любой человек тут же бы свалился с ног. Мгновением спустя она взорвалась дымкой, растворившись в воздухе. Удар ушёл в «молоко».

Густой туман заволакивал помещение, расстилаясь на холодном полу. Температура в зале резко упала, а немногочисленные окна покрылись ледяными узорами. Баньши могла появиться в любом месте, вытянув свои когтистые руки в попытке разорвать горло мечника.

Туман поднялся, начав извиваться тонкими нитями, подобно змеям. Призрак появился сверху, и, оставляя за собой дымный след, камнем упал на голову противника. Тот, в свою очередь, плавным вальтом ушёл из — под атаки, развернувшись на носках, а после нанёс контрудар, пришедший на деформированную челюсть женщины, и, наблюдая, как призрачное тело разбилось о покрытые трещинами, каменные плиты, отскочил назад. Казалось, он избежал резкого выпада нечисти, но осёкся, поняв, что стоит, прижавшись лопатками к стене.

Почувствовав угрозу, он тут же пригнулся, увернувшись от резкого, размашистого удара со спины. Прозрачная рука прошла сквозь стену, чуть не задев затылок и сорвав несколько тусклых волос цвета пепла. Противник призрака отскочил от стены, развернулся, попытавшись описать клинком полукруг, но не успел.

Баньши сделала рывок вперёд, врезавшись и откинув его высоко назад. Он отлетел, остановившись ударом об одну из колонн. Послышался хруст — у мечника сломалось бедро. Упав бессильной тушей, охотник на нечисть тут же сгруппировался, игнорируя боль и кувыркком ушёл назад, увернувшись от последовавших далее ударов. Несколько царапин украсили потрескавшуюся каменную плиту. За окном начало светлеть.

Одно быстрое движение и с руки мечника сорвалась тонкая, серебряная цепь, окутав призрака. Она возглась в полупрозрачное тело, шипя и оставляя ожоги. Баньши билась в конвульсиях, испуская дым и пронзительно крича, но крик не действовал на противника, что сильно пугало её.

Охотник, мимолётным движением утерев кровь с правого уха, резко натянул цепь, привязанную к левому предплечью. Кажется, ещё сильнее побледневшая, полупрозрачная фигура дёрнулась, и начала кричать как можно громче. Визг заполнил помещение, раздавшись на всю округу и поугав сонных, измотанных и без того напуганных, но так и не заснувших этой ночью, селян. Баньши, окутанная серебром, не могла регенерировать. Крича не столько от боли, которую, судя по всему, она чувствовала, сколько от осознания скорой кончины, начала сопротивляться ещё активнее, не в силах вырваться или раствориться в воздухе, обратившись могильным туманом.

Пепельноволосый мечник перехватил цепь, намотав её на кисть второй руки и засеменял назад, оттягивая призрака к центру зала. Баньши рванулась и махнув охапкой спутавшихся, чёрных волос, сильно натянула цепь, что разодрала бледную кожу мечника до крови, но тот даже не поморщился.

Солнце поднималось над крепостью, краем показываясь за окном. Яркие лучи попали внутрь, освещая стену, колонны, отбросившие тени и часть пола комнаты, и чем выше солнце поднималось, тем большую площадь охватывал губительный для призрака свет. Смертоносная линия медленно двигалась в сторону баньши. Стоило бледной, как фарфор, не упокоенной женщине зайти за неё, как её тело тут же бы испарилось, уйдя вместе с ночной тьмой и людскими кошмарами.

— Да упокоят... боги... твою душу... — делая паузу после каждого слова, и всё ещё старательно удерживая цепь, проговорил мечник.

В его блеснувших, оранжево — рубиновых глазах отразилось искажённое страхом и отчаянием бледное, женское лицо, когда губительная линия света настигла прозрачную кожу призрака. На секунду баньши перестала вырываться, замерев, и с нескрываемым ужасом посмотрела на мечника.

Мгновение, и её лицо приняло человеческую форму — лицо красивой, молодой женщины, графини, коей она раньше и являлась. Призрачное тело ужалось, иссохло и потускнело, потеряв всякий свой бледный оттенок посеревав, и распалось на пепел, подхваченный ветром. Силуэт растворился в ярких, утренних лучах.

Пепельноволосый охотник пяткой коснулся стены и понял, что отеснил себя к самому краю. Тяжело, но тихо выдохнув, мечник скользнул вниз по стене, мягко устроившись на полу и оглядев окровавленную руку. Кровь уже остановилась и цепь оставила лишь кровоподтёки, да синяки на болезненно — бледной, почти серой, коже. Ещё один тяжёлый вздох.

Солнце окончательно вошло, полностью осветив зал старого имения — сильно потрёпанного, погоревшего, вот уже год как заброшенного поместья.

Пепельноволосый охотник, сразившийся с призраком бывшей графини, укрылся ладонью от яркого света и осмотрел помещение. Потёртые стены, покрытые пылью уцелевшие окна, холодный, каменный пол и замшелые колонны. С высокого потолка звонко падали капли воды. Второй этаж поместья сторел полностью, а состоящий в основном из камня первый, уцелел и даже хорошо сохранился. Зал было не узнать, мрак ночи наконец ушёл, и крестьяне могут вздохнуть спокойно.

Мечник встал, отряхнувшись от пыли, и намотал цепь обратно. Прошёлся, разминая шею после удара, слегка коснулся бедра, пошевелил ногой. С противным щелчком один из вылетевших суставов встал на место. Взмах лёгким, коротким мечом, которым он сразил нечисть. Клинок закрепился на спине, пересекая её наискось.

Он повертел торсом, поправил меч, стараясь не касаться острого, антрацитового цвета, лезвия. Гарда отсутствовала, вместо этого на её месте было изображено кричащее, искажённое ужасом лицо человека, широко раскрывшего рот. Только этот меч, не считая посеребрённого оружия, мог противостоять нечисти, ранив её. Также он был идеальным оружием против живых существ — клинок был настолько прочным и острым, что мог рассечь любую плоть без особых усилий.

В комнате стоял полумрак и только небольшое количество свечей разгоняло тьму вокруг. Одна из таких, сильно растаявшая, стояла на столе, капая воском на бумаги. Бургомистр сидел, тяжело вздыхая при подсчётах. Как и договаривались, мечник вернулся вечером с вестями о упокоенной графине. В самом углу каморки, как можно было охарактеризовать эту заставленную шкапами и комодами с документами, комнату, услужливо стоял помощник, немолодой мужчина с мелкими глазками и большим, кривым носом. Скрываемая под лиловой шапкой голова с залысиной то и дело вытягивалась на шею, а его глаза старались разглядеть цифры, записываемые бургомистром. Губы незаметно шевелились в немом подсчёте, а каждый раз, когда бургомистр вздыхал, его лицо испуганно дёргалось.

— Вам, наверное, интересно, почему поместье нам понадобилось только сейчас, хотя оно было заброшено уже как год? — Всё так же, не отрываясь от бумаг, со вздохом проговорил мужчина.

— Гм, совсем наоборот. — Спокойно ответил мечник, сидя напротив и смотря перед собой рубиновыми глазами, в которых отражалось тёплое пламя свечи.

— Ну и чудно, меньше проблем, — бургомистр поднял голову, поправив серую шапку, слетевшую на лоб, а после спросил: — как справились?

— Без осложнений.

— Хорошо, хорошо, — мужчина вновь вздохнул, отодвинув чернила. — Этот призрак до вас уже четверых охотников разорвал в клочья, а до этого ещё десять дружинников. Наверное, им повезло, всё закончилось быстро, даже первые звёзды не успели выйти. Молчите? Ну молчите, ваше право. С учётом налогов, ан нет, объявление висело уже несколько недель, вычет с гарнизона, а также... Я пересчитаю с вашего позволения?

Наёмник легонько кивнул, кинув взгляд на помощника. Тот, казалось, спохватился, дёрнувшись от неизвестно чего и тут же затараторил:

— Мы так рады, что нашёлся герой, который спас нас от гнёта, о нет — нет, совсем без преувеличения, гнёта этого призрака. Бедная графиня Лилиэт! И бедный её ребёнок...

Мечник вопросительно склонил голову, но лицом интереса не выразил. Помощник, мельком взглянув на бургомистра, который был занят подсчётами и даже не обращал на них внимания, заговорил:

— Бедная леди Лилиэт, после потери любимого мужа совсем поникла. Беременная, у неё оставался только титул, поместье и их ребёнок, муж которой так и не дал имени возможному наследнику. Но её постигло ещё большее несчастье — ребёнок, после рождения, не был человеком. Дитя тьмы! Слышали бы вы, как она плакала, когда кормила её! — Быстро дыша, проговорил помощник, прикрыв рукой глаза и наигранно всхлипнул.

Пепельноволосый охотник не сказал ни слова.

— Потому что дитячко это было чертом, порождением кровосмешения и инцеста, и не факт, что это была «она». Врачи даже не смогли определить пол этого выродка. — Всё же подал голос бургомистр, то ли среагировавший на бурный пересказ истории помощником, то

ли просто слушавший разговор с самого начала.

— Как же, проклятие завистников! — Перестав всхлипывать, возразил мужчина в лиловой шапочке.

Они замолчали.

В тёмном, раннем вечернем небе стали появляться первые звёзды, выглядывающие из — за туч. Такие яркие, что если долго смотреть на них, то эти яркие огоньки ещё долго будут стоять перед глазами, особенно закрытыми. За окном вновь появились густые и пушистые, как вата, холодные тучи.

— Позвольте, гм, поинтересоваться, — мечник, казалось, перенял манеру речи у собеседников, и всё также без выражаемого интереса, спросил: — А что стало с ребёнком?

— Бедняжка сгорела вместе с младенцем, и была погребена под обломками поместья! — От неожиданного вопроса, прозвучавшего в тишине, помощник дёрнулся, как от огня, а после вновь притворно всхлипнул, театрально смахнув слезу платком.

— В пожаре, который сама же и устроила, — прокомментировал мужчина, — в сумме тысяча эллиров, держите.

Не завязав серый, увесистый мешочек, протянул деньги наёмнику. Помощник с шумом сглотнул слюну, вытаращившись звонкие монеты, отвёл взгляд под пристальным взором со стороны бургомистра.

Пламя свечей дёрнулось, запахло воском. Свеча на столе почти догорела, оставив после себя переполненную чашу, из которой полился воск. Мужчина тут же переставил свечку в пустую баночку из — под чернил.

— Ещё раз спасибо и позвольте поинтересоваться, не вы ли тот бледный охотник, о котором говорят? — На вопросительный взгляд охотника он пояснил: — Мечник с бледной кожей, пепельными волосами и яркими, как рубин глазами. По всем параметрам подходите. Позвольте поинтересоваться, как вас зовут?

— Гм... Нет его. — выждав, спокойно ответил мечник.

— Как же так? — всплеснул руками помощник. — У всех людей есть имя. А, понимаю, хотите остаться неизвестным героем, как благородно. Но, хочу заметить, что если это и вправду вы, то в народе у вас уже есть прозвище. Хотите знать?

— Нет, мне не интересно, — со скрипом отодвигая стул и пряча деньги в кошель, ответил неназванный герой.

Поправив тёмный, подшитый кожей жилет, поверх серой кофты, он постучал носком ботинка о пол и направился к выходу из комнаты. Вышел из здания, не прощаясь, и ушёл, так ни разу и не обернувшись.

Глубоко чёрное, с синеватым оттенком полотно ночного неба расстилалось над головой, поглощая город. Каждое окно, из которого шёл свет, вдали напоминал маленький огонёк, похожий на звезду. И их было сотня. Если смотреть на общую картину с далека, казалось, что звёздное небо отражалось в гладкой поверхности воды. Сверху — такие холодные, безжизненные, мерцающие огоньки, снизу — тёплые, то тухнущие, умирая, то загорающие, рождаясь, огоньки, некоторые из которых двигались. Две стороны — две противоположности.

«Сто сорок за четырёх умертвий, тридцать за полудохлую гарпию и пятнадцать за то, что прочесал одно подозрительно здание, в котором обитал безобидный инкуб. Плюс тысяча за баньши. Должно хватить, — в переулке, где черепицы крыш сводились над головой, закрывая небо, где каждый звук, каждый шорох расходился на многие десятки метров, где за

углом могло скрываться нечто, чего никто никогда не увидит и не узнает, где никто и никогда не ходил в это время суток, шёл пепельноволосый мечник, мысленно считая деньги, — в банке должны были набежать проценты, так что добавляем ещё тысячу. Итого около двадцати двух тысяч»

На эти деньги обычный человек мог позволить себе хороший дом и жить безбедно целый год, а может и все два. Он же смог бы ещё дольше — ему почти не нужно было есть или пить, он мог не спать месяцами, его кровь почти текла и лекарства ему были не нужны. На удивление, все функции его организма работали исправно, в том числе рефлексy и гормональные, или, адреналиновые всплески, но они, как и большинство сигналов нервных окончаний, в определённый момент блокировались мозгом, от чего он не чувствовал ни страха, ни боли. Кости срастались чуть быстрее, чем у простого человека, зрение было идеальным, как и слух, и за три года он ничуть не вырос, так и оставшись двадцатилетним. Бесплодие и нездоровый вид — единственные минусы его тела. Отсутствие эмоций минусом он не считал, потому что и не знал, что это такое.

Мечник, или как выражались некоторые, охотник на монстров уже почти скопил достаточную сумму денег на детектива. Восстановить все образы в памяти, или хотя — бы вспомнить своё имя за три года ему так и не удалось, поэтому он решил нанять профессионала, способного разузнать о нём прошлом. Где он жил, кем был, есть ли у него семья, а если и была, то где они, живы ли? Возможно, любой другой бы понял его желание, но и испугался бы узнать о себе спустя такой большой промежуток времени. А вдруг он был совершенно не таким, какой сейчас? Что, если он настоящий, не сможет принять себя прошлого? Такое пугает людей, но как хорошо, что страха он не чувствовал.

Этот вопрос и не интересовал бы его так сильно, если бы в один момент он не почувствовал что — то непонятное, необъяснимое, то, чего он не знал или не помнил. А потом его сердце сделало удар. И затихло на долгие дни... Позже последовал ещё один, неожиданный, как прилетевший арбалетный болт из засады. Его сердце начало биться. Редко, но регулярно, один — два удара в день. Позже — один раз в час. Теперь же, каждую минуту.

А однажды пришла буря. Непонятная буря, сопровождаемая отрывками из прошлого. Мутными, как мыльная вода и такими же яркими, как пламя свечи в кромешной тьме. Именно тогда он решился узнать о себе, о том, кем он был. Если бы не та буря, то скорее всего, он, проснувшийся среди гор трупов на одной из дорог на перекрёстке, так и блуждал бы без цели.

В темноте показался силуэт, потом ещё один и ещё. Ступали тихо, мягко, как кошки, крадущиеся по забору, балансируя и не цепляя ни одного камушка на дороге. Медленно приближаясь, они передвигались от тени к тени, всегда находясь под покровом тьмы и никогда не останавливались на открытом месте. Шли так, чтобы мечника можно было наблюдать периферийным зрением, концентрируя внимание на месте, куда ступаешь.

«Профессионалы, — подумал безмянный, сосчитав: — Один эллит равен пяти эллерам. Пять тысяч, слишком уж хороши они для воров, скорее всего убийцы или шпионы. Я точно видел оружие. Смогли меня выследить, хоть я здесь впервые, значит, берут у кого — то информацию, у кого кошель туже набит...за процент? Работают с кем — то, точнее, под чьим — то крылом. Догадываюсь, кто дал наводку». Пепельноволосый наёмник остановился, не обернувшись и краем глаза заметил резкое движение в тени. «Только если они не преследовали меня с Крувэйла, взломав тамошний банк и украв бумаги. Это всё

равно, что покупать кота в мешке».

Так, в раздумьях, он шёл довольно долго и уже почти добрался до поворота. Несколько десятков шагов до безопасного места (то была одна из улиц спального района) можно было преодолеть всего одним рывком, но он решил подождать.

«Так долго выжидали, хотя могли давно напасть. Я был прав, есть всего два человека, кто мог предупредить обо мне. Зачем это делать бургомистру? Скорее всего, незачем. — мечник стоял, не оборачиваясь, всё ещё наблюдая за уже начавшими двигаться вновь, преследователями. — В бездну. Сейчас нужно думать о другом».

Наконец, неизвестные вышли. «Нелюди» — Подумал охотник без всякой задней мысли. Эльфы, кто ещё мог так легко ступить?

Одетые в серо — коричневые, облегающие одежды, у каждого на поясе висел хопеш. Страшное оружие, что совмещает в себе как тяжёлые рубящие удары, с лёгкостью пробивающие доспехи, так и колюще — режущие при особой сноровке.

Медленно окружив охотника, один из эльфов разорвал дистанцию, отойдя назад и попав под свет фонаря, стоящего на столе за одним из окон. Совсем чуть — чуть вытянутое, скорее, просто худощавое лицо с выразительными скулами. Большие зрачки и тёмные радужки глаз, белка было почти не видно, что делало картину одновременно пугающей и завораживающей. В руке блеснула метательная звезда, спрятанная за тыльной стороной ладони.

— Сразу начнём? — Невесело хмыкнул наёмник.

Мечник согнул руку в локте, покрутил, разминая её вместе с шеей. Эльфы не ответили.

Наконец, за окном показался силуэт, согнувшийся над фонарём. Послышался звук вынимаемых мечей из ножен. Фонарь погас, и тьма поглотила силуэт, даже не оставив очертаний. Послышался свист летящей звезды, рассекающей пространство. Со звоном она врезалась в стену позади охотника, упав на землю. Завыли собаки.

Силуэты размылись в воздухе, один закружился, как юла, вытянув клинок и оттесняя мечника, второй же подлетел с наскока, атакуя в лоб, а тот, что метал звезду, зашёл за левый бок, стараясь нанести резкий колющий удар. Пепельноволосый охотник ушёл вольтом от наскока, отстранившись от смертельного круговорота клинков, и прыгнул, уходя от колючего удара. Меч противника всё же достал его, зацепив злополучное бедро. Контратаковать мечник не успел.

Убийцы, хоть и не ожидали такой прыткости, ни на секунду не остановились, и даже не сбились с темпа. Тот, что со звёздами, отскочил назад, вновь начав заходить сбоку и попутно вытаскивать новый снаряд, первый же, что бил с наскока, рванул вперёд, стараясь достать пепельноголового до того, как тот коснётся носками земли.

Мечник предвидел это, отразив клинок ударом руки сбоку, уведя его подальше от груди, а второй рукой, сжимавшей меч, который он успел достать ещё в прыжке, нанёс удар по пальцам противника. Особых усилий не понадобилось — клинок вошёл в плоть, разрубив кости, как раскалённый нож в масло. Эльф вскрикнул, выронив хопеш.

Раздался новый свист. Уйдя ещё одним вольтом от нового урагана клинков, охотник вскинул меч, отразив заранее подмеченную звезду. Его голова была абсолютно холодна, а разум чист, позволяя следить за каждой деталь битвы, подмечая каждое движение врага и двигаясь на одних рефлексх.

Несколько удачных блоков и несколько неудачных попыток контратаковать кружащегося в смертельном танце клинков, эльфа. Лай собак смешался с звонким лязгом стали, превратившись в какофонию звуков. Ещё один прыжок назад, разрывающий

дистанцию между ни и метателем. Эльф, крутящийся, как юла, остановился, но не потерял равновесия. Вестибулярный аппарат у него работал как надо. Третий, тот, что метал звёзды, потерял темп, не в силах догнать вечно уходящего из — под атаки безымянного охотника. Инерция после нового рывка унесла его вперёд, заставив потерять равновесие так, что он чуть не впечатался в стену, когда охотник ещё одним прыжком ушёл назад. «Он прижат к стене!» — скорее всего, именно это подумал эльф, внутренне ликуя, но наёмник сделал то, чего никто из убийц не ожидал.

Он прыгнул, врезавшись в стену и, напружинив ноги, рванул вперёд, пролетев чуть ли не над головой метателя. Антрацитовый меч блеснул при свете полной луны, а тёмная кровь нелюдя волнами начала хлестать из рассечённой артерии. Закончив своё плавное, смертоносное движение рукой, наёмник перехватил клинок, кувыркнулся, уйдя из — под финта первого, и, встав на колени, не грациозным пируэтом, или выверенных финтом, а широким, размашистым ударом клинка, вспорол эльфу брюхо.

Нелюдь схватился за живот, выронил меч и неуверенными, несмелыми шагами отошёл назад, тщетно пытаясь остановить кровь и удержать вываливающиеся из брюха органы. Эльф встал на колени, смотря перед собой не верящим взглядом, когда за его спиной пронеслась тень. Первый, раненый убийца прыгнул, собираясь рассечь противнику грудь, но был столь ослеплён то ли яростью, то ли болью, что не заметил молниеносного выпада со стороны охотника. Его жизнь прервалась лёгким тычком клинка, вошедшего в позвоночник через горло. Убийца тут же захлебнулся кровью и повис мёртвым грузом.

Где — то позади стонал ещё живой эльф с распоротой шеей, но он наверняка осознавал, что ему осталось недолго. Рана была слишком глубокой. Они все погибнут, в отличии от охотника. Ведь тот уже погибал однажды. Наёмник победил в битве на истощение, а потому рассвет увидит только он.

— Т..ты... — Стоящий на коленях нелюдь не мог произнести и слова, поэтому просто взвыл от отчаяния.

В одном из окон зажегся свет. Некоторые жильцы проснулись от шума на улице, тихо выглядывая на причину их бессонницы. Охотник не говорил ни слова, сверяя эльфа безразличными и холодными, но такими яркими, почти горящими, оранжево — рубиновыми глазами. И, как показалось эльфу из — за игры теней и света, он улыбался.

Не в силах выдержать этот взгляд, нелюдь резко выхватил нож и быстрым движением вспорол себе горло, по традициям эльфов, избавившись от стыда поражения. Но лишь немногие знали, что это ни черта не стоило, и было лишь лёгким способом прекратить свои мучения, в чём, конечно же, пепельноволосый наёмник ничего зазорного не видел.

«Эльфы» — Подумал он, без всякой задней мысли, смотря на умирающего в муках, последнего нелюдя.

Глава 2. Волчье Сердце: «Там, где одинокий домик в лесу»

Пасмурный день поздней весны. Зимняя пора давно кончилась, но яркое солнце не спешило прогревать землю. Длительные ночные дожди основательно размыли дороги, заставляя задуматься, спокойно ли пройдёт здесь лошадь, медленно бредя и утопая в грязи? Дорога посреди полей шла простилаясь перед всадником, слегка изгибаясь и уходя в даль. По её краям — побитая ненастной погодой тусклая трава.

Слева от тёмной полосы, делящей поле на две равные части, помимо лужи, отражающей серое небо, стояли два иссохших дуба. С высокими столбами стволов, но абсолютно голые, они казались беспомощными и беззащитными, протягивая свои кривые, обломанные ветки, в попытке ухватить хоть немного солнечного света.

Под деревьями, стоявшими высокими, одинокими столбами посреди скучного поля, где нельзя найти даже крупных камней, был разбит лагерь, у резкого склона на пригорке. Укрытые от ветра, стояли несколько закрытых палаток серого цвета и костёр с котелком, вокруг которого собралось несколько человек. Одна из палаток открылась и оттуда, чуть пригнувшись, вышли двое солдат. Другие тоже были в броне, но выделялись чуть менее, нося обычный наборный или чешуйчатый доспех. И только на этих двоих были полу — латы, служившие хорошей защитой.

Один из солдат, сидящий лицом к наёмнику, прищурился, что — то сказав одному из вышедших из палаты мужчин. Тот обернулся, ответив что — то, что заставило солдата убрать миску с едой и подобрать ноги под себя, протянув руку к лежавшей рядом и скрытой травой секире. «Командир гарнизона?» — подумал наёмник, подъезжая ближе.

Командир направился навстречу, поднимаясь на дорогу и остановился, когда их взгляды пересеклись.

— Куда путь держишь, всадник? Не в леса ли Балавайра? — Мечник, верхом на коне, был намного выше стоящего внизу по среди склона мужчины и тому, чтобы разговаривать со всадником, приходилось сильно заирать голову. — Спустишься? Негоже нам так разговор вести.

Наёмник согласился, привязал лошадь и спустился к солдатам. С палаток вышли ещё люди. Теперь, было видно, что гарнизон насчитывал по меньшей мере десять человек. Каждый занимался своими делами, почти не обращая внимания на путника — кто — то играл в карты, (командира, похоже, это совсем не волновало), кто — то просто лениво переговаривался или пил из бурдюка, судя по запаху, вино.

— Садись, отдохни. Далеко же ты от города отъехал. Повторюсь, не в Балавайрские леса ли едешь? — Присев на большую, обломленную ветку, которую, если судить по следам на земле, сюда притащили солдаты, спросил командир.

— Нет, но путь мой, гм, частично проходит через них, — наёмник стоял, оглядывая солдат и наружно выглядел абсолютно спокойно. — А что — то случилось?

— Садись, говорю. И да, случилось. Скверные новости, путник, там теперь волколаки орудут, охотников губят. — Командир оглядел наёмника, оценив его реакцию, и, дождавшись, когда тот сядет, спросил: — Не болен ли ты? Весь бледен.

Мечник отрицательно качнул головой.

— Ладно, не моё дело, конечно, но лучше ступай через сивую поляну, так путь не

сократишь, но хоть цел останешься. Только езжай так, чтобы солнце всегда над деревьями было, ближе к лесу не подходи. Возможно, ты пересечёшься с другими солдатами, им поручили прочесать Нисскую падь, и заодно трупы закопать, чтоб упыри не завелись. — Командир указал рукой в латной рукавице куда — то в сторону и на его шее затрясся медальон, чем привлёк внимание мечника к лесу не подбирайся.

«По хорошему их надо сжечь» — Подумал охотник.

— А, это? Медальон? — проследив за незаинтересованным на вид взглядом путника, спросил командир, а после сразу пояснил: — Так, безделушка, показывает, что мы принадлежим к серому гарнизону и, — тут он многозначительно поднял палец кверху, и медальон, на котором был высечен медведь, разинувший пасть, вновь закачался, — с нами шутки плохи. Да шучу я, не напрягайся. А то вон, не дышишь почти. Н-да...

Нависло неловкое молчание.

— Гм, а охотники, тем временем...

— Да, пропадают, — подал голос один из солдат, что сидел рядом с секирой и первым заметил всадника, — только обрывки одежды находим, да следы волчьих. Болей того, лесорубы бегут, отказываются братья за топор. А коли их силой сгонишь, так приходят эти волки, убивают охрану, и разгоняют всех. Лесорубы ранены, перепуганы по самый срам, а охрана мертва.

— И больше ничего? Объявление в гильдию вешали?

— Ничего. Нет, не вешали, сами справимся.

— Ничё, ничё, справимся, — затряс командир рукой с оттопыренным пальцем, и, почесав небритый подбородок второй рукой, произнёс: — Всех лично на кол посажу! Раньше ж, нас тольк бестии лесные докучали, да зверьё редко. А сейчас таких тварей повылезало. И гильдии эти, хрень собачья...

— У вас проблемы с их выслеживанием? — размяв затёкшее плечо, спросил пепельноголовой. — Почему вас за ними послали? Здесь же, если мне не изменяет память, должны патрулировать Эргмейцы. — Наёмнику уже приходилось иметь дело с лесными бестиями, и встречи те были не из приятных, но про волколаков в этих лесах он слышал впервые. Хоть и подозревал, почему они там объявились, но об этом решил смолчать.

— Нам дали, так скажем, разрешение. Чего смотришь, не разбойники мы. Волколаки эти, сыны псин, заселились недавно. Или это один волколак вообще, чёрт его знает. А коль и один, то силён, как чёрт. Четверых наших побрал, сучара! — Командир сплюнул, утёр жёсткую щетину над губой. — А нашим, собсна, лес этот рубить надо. Платины строить, форты. Надвигается явная буря, войска севера жмут, всякие там, — мужчина махнул рукой, — твари лезут куда не надо, а потом вылезает непонятная хня, и хер пойми, что делать.

— Эргмейцы ушли. Ушли дальше, за перевал, к границам Крувэйла, — ответил солдат с секирой. — Ушли, подпалив мосты, ведущие на другой берег Ривы. Добрались и до селян. Не стало больше на земле Кирова и Озёрного. Как и форта Лазурного Мотылька.

— Что — то намечается, причём неладное... — пошкрывав в сочленении пластин, надетых поверх кольчуги и поддоспешника, хмуро заметил мужчина, добавив к словам солдата. — Если раньше там, что у нас, только территориальные вопросы были, да маги что — то предьявляли, то сейчас мир будто с ума сошёл.

— Гм, это те «твари», что лезут куда не надо? — холодно спросил мечник. — Куда лезут?

— Не знаю точно, куда — то в горы, или рядом. Но нелюди бегут, куда могут. Халфлинги эти таборами уезжают, складывая пожитки. Дварфы тоже гонят, грызаясь с эльфами. Тем, видите ли, не нравится, что сильно много барахла они тащат с целью наживы. И никто чёткой причины объяснить не может, гряд, только бахнуло что — то и всё. Власть перепугалась, говорят, водохранилища колотить и воду охранять. А дерево откуда брать? Лесники, поганы, боятся, но работают. Но если страх прям проберёт, то в этот лес засранный не ногой.

— А почему только нелюди? — Наёмник попытался выцедить хоть каплю полезной информации из слов мужчины.

На вопрос ответил солдат, протянув чашку, наполненную вином.

— На, выпей. — Подождав, пока наёмник возьмёт чашку, он продолжил: — Опять — таки, никто точно не знает, но, кажется, их просто здесь ничего не держит. Ну, или может, у них просто есть возможность, в отличии от крестьян с семьями или нас, солдат.

Мечник согласился, хоть и слышал обо всё этом впервые. Вообще, он сам удивлялся, как много новостей за последнее время прошло мимо него.

Он сплюнул. Вино оказалось кислым и невкусным.

— Ха — ха, что, не нравится. Вот теперь то у тебя лицо дёрнуло! — Посмеялся командир. — Пей, пока дают, не будь неженкой. Когда ещё сможешь вот так, ты, простой человек, с простыми солдатами выпить?

— Не похож он на простого человека, сэ. — Прокомментировал солдат, забрав пустую чашку. — Без обид. Наёмник, или, как говорят на юге Вестероссы, пилигрим. Я прав?

Пепельноволосый наёмник не ответил.

— Да, сам уже вижу, — поддакнул командир солдату. — А ты ничё, посиди ещё, погрейся. Меч у тебя сильно интересный, поглазеть хочу. Рожа — жуть, но сталь видно хорошая, только меча форма странная. Лезвие короткое, гарды нет, как в руке то держится без перевязи на рукояти? Рука не мёрзнет?

— Гм, не мерзнет. А сталь да, хорошая.

Охотник умолчал о том, что клинок был выкован из редкого металла, который можно добыть только из осколков метеорита.

— Простой человек, ха! Охотник на нечисть? Вас в последнее время много развелось, и, о как иронично, чем вас больше, тем вас меньше. А всё потому, что часто лезете не в своё дело, ничем не отличаясь от простых наёмников.

Мечник промолчал, не отрицая. Кинул взгляд на лошадь, мирно стоящую наверху, и спросил:

— Гм, ваше оружие, оно не посеребрено. С ним на волколаков пойдёте? — Посмотрев на их мечи и топоры, поинтересовался пепельноволосый наёмник.

— М? — Мужчина на секунду замялся, обдумывая сказанное охотником. — Да, а что?

— ...Нет, ничего, — поморщившись от ветра, спустя несколько секунд молчания, хмыкнул мечник, — не хочу лезть не в своё дело.

— Твоё право, охотник. Ну, ещё выпьешь?

Медальон блеснул яркими лучами показавшегося из — за тёмных туч солнца.

Бледный, как назвал его мужчина при прощании, галопом гнал сквозь низкие ветви деревьев, цепляя их лицом и молясь про себя, чтобы лошадь не зацепилась за мощные, простирающиеся на почве корни. С левого боку какой — то зверёк шуршал в листве, на

самой верхушке крон жалко щebetала птица, съёжившись от холода, лошадь шумно выдыхала, несясь на полном ходу. Позади слышался рык.

Он не ожидал наткнуться на кого — либо, так как шёл чуть ли не по самому безопасному маршруту, жертвуя временем. И какого было его удивление, когда буквально на самом краю леса он встретил волколака. «Один из стаи, о которой говорил командир гарнизона? Скверно.» — Предположил мечник, готовый рвануть в любой момент. Длинные лапы с острыми, как бритва, когтями подминали под себя почву, оставляя глубокие следы. Монстр ступал на задних лапах, раздвигая широким, покрытым шерстью торсом, раздвигая кусты. Горящие глаза испепеляли охотника, а пасть была приоткрыта, обнажая клыки. Их взгляды встретились.

Гортанный, прерывистый, хрип вперемешку с натужным дыханием и рыком, исходящим из самых глубин. Опавшая листва с шорохом взрывалась, разлетаясь во все стороны, был слышен хруст обламываемых веток, но всё это прикрывалось шумом ветра в ушах.

Лошадь бежала не по прямой, вечно виляя и уходя зигзагами. Резкий рывок со стороны чудовища, и он почти нагнал её, но только почти. Лошадь заржала, помчавшись рысью и в последний момент перед тем, как улететь в деревья, разбившись, рванула в сторону. Волколак не успел среагировать, слишком поздно затормозив, и, хватая ртом воздух, врезался в многовековые дубы. Не прошло и секунды, как погоня возобновилась.

Мечник отвязал от пояса небольшой, но увесистый мешочек с серебряной нитью, ослабил её, развязав зубами. После, быстрым движением, держась за дно, высыпал содержимое. Облако из серебряной пыли тут же поглотила волколака, заставив его зареветь, завять и сбиться с темпа. Серебро прожгло его шкуру, с шипением вспенившись, а на открытых участках кожи показались пузыри с волдырями.

Гигантских размеров, с мускулистым, покрытым жёстким серым мехом, гуманоидным телом, с плоским лицом, но всё ещё сильно напоминающей волчью, головой, волколак встал на задние лапы. Начал активно тереть морду, царапая её чёрными, скрученными когтями. Взвывая ещё раз и сорвав последние клочья шерсти, посмотрел единственным уцелевшим (точнее, просто не расцарапанным и опухшим), ярко жёлтым глазом. Пригнулся, сделал шаг назад, увидев горящие, рубиновые глаза всадника, и, тяжело дыша, рванул прочь.

Пепельноволосый охотник отвернулся, завидев, как зверь скрылся в кустах, приостановил лошадь. Та заржала, встала на дыбы, но всадник удержался. Лошадь громко дышала, переводя дух и нервно осматриваясь по сторонам. Мечник опрокинул мешок, потрянул им пару раз, сетуя на то, что потратил весь порошок. Но, через несколько секунд, пришёл к выводу, что скорее всего (скорее всего наверняка), не справился бы с волколаком, если бы тот его догнал. Но, он, к удивлению бледного, бежал не настолько уж и быстро, хотя вполне мог настигнуть охотника. Или ему просто показалось.

«И куда теперь?» — Охотник сбился с пути ещё в самом начале погони. Путь до леса в спокойном темпе занял чуть меньше четырёх часов, сейчас же, только бог знает, насколько далеко он забрался и в нужную ли сторону поедет. «Охраняет границы леса?» — Гадал бледный, прикидывая направление. — «Если так, то кое — кто посягнул на его охотничьи угодья...нет, люди и нелюди всю жизнь ходили по Балавайрским лесам. Странно, что объявился только сейчас.»

Тем временем, в теплом, оранжевом небе появилось небольшое, серое пятно. Мечник пригляделся, увидел поднимающиеся над кронами зелёных деревьев полосу дыма. Примерев расстояние и приметив направление, двинулся в сторону предположительного костра.

«Иронично, если те, кто мне помогут, будут эльфы» — без смеха заметил всадник. Возможно, именно там ему подскажут, куда ехать.

Дым валил из старой, облезшей, но всё ещё в хорошем состоянии, печной трубы. Небольшой, но ухоженный как возможно, домишка стоял посреди леса и, кажется, вторая дверь вела в баню. Невысокий, с просмоленной крышей и утеплёнными мхом стенами. Окно было всего одно, и вместо стекла, в раме находилась слюда, слегка мутная и неровная, но вполне справляющиеся со своей задачей. Дверь висела на старых, ржавых петлях, но никаких щелей, через которые мог бы проникнуть холодный воздух, не было обнаружено.

Охотник замаялся. Оставлять лошадь — вот так, на растерзание хищникам он не хотел, но и завести её в дом точно не получилось бы. Ещё и не факт, что хозяева разрешат войти ему самому. Секунда обдумываний и он решился, выверенными шагами подойдя к двери и несильно постучав внутрь. Раздался глухо стук и тишина.

Бледный решил рискнуть. Чуть надавил на дверь и, о, какая неожиданность, она поддалась! Медленно отворившись, (на удивление почти без звука), остановилась на половине, показывая часть внутреннего интерьера: стол, три стула, лавочка и бочка. Под лавочкой длинный сундук с железным замком, крышка украшена узорами, несколько мешков с, судя по всему, крупами. Свет проник внутрь, осветив часть комнаты и проход, прикрытый занавесками, но внутри всё ещё царил полумрак. Пахло ячменём и смолой, внутри было тепло, это чувствовалось даже здесь, на входе. Пепельноголовый зашёл.

На свету было видно летающую пыль, которую он разогнал рукой. Сделал шаг, но доска под ногой предательски скрипнула. Безымянный остановился.

— Дорогой, ты? — Послышался женский голос из соседней комнаты, которую он не успел разглядеть.

За занавесками медленно появился силуэт, а после те с шорохом раскинулись в стороны. Заспанная девушка охнула, увидев незнакомца и сделала неуверенный шаг назад.

— Кто вы? — Потянув руку в сторону и нащупав серп, стоящий за другой стороной стены, проговорила девушка. — Почему зашли без разрешения?

В белом платье, которое, правда, порядком поизносилось, она стояла, не выражая страха, только беспокойство и подозрение. «Чародейка, живущая в лесу? Возможно. Но она не живёт одна. Жена охотника? Тогда я не вижу предметов для выделки кожи, свежевания, снятия шкур и тому подобных» — Бледный стоял в раздумьях, не отвечая и тем самым, похоже, ещё больше нервируя девушку. Наконец, вздохнул, объяснился:

— Гм, я потерялся и набрёл сюда. Подумал, может здесь мне помогут, — не слукавив, сказал бледный, — я могу уехать, но я всё же понадеялся бы, что вы мне подскажете путь...

Девушка молчала, что — то обдумывая.

— ...Гм, могу я на это рассчитывать? ...Пожалуйста? — Неуверенно спросил он.

Бледный, несмотря на всё, умел вовремя сказать нужные слова, располагая к себе людей и заставляя их внимательно внимать, (как бы это не звучало), и слушать и без того немногословного охотника.

— Хм, могу, — прищурившись, ответила девушка в платье, а после, взмахнув гривой закрученных, блестящих каштановых волос, повернулась к охотнику спиной, — мне кажется, мой муж объяснит вам лучше, чем я, почему бы вам его не подождать. Он как раз скоро должен вернуться.

— Да, я слышал, вы о нём упоминали, — бледный напрягся, думая о излишней, резко появившейся доброжелательности девушки. Хотя, скорее всего, он себя просто накручивает,

учитывая, что буквально вчера на него было совершенно покушение. — Он охотник?

— Можно и так сказать.

— Гм, тогда, я, наверное, подожду на улице.

— Не нужно. — Уже уверенней проговорила девушка. — Присаживайтесь, я налью вам чая.

Возможно, её спокойствие можно было объяснить тем, что бледный выглядел совсем не угрожающе. Молодой на вид, щуплый и немного неправильный, как поломанная игрушка, он не казался сильным или представляющим угрозу. Ему и не нужно было — клинок рассекал плоть без усилий. Девушка в это время, вернувшись с собранными волосами обратно, представилась:

— Моё имя Валерия. А вас?

— Эм... — наёмник замялся. Впервые.

— Как же так? У вас что, нет имени? — Ставя чашку на скатерть стола, поинтересовалась девушка. — У всех должно быть имя.

Бледный уже слышал эту фразу недавно, но промолчал. Удивился пронизательности собеседницы.

— Молчите значит. Чай будете? — Девушка начала кружить вокруг стола.

— Гм, если можно.

— И как же мне вас называть?

— Гм, как хотите.

— Так не пойдёт. Но ладно. Гумберг?

— Не знаю, хм. Почему?

— А теперь и хмыкаете. Я придумала, мистер Гм, раз уж у вас нет имени, что очень странно, я буду звать вас Гумбергом. Не обидитесь?

— Если вам удобно...

— О, обращай ко мне на «ты», я буду делать также, — Валерия налила неизвестно откуда взявшийся кипяток в чашку, и комнату тут же заполнил аромат ягодного чая. — Так, что тебя, Гумберг, привело в эту глушь?

— ...Я ехал в Крувэйл, но потерялся тут, в лесу. Дальше я уже говорил, — чуть отодвинувшись от стола, ответил наёмник.

— Что — то ты, мистер Гумберг, стал слишком немногословным, — заметила девушка, подавая чай. — Что — то скрываешь? Держи.

— Гм, возможно. — С иронией ответил наёмник, беря в руки горячую, чуть треснувшую чашку. — Скажите... Скажи, лучше, почему вы живёте одни в глуши? Я слышал, тут завелись волколаки, а, гм, если ещё точнее, даже видел одного.

Чашка в руке Валерии дёрнулась. Поверхность тёмной жидкости пошла рябью, исказив отражение. Девушка на мгновение застыла над столом.

— У нас всё хорошо, возможно, они сюда просто не ходят. А как ты...

— Ускакал. — Спокойно ответил Гумберг.

— Это хорошо. Этот лес и вправду недобр к людям, сколько историй есть о том, как такие — же как ты путники бесследно исчезали.

— Это должно было звучать как угроза?

— Нет — нет, что ты, — махнула рукой Валерия, улыбнувшись, — ты уже тут, так что

это бесполезно. Да и эти места безопасные... были.

— Вот именно, были. А потому... Гм, всё равно, сколько ещё людей исчезнет, если с этим что — то не сделать. Сколько семей останется без мужчин и отцов.

— О чём ты?

— Лесорубы всё ближе и ближе начинают подбираться к этим краям. Хотя не стоило бы.

— Из — за...

— Не только. Впрочем, гм, неважно.

Валерия постояла, обдумывая слова мечника. По её лицу было видно, что она сделала для себя некоторые выводы, но решила о них умолчать. Гумберг не обиделся.

Девушка села, поправив подол платья и, чуть зажмурившись, отпила кипяток из чашки. Названный Гумбергом бледный сделал также, даже не поморщившись. Расправившись с чаем и вежливо отказавшись от домашней выпечки, Гумберг вышел, сославшись на то, что надо бы попить кобылу. Валерия помогла, указав на бочку с водой и ведро, наказав, что он может брать сколько ему угодно. Охотник так и сделал.

Темнело. Мужчина, названный любимым мужем Валерии, вернулся поздно вечером. Также, как бледный, бесшумно открыв дверь, он ничуть не удивился, заведя незваного гостя. Потрепав короткие, кудрявые волосы, он снял дуплет, повесив его на гвоздь у входа и молча уставился на пепельного.

— Дорогой, ты вернулся! — Валерия, вышедшая из комнаты, которая, как оказалось, была спальней, вскрикнула, тут же накинувшись на шею мужу.

Мужчина обнял её, зарывшись лицом в её волосы, но всё равно мельком поглядывал на гостя.

— Боже, Иргер, что с твоим лицом? — Отстранившись, Валерия обеспокоенно посмотрела в глаза мужа, один из которых был исцарапан и наполовину прикрыт.

— Всё хорошо, просто ветка зацепила, не беспокойся. Лучше поведай мне, Валечка, кто к нам заявился? — Мужчина кинул ещё один серьёзный взгляд на бледного наёмника, сидящего на одном из стульев.

— О, он заплутал в лесу и пришёл, попросив помощи. Прости, я лишь подумала, что ты сможешь лучше ему помочь. Прости... — девушка всхлипнула, но Иргер приобнял её, успокоив. Она продолжила: — Его зовут...

— Гумберг. — Представился гость, протянув свою тощую руку мужчине.

Он сам не понимал, почему решил действовать первым, просто чувствовал, что так надо. Мужчина ответил крепким рукопожатием.

— Иргер.

Их взгляды встретились.

Мужчина вышел, протерев мокрое лицо и накрыв бочку с водой крышкой. Закинув что — то на подобии полотенца на шею, он прошёлся, оглядывая комнату.

— Предлагаю тебе лечь здесь, на лавке. В сундуке под ней найдёшь бельё, оно хоть и старое, но чистое. Или ляг на печке, только там может быть жарко. Лошадь я твою в баню заведу, должна поместиться, но дерьмо её сам будешь убирать, предупреждаю, чтобы не было потом вопросов.

Гумберг кивнул.

— Иргер...

— Валечка, принеси — ка ты, пока что, таз с водой чайник, поставим на печь, а то у меня ноги гудят. И налей — ка мне похлёбки, а то я голоден, как волк.

Девушка тут же заметалась по дому, угождая уставшему мужу. При этом она не выглядела недовольной. «Хотя бы до сюда не добрались эти модные движения» — Хмыкнул Гумберг, чем привлёк внимание мужчины. Охотник глянул на Гумберга, но тот никак не отреагировал, продолжая разглядывать трещины на печке.

Наёмнику было всё равно. Сейчас для него было главное то, что у него будет чистая, тёплая постель, а завтра с утра он спокойно отправится в Крувэйл, в банк, по пути, возможно, зайдя в гильдию. «Да и, Иргер, этот, похоже, не собирается перегрызть мне горло ночью. Даже в лесу не стал, не то что сейчас, при жене,» — Лениво рассуждал мечник.

«Но, вполне возможно, что они заодно.» — Пронеслось у него в голове.

Бледный отогнал от себя мрачные мысли, переведя взгляд на окно и вздохнул, уперев подбородок в руку. Скорее всего, Иргер тоже уже догадался о том, что Гумберг понял, что Иргер не совсем обычный охотник, и то, что Иргер догадался о том, что наёмник не совсем обычный человек. Он знал о нём ещё до того, как вошёл. Но им, обоим, к счастью или несчастью, похоже, было всё равно. «Вот и славненько.» — Думали они.

На стол упали две миски, из которых активно валил пар. Иргер тут же сел напротив Гумберга и схватив единственный кусок хлеба, разломал на двое. Одну половину протянул наёмнику.

— Держи, гость, — не без иронии проговорил мужчина, — у нас выпечки немного, но, надеюсь, тебе хватит.

— ...Спасибо.

Валерия села рядом, придерживав подол платья.

— Ты ехал в Крувэйл? Расскажи, может, видел что —нибудь интересное по пути? — Вежливо поинтересовалась девушка, пытаясь завязать беседу. — Раз уж мы все тут.

— Гм, по пути встретил солдат, недавно прочесывавших этот лес. Вернулись не все. И больше ничего не видел.

Иргер продолжал жевать хлеб, отложив похлёбку и с притворным интересом слушая, что говорит Гумберг.

— И что, совсем ничего? Даже мест вырубок леса?

— Ничего. Я ехал со стороны, где по правому боку Нисская падь.

— Понятно. А вот как раз с другой то стороны они почти до самого центра добрались. Хотя, справедливости ради, там и лес более редкий.

Они замолчали.

— Да, в последнее время развелось этих солдафонов. Нам, простым людям, жить мешают. Сначала Эрегмейцы, теперь вот. — Спустя время, пожаловался мужчина. — А ведь всего полгода назад всё было тихо — мирно.

— А до этого они что, не мешали? — Поинтересовался Гумберг. — Вроде, гм, у них был конфликт с Грестольцами. Битва под Брагой и прочее, когда ещё Маркус Юлиан зан Фрострад огласил территорию за Ревущей рекой своей. Но, даже отбросив политику, вам совсем скоро будут докучать лесорубы.

— Ничего себе ты вспомнил. Про Брагу! — усмехнулся Иргер. — Историк что — ль? Ладно. Уже докучают, зверьё гонят. Но врёмся чуть раней, хочу проверить, правильно ли я всё помню, что в городах понаслышал.

— Гм, хорошо.

Мучина продолжил:

— Тогда, вроде, ещё совет вёл дебаты на счёт этого прецедента. Точнее, те, кто от совета остались, сейчас их нет уже... Нет, то было давно, — для виду задумавшись, ответил мужчина, опустив ложку, — Эрегмейцы не особо мешали ни обычным людям, ни солдатам, ни магикам. И только последним всё же наступили на пятки, когда с Ратаррии пришли вести о том, что они начнут строить... Как его... Польство.

— Посольство. — Поправила Валерия.

— Спасибо, — сёрбнув, поблагодарил мужчина. — Да, это самое, посольство. Чего смотришь так? Ты так выглядишь, будто впервые об этом слышишь. Не местный что — ль?

— Гм, нет, — замялся бледный охотник. За последние три года, благодаря кое — кому, он довольно хорошо выучил политическую карту, но, к сожалению, самой политикой не особо интересовался, поэтому вполне мог прослушать последние новости, — Мне просто интересно, как же они, гм, наступили на пятки чародеям, волшебникам и прочим?

— Кому на пятки наступили, а кому на горло, — протянул Иргер. — Маги недовольны тем, что строится оно прямо на пути к месту силы. Грят, важная тактическая позиция. Спорили, спорили, да не наспорили, только, пекло, воду мутят. Ещё одного конфликта не хватало, солдат и так, куда не плюнь... Я уже говорил, да?

— Но не нападут же они... — Тихо прошептала Валерия.

— Нападут, так мы уедем, не думай об этом. — Успокоил жену мужчина, чуть скривив лицо.

Валерия неверяще посмотрела на Иргера.

— Ладно, маги умные, по крайней мере те, о которых я слышал, такого не допустят. Дураков к королям близко не пускают. А вот к короне и власти пускают ещё как.

Гумберг кивнул, ожидая продолжения. Его не последовало.

— А горло кому переступили? — решил продолжить он.

— Друидам. Не самому Кругу, конечно, но всё же. На счёт этого много не слышал, считаю сплетнями, а сплетни я не люблю. Домыслы и враки, но, возможно, часть правды есть. Лес, грят, перерубили, пни выкорчевали и сожгли, чтобы дорогу провести и границы чётче обозначить. Ничего не поменялось, по — моему. А что друиды могут сделать? Сами на своих затворках, вдалеке от всех поселились, как под медным куполом. И жалуются.

«Иронично...»

— Гм, Круг много что может сделать, если ему пожалуются. Но шанс того, что их заинтересует такая незначительная вещь просто невозможно мал. Они, видишь ли, глобальские проблемы решают. С потеплением там, с эволюцией. Но, гм, даже если представить, Круг вполне может наслать беды под видом простых погодных явлений и хер кто что докажет.

— Иргер!

— Прости. А ты, тоже в эти сказки веришь? — С насмешкой спросил собеседник. — Что они, мол, насылают чуму и неурожай на целые города?

— Это не сказки. Хорошим примером было почти полное вымирание маковой рощи в тысяча сто тридцать шестом году. И теперь, по крайней мере для нас, призрачная роща, коей стала маковая, напоминание того, что не стоит злить тех, о ком ты ничего не знаешь. А ведь эльфы всего — то продвигали свою религию в массы, а часть их родины, считайте, гм, под корень...

— Быть не может! А я как последний раз в городе была, тоже слышала, но думала, врут. — Поддакнула Валентина. — Слышал, Иргер?

— Хорошо, твоя правда, — согласился тот, и, махнув рукой, заключил: — Пускай сидят себе в лесу, всё равно ничего полезного не делают. Что ведьмы, что эти... Но детей же они не воруют?

Гумберг промолчал, помешав ложкой содержимое миски. Кусок моркови всплыл на поверхность, прилипнув к ложке. К хлебу наёмник так и не притронулся.

— Друиды нет. Дриады — да.

Поужинав, все собирались разойтись спать, но до этого, как сказал Иргер, ему и Гумбергу нужно было переговорить. Хоть он и сослался на то, что они всего — то пойдут разобрать дрова на завтра. На вопрос Валерии: «Ночью?» мужчина рассмеялся, легкомысленно махнув рукой.

— И как тебе моя Валечка? — Спросил он, скинув часть дров на траву и зябко поёжившись.

— Гм, что за странный вопрос?

— Странный тут ты, парень. Ну так ответь.

— Гм, вроде добрая. — Всё ещё не понимая, с какой целью поинтересовался охотник, ответил наёмник. — Помогла мне. Сразу видно, доверчивая.

— Да, она у меня такая. Золотце. Тем хуже мне... — Откидывая нужное по размеру полено, проговорил мужчина.

— ...Мы правда будем дрова разбирать?

— Забей, я просто поговорить хотел. И всё же странный ты. Странные вещи знаешь, но о очевидных не слышал. Все эти круги, таинства и прочую срань. Наёмник?

— Моно и так сказать... Что такое? — Спросил мечник, почувствовав искорки напряжения в воздухе.

— Молчаливый Гумберг, на перевес с мечом, врывается к одинокой девушке в глуши и просится на ночлег. Не бандит ли ты, Гумберг? — Мужчина хмыкнул, но взгляд его был серьёзен.

— Нет. Гм, я не просился на ночлег. — Выждав паузу, ответил бледный.

— Хорошо, наёмник Гумберг. — Поверил его словам собеседник. Или, может, только сделал вид.

— Не называй меня так.

— Ладно, — ответил мужчина, почесав заплывший глаз, — Идём, бери эти. Я пока лошадь твою заведу.

Иргер уже было направился в сторону, когда его окликнули:

— Ветка говоришь? — Подняв дрова, спросил наёмник.

— Ветка. — Донёсся ответ.

По возвращению в дом, в котором уже были потушены все свечи, кроме одной, у лавки, на которой сидел наёмник, охотник строго наказал, что будет ждать помощи со стороны гостя. Не сейчас, утром. «За излишнее гостеприимство моей Валечки.» — так он выразился. Пепельноволосому наёмнику же ничего не оставалось, кроме как согласиться. Всю ночь с разными мыслями он пролежал на лавочке, так и не достав старого, но чистого белья. Лошадь изредка фыркала, стуча копытами. Было настолько тихо, что можно было услышать, как она волновала воздух, размахивая своим хвостом в разные стороны.

Наёмник Гумберг, как с издёвкой назвал его Иргер вчера вечером, открыл глаза. На улице было ещё довольно темно, но первые лучи уже виднелись на горизонте. Иргер не спал тоже. Гумберг определил это по его дыханию.

— Ещё не привык просыпаться не от криков первых петухов? — Поинтересовался мужчина, выходя из комнаты, укрытой занавесками.

На нём была холщовая рубаха и длинные, серые штаны, обрезанные у колен. Он был босой. Одежда, которую явно не жалко.

— Время помогать, наёмник Гумберг, идём.

Глава 3. Волчье Сердце: «Там, где слёзы»

Иргер ступал босиком по мокрой, украшенной блестящей росой траве, чуть морщась от света. Оттёк на его глазу за ночь прошёл, но он всё ещё не мог открыть его до конца. Мужчина поёжился, выдохнул, испустив облако пара. Гумберг посмотрел на него.

— Не ожидал, что ты используешь серебряный порошок. Ещё и ветер, зараза, дул в меня. — Спокойно, без обиды, заметил Иргер. — Прекрасное морозное утро.

— Гм, почему не догнал меня? Жена твоя знает? — Бледный повернулся в сторону восходящего солнца, но повернулся так, чтобы всё равно мог наблюдать краем глаза за Иргером.

— Знает. Всё то моя Валечка знает, — проговорил мужчина, слабо улыбнувшись, — А на кой догонять то? Поесть я и бельчатины могу, да и прыткий ты оказался. Шучу. Решил спугнуть, и всё тут. А ты вот, здесь теперь. Может зря решил только спугнуть?

— Ты убил четверых солдат, Иргер, — холодно заметил наёмник, — и это только за относительно недавнее время. Я обычно убиваю таких как ты, но, может быть, сегодня не горю желанием. Может и зря.

— Спасибо за тёплые слова. В следующий раз, Гумберг, как приедешь к нам переночевать, не забудь мне их напомнить, чтобы я перегрыз тебе горло в ту же ночь, а то сегодня не горел желанием.

Они молчали. Долго. Солнце уже наполовину вышло из — за горизонта. Всё это время они стояли неподвижно, наблюдая за чем — то, чего ещё не видели, но что непременно будет.

— О какой помощи ты говорил? — Нарушил молчание бледный.

— Увидишь. Но прошу, не удивляйся.

— Гм, как ты стал волколаком? — Спустя минуту, наёмник задал интересовавший его вопрос.

— Ответ тебя огорчит, поэтому задам встречный. Отвечу, если ответишь ты. Где ты взял этот меч, с такой жуткой рожей, от которой даже у меня мурашки по телу бегут?

— ...Подарил знакомый кузнец. А что?

— Ничего.

— Так как? — переспросил наёмник.

— Не знаю. Точнее, не помню, — замялся Иргер, — поэтому хочу у тебя кое — что спросить. Это началось ещё в детстве.

Гумберг промолчал, выжидая. Несколько раз кинул взгляд на мужчину.

— Есть ли от этого лекарство?

— Это не болезнь, Иргер, это проклятие, причем, раз уж это началось с детства, сильно въевшееся в твою душу, — пояснил охотник, наблюдая, как мрачнеет его собеседник, — Если душа, конечно, существует. От этого нет лекарства, в привычном понимании. Но его можно снять.

— И ты знаешь, как? — Без особо яркой надежды в голосе, спросил волколак.

— Гм, нет. — Разбив все его надежды, ответил пепельноголовый.

— Ясно. Зря спросил.

Гумберг замялся. Ему не нравилась вновь нависшая тишина, почему то, именно сейчас ему хотелось поговорить. Или, по крайней мере, он так думал.

— Но есть те, кто знают, как. — Прошептал наёмник.

— ...Продолжай.

— Возможно, некоторые, немногочисленные избранные чародеи знают, как снять с тебя проклятие. Но это обойдётся очень дорого. Слишком уж большая цена.

— Например?

— Гм, те, кто знают секрет этого ритуала, обычно не рядовые чародеи и волшебники. Они ищут чего — то действительно ценного, и это что — то не получить так легко. Их не интересуют деньги, слава и положение в обществе. Не то, чтобы, в отличии от известных магов при дворце, у них всё это было, но... Им просто это неинтересно.

— Я понял, не слава, золото или ещё что — то там, — всё также, не отрываясь от горизонта, процедил Иргер, — Прошу, ближе к делу.

— Гм, как я и сказал, точнее, хотел сказать, это может быть, чем угодно. Начиная от крови какого —нибудь короля, твоего первенца, половины срока жизни и так далее, заканчивая любым незначительным капризом. Чёрные чародеи непостоянны, как шторм, могут вспыхнуть, как огонь, поглощая поместье и не оставляя в живых никого, перекидываясь на другие здания, забирая жизни и погребая всё под обломками. А могут быть тише воды, скрываясь так, что ты их в жизнь не найдёшь, не почувешь и даже не услышишь о них, а если и найдёшь, то либо не станут слушать и убьют на месте, либо сами не будут знать, чего они хотят, а ты крутись, как хочешь.

Иргер задумался. Они вновь молчали.

— Честно, я не был особо удивлён, когда услышал о якобы стаи волколаков здесь, в этих лесах.

— Почему же, Гумберг?

— Раньше, очень давно, тут жили дриады. Это место просто пропитано магией, хоть и она со временем выветривается. Но ты, даже под формой зверя, был разумным. Поэтому, ты живешь здесь, в глуши?

— Ты, пекло, очень умный, наёмник Гумберг. Не то, что я.

— Ну так...

— Это место, думаю, ты уже догадался — единственное место, где я могу хоть чуть — чуть контролировать себя. Поверь, мне многих сил стоило, чтобы сдержать своё превращение ночью.

— Ты превращаешься каждую ночь? — удивлённо спросил наёмник, обернувшись к мужчине. — Не каждое полнолуние?

— Нет, а что? — Иргер чуть отстранился.

— Знаешь, я не уверен... — Начал охотник, поправив пепельные волосы, которые вечно сдувал ветер. — Не уверен, что тебе...

— Тсс, — прошипел мужчина, заставляя пепельноволосого охотника замолкнуть, — они идут. Потом, Гумберг, потом. Долго же шли, столько времени прошло, как я почувал их, а они только сейчас на подходе. Ну, Гумберг, настала пора платить.

«Они?» — Хотел спросить Гумберг, но видя сосредоточенное лицо Иргера, промолчал. Вдалеке показались десять человек, медленнодвигающихся в сторону дома, а точнее, в сторону двоих, стоящих перед этим самым домом. «Солдаты, «Серый гарнизон»» — Сразу догадался пепельноголовый, увидев знакомое, небритое лицо командира с медальоном. Почувствовав что — то неладное, он достал меч, зажав его в ладони и спрятав за предплечьем так, чтобы клинок не было видно со стороны идущих. Благо, лезвие не было

длинным и Гумбергу это удалось. Иргер молча проследил за его движением, удовлетворительно хмыкнув.

— Значит, понял, что будет. Спасибо...

— У них нет посеребренного оружия, я это знаю, но твоя жена... — Зашептал наёмник.

— Предупреждена. Заперлась в доме, скажет, что я держал её силой. — Прошептал в ответ волколак. Его карие глаза блеснули на солнце.

— Ты думаешь они так легко её отпустят?

— Нет. А потому никого из них нельзя оставлять в живых.

Наконец, солдаты подошли, остановившись на расстоянии чуть более десятка шагов. Их силуэты закрывали солнце, откидывая длинные тени. Командир заговорил:

— Бледный, рад тебя видеть в добром здравии! Как рад, как рад. Смотрю, до Крувэйла, ты так и не добрался, что, решил остановиться в этом дрянном домишке? — Приложив ладони к лицу и свернув их трубой, с насмешкой прокричал мужчина. — И ты, привет, зверюга. Да, да, я к тебе обращаюсь. Бледный, отойди, а то ещё попадёшь под руку... неизвестно кого. Этот чёрт наших четырёх парней уже убил. Напал из самой засады, бедные парнишки даже не ожидали ничего, ты представь.

— Это вы послали их ко мне, хоть я и предупреждал, — оскалившись, прокричал в ответ Иргер, — решили проверить, осмелюсь ли я выполнить обещанное?

— О-хо, в этом то никто и не сомневался. Бледный, поди к нам.

Бледный, под тяжёлым взглядом Иргера, вопреки всему, остался на месте. Довольная улыбка исчезла с лица командира.

— Вот оно как, — досадно проговорил мужчина, — То — то я думаю, вид у тебя странный. Бледный весь такой, дышишь редко, точно не человек. Так и ты монстровым отродьем оказался. Отрепье!

Не прошло и секунды, как Иргер поддался вперёд и снял рубашку. Прыгнул. Выгнулся в спине, зарычал, приземлившись уже обернувшись. Позвоночник просвечивался сквозь не до конца покрывавшуюся мехом кожу, пальцы стали неестественно длинными, как и почерневшие когти. Уши вновь напоминали волчьи, как и лицо, покрытое тонким слоем серого пушка, с плоским, чёрным носом. Мужчина, как и любой перевёртыш, обратившись, сильно прибавил в массе. Иргер же, в ответ на выкрики солдат, обнажил жёлтые, мощные клыки, и зарычал. Всё это произошло почти мгновенно, но Гумберг смог разглядеть каждую деталь этой отвратительной трансформации.

Несколько солдат дёрнулись, отпрянули.

— Пекло! Ну держись, псина, против десятерых тебе не выстоять. Даже с помощью этого бледного задохлика. Шкуры и органы перевёртыша нынче чародеи ценят довольно высоко, так что, будь добр, сдохни! А после мы и к твоей шкуре зайдём, давно я её не видел, ты ж, тогда, поганец, всё испортил. Да и мои ребята давно по бабам не ходили. А на счёт тебя, бледный... аай, плевать. Парни, готовься!

Но никто не двигался...

Иргер ничего не ответил, потому что не мог, и просто продолжал наблюдать за действиями солдат, тяжело дыша и стоя на четвереньках. Солдаты стояли, вытянув копья перед собой и ожидающе смотрели на командира. Тот ничего не говорил, не сводя глаз с монстра. Гумбергу становилось невыносимо скучно.

— Эй, командир! — попытался докричаться до солдат Гумберг.

— Чего тебе, ублюдок?

— Вы так и не удосужились посеребрить оружие?

На вопрос пепельноволосого охотника, впервые за долгое время повысившего голос, мужчина переспросил:

— Чего?

Гумберг по началу промолчал, а после оглянувшись, встретившись глазами с Иргером, совсем тихо добавил:

— ...Гм, право, ничего. Простите. Не моё дело.

Всего одного быстрого, но плавного движения было достаточно, чтобы меч моментально оказался в руке так, как наёмнику было нужно. Так, чтобы им можно было удобно рассекать плоть.

Утром того дня, со всей округи, лесорубам было слышно людские крики, доносящиеся из глубин Балавайрского леса.

Лошадь вновь гнала так, словно пёс, сорвавшийся с цепи, бежал за добычей. Ветер заглушал все звуки вокруг, поэтому казалось, что они едут в тишине. Было холодно, поэтому Валерия аккуратно прижималась к Гумбергу, чьё тело, в свою очередь, само по себе было не особо тёплым. Наёмник взглянул на девушку, сжавшуюся и бледную, что крепко вцепилась в седло, закрыв глаза. Бледный медленно снизил темп, перейдя на размеренный шаг и давая лошади отдышаться.

Девушка, поняв, что они замедлились, открыла глаза, начав их тереть своим ледяными, красными пальцами. Погода выдалась не самая тёплая, а на такой скорости ветер продувал до костей, поэтому никакая, даже самая тёплая шуба не спасала. А на Валерии было только платье и больше ничего.

— Куда мы так? — Громче, чем надо, (судя по всему, из — за писка в продутых ушах), спросила она, посмотрев слезливыми глазами на Гумберга, — Зачем мы держим путь в Крувэйл? И где Иргер? Этот мешок он тебе дал?

Девушка покосилась на серый, увесистый мешок, висящий на боку лошади, чьё содержимое было для неё тайной.

— До города осталось меньше часа пути. Воздержись от вопросов, Иргер тебе должен был всё рассказать. Почти всё. Гм, более того, он даже написал объяснительное письмо.

— Дай почитать!

— Гм, нет, — строго отрезал всадник, — Доедем до куда нам надо, отдам. Сиди и держись, сейчас вновь поскачем.

— Мне холодно, Гумберг! Дождь моросит!

Гумберг напрягся. Почему то, он начинал чувствовать некое напряжение внутри. Что — то отталкивающее, что — то, что ерзало и скребло между лопаток. «Держи» — сказал всадник, достав из мешка широкий, серый плащ. Он им, купив в городе после стычки с эльфами, вне города ещё так ни разу не воспользовался. Забыл о нём сразу же после выезда. «Хотел скрыть свою личность от возможных убийц, подстерегающих у выхода. Как оказалось, зря, преследователей вновь никто не нанимал.» — Подумал он тогда. С тех пор плащ пылился в одном из мешков, наполненных его многочисленными пожитками.

— Спасибо. — Робко поблагодарила девушка, укутавшись поплотнее.

Лес был наполнен самых разных звуков, но Гумберг ничего не слышал. Всё, что он сейчас осознавал — окровавленный меч в его руке и Иргер, весь покрытый кровью. Они

стояли вдалеке от поляны, заполненной трупами. Мужчина тяжело дышал, какой — то копейщик смог пробить его лёгкое. Рана должна была затянуться меньше чем через полчаса, но времени у них было немного.

«Там уже стоит целый батальон, вы, глупцы!» — Кричал командир гарнизона, чьим знаком был медведь с широко раскрытой пастью. — «Мы лишь разведка! Если мы не вернёмся через пол часа, сюда попрут десятки, сотни солдат! Вы...» — Кричал, пока Иргер не перекусил ему голову.

«Десятки, а то и сотни,» — вторил слова командира Иргер, — И все они ринутся сюда. Нужно спасти Валерию. Меня убьют, а она не сможет справиться с этим. Наверняка всё выскажет. И её тоже убьют... А перед этим... Гумберг...

— Пока ты утаскивал часть тел, я съездил на лошади, как ты и просил. Там действительно много солдат, но не сотня... Но их ровно столько, будто они идут на целую стаю волколаков, как изначально и думали эти. — Он махнул в сторону поляны. — Не знают, что волколаки одиночки, идиоты. Хотя, теперь я, гм, догадываюсь, что их командир солгал.

— ...Если я сбегу, то мне нужно будет найти кого — то, кто сможет снять с меня проклятие...

— Гм, на счёт этого, Иргер. Ты не сможешь его снять.

Мужчина замолчал, широко уставившись на наёмника. Через мгновение подлетел к нему, схватил за плечи и закричал:

— Что это значит!? Но ты же сказал!?

Пепельноволосый мечник не реагировал, лишь тупо смотря на волколака. Наконец, он перестал трясти наёмника за плечи. Отступил, перестав кричать проклятия. Только закрыл лицо руками, завыв от отчаяния. Упал на колени.

— Я ничего не говорил и ничего не обещал. Только недостаток информации — наша вина. По большей части, скорее, твоя. Не важно. — Гумберг отвёл взгляд. — Как я уже однажды говорил, эти леса — леса когда — то живших здесь дриад. Сущест, полностью гармоничных с природой. Сущест, обладающих высшим геномом.

— О чём ты? — прошептал Иргер.

— В твоём проклятье... нет, не проклятье, но назовём это так — виноваты твои предки. Ты, лишь их потомок, в котором он пробудился. Возможно, твой прадед, или ещё кто дальше по родству, имел связь с дриадкой. Плодом этого союза стал твой дед. Скорее всего, твой прадед сбежал, забрав ребёнка, потому что дриады не оставляют мальчиков себе. Они их даже не рожают — узнают пол ещё задолго до рождения и принимают меры. Но твои предки были исключением. Скорее всего, они скрыли пол ребёнка, и дриада, мать твоего деда, помогла сбежать твоему прадеду.

— И что? — Иргеру так и не вернулся голос.

— Ты когда ни будь видел своего деда? Хотя бы в детстве?

Иргер, подняв глаза, отрицательно покачал головой. Наёмник продолжил:

— Скорее всего он нашёл себе какую — нибудь девушку, а как только та, прости меня, гм, залетела, сбежал, поджав хвост. Знаешь, почему, Иргер? Потому что ему был дарован геном природы. Высший геном, которым, повторюсь, обладают дриады и, за редким исключением, эльфы. Скорее всего, твой дед обращался по ночам в ужасную тварь, и терроризировал округу. А потому и сбежал, зная, что не сможет растить сына. Женщина, подозреваю, решила оставить ребёнка — мальчика, ведь будь она девочкой, стала бы духом,

как и дриады. Но ей повезло, и у твоего отца, я полагаю, генома не было. Я прав?

— Он был простым плотником и умер от тяжкого заболевания лёгких. Кашлял кровью.

— Понятно. Тот, кто обладает геномом, от такого умереть не может. Но, тебе, Иргер, не повезло. В тебе всё же проснулся геном, пускай ты и обращаешься всего лишь в ужасное подобие волка. Когда это началось? Дай угадаю, когда тебе было лет тринадцать — четырнадцать? В самый разгар полового созревания. Ужасная участь, я даже не представляю, что ты пережил.

Гумберг сел на одно колено, положив руку на плечо мужчины. Он сам не знал, зачем он это сделал.

— Боги, что мне делать...

— ...Ты мог бы сбежать вместе с ней, — предложил наёмник, — И снова жить в глуши.

— Нет, это не жизнь. Думаешь, всё это время я не понимал, что это ненормально? — шептал мужчина. — Ведь только тут я могу сдерживать себя. Но скоро этого места не станет.

— Люди ужасны, — прокомментировал наёмник. — Это место чертовски опасно, но они готовы жертвовать собой, ради спасения своей страны. Их можно понять. Мне кажется, Валерия бы подтвердила мои слова.

— Не смей называть её имя! — Крикнул Иргер, а после безнадежно добавил: — Прости... Нам ничего не остаётся. Нам некуда бежать. Нам, не ей! Пекло, мне плохо. Нет больше места, где мы могли бы жить. Даже тут, в этом магическом лесу, откуда мой прадед родом, я чувствую запах человеческого мяса и крови, и он просто сводит меня с ума...

Появились первые звуки. Пение птицы — это было первым, что услышал Гумберг. Но он был не рад этому.

— Ты отвезёшь Валерию в город, оттуда, прошу, одолжи ей денег, она доберётся до родного дома, к семье. Неважно как, но прошу, сделай это! Деньги ты получишь. Да, убей меня и вернись, сдай мою голову, уверен, за меня они отдадут большие деньги. После всего этого то.

— Гм, не большие. Голова будет одна, а они думают, что тут целая стая... — холодно было заметил охотник, а после осознав слова мужчины, округлил глаза. — Неужели... Не верю, ты поступишь настолько радикально? Самоубийство?

— Мне больше ничего не остаётся. Прошу...

— Иргер, гм, самоубийство — это самое жалкое, что может сделать человек.

— А я разве человек!? — вновь взорвался мужчина. — Боже, перед кем я оправдываюсь... неужели я настолько жалок?

— Передо мной, — в голосе мечника прозвучали нотки стали, — Мне не нужны деньги, Иргер, просто скажи... Почему так радикально? Я не верю. Ты первый человек на моей памяти, который готов расстаться с жизнью.

— Какая тебе разница...

— Ты не достоин не одного человека, который бы любил тебя. Ты просто жалок.

— Ты прав, а потому, прошу, — мужчина таял на глазах, — спаси Валерию. Я задержу солдат.

— Иргер. Ты убьёшь невинных людей. — Смахнув пепельные волосы, сказал бледный.

— Гумберг, прошу! — Нервно оглядываясь по сторонам, безумно выпучив глаза, просил Иргер. — Прошу, забудь о этих людях, помоги мне!

— Гм, помочь человеку, готовому расстаться со своей жизнью? Не заплатив никакой

цены за то, что он убьёт невинных?

Волколак замолчал, ошарашенно глядя в яркие, словно горящие, но такие холодные глаза наёмника.

— ...Я не хотел искать ведьм, и отдавать свою душу... Я не хотел убивать тех солдат. Я не хотел убивать и этих, но моя природа взяла верх, и я не смог сдержаться. Я просто боюсь. За себя, за неё... Разве ты никогда не боялся?

Мужчина стоял, осматривая красную рубаху, которую он запачкал кровью солдат. Надел её. Встал, обессиленный и бледный, закрыл лицо грязными, окровавленными руками. «Они не были достойны жить...» — утверждал он, оправдываясь. «Не тебе их судить, Иргер. Они убивали ради наживы, без каких — либо зазрений совести, но это не значит, что хоть кто — то имеет права отбирать их жизнь. Они тоже не имели» — возразил Гумберг.

«Но я ведь ничем не отличаюсь, — задумался мечник. — Убиваю точно также, и ради того же. Имею ли я право жить?»

— Иргер, ты жалок, — холодно проговорил Гумберг. — Обычно мне всё равно, но именно сейчас меня от тебя тошнит, хоть физически я и не могу. Ты просто жалок. Гм, посмотри на себя. Мне не нужны твои деньги. Валерия достойно лучшего, и лучшей платой будет то, что эта девушка будет подальше от тебя. От того, кто не может убить, убить за любимого человека, того, кто ищет оправдания убийствам. Убийство нельзя оправдать, Иргер.

Мужчина замолчал, ошарашенно повернулся к охотнику. Посмотрел на него.

Абсолютно ничего не выражающее лицо с огненно — оранжевыми, рубиновыми глазами. Но холодными, как лёд.

— Ты прав. Но, прошу, сделай это. Не ради меня. Ради неё.

— ...Хорошо.

Иргер горько улыбнулся. Наёмника передёрнуло.

Ворота Крувэйла показались совсем скоро. Высокие, окружённые неприступными стенами, они казались просто огромными, возвышаясь над всадником. Двое солдат молча сопровождали взглядом двоих человек, сидящих на лошади.

Город, как и большинство более — менее крупных городов в принципе, располагался так, чтобы его можно было окружить стеной, но, одновременно с этим и так, чтобы среда, где был возведён город, служила ему естественной защитой. Такой защитой ему служила большая река, находящаяся с северной части города, проходящая через самое его сердце, рассекая его на условные две части. С других сторон он был окружён густым лесом со множеством буреломов и маленьких озёр или речек.

В Крувэйл, опять — таки, как и почти во все города, можно было попасть только по подъёмному мосту, находящемуся над глубоким рвом, на дне которого обычно, (здесь не было), находился частокол. Мост же по ночам поднимали.

В самом начале города, прямо при въезде, обычно располагалась вымощенная мостовая, но этот город был исключением. Вместо неё, здесь, как бы это смешно не звучала, была большая сточная канава, тянущаяся через длинную улицу, справляясь с ролью отпугивающего фактора больше, чем, например, виселица или насаженные на кол трупы. Благо, улицы были не узкие, и разъехаться было куда, чем множество торговцев и

путешественников пользовались с превеликим удовольствием.

Девушка смешно сморщила лицо, зажав пальцами нос. Пепельноголовый всадник даже не поморщился, продолжая смотреть прямо и вести лошадь только ему ведомым путём. Наконец, проехав очередную черту города, точнее, заставленные торговыми палатками улицы, всадник остановился. Слез, помог спрыгнуть на землю и Валерии.

— Где мы? Зачем мы сюда приехали? Это то место? Если так, то отвечай, где Иргер! — Девушка тут же закидала бледного вопросами, на которые он так и не удосужился ответить.

Вместо этого он молча протянул увесистый мешок ей в руки. Валерия замолчала. «Что это?» — Спросила она, осматривая серую ткань, но так и не решаясь открыть мешок и рассмотреть содержимое. «Это что, кровь?» — Заметив небольшое, тёмное пятнышко, проступающее на ткани, её глаза расширились от испуга.

— Открой.

Девушка послушалась охотника, чуть дрожащими пальцами развязав верёвку и посмотрев внутрь.

— Деньги?

— Они твои. Там есть ещё вещи, и объяснительное письмо. Иргер просил, чтобы ты открыла его только когда снимешь себе комнату.

— А если я прочитаю сейчас? — Слегка осипшим голосом спросила Валерия.

— Гм, что же, ты можешь, мне всё равно, когда ты это сделаешь. Но ты должна помнить, что это личная просьба твоего мужа. — Холодно уточнил наёмник. — А теперь, гм, прости, я должен ехать. Гостиница находится прямо за этим поворотом. Денег должно хватить на месяц проживания, но лучше побереги их для...

— Для чего? — Девушка подняла голову, смотря на Гумберга снизу — вверх.

«Для семьи» — хотел добавить мечник, но промолчал

— Мне пора.

Сказав это, бледный всадник ловким движением запрыгнул на коня, и, схватившись за поводья, тут же перешёл в галоп, скрывшись за поворотом и оставив Валерию наедине с собой.

Лес — это целый мир, место, наполненное жизнью. В нём всегда, даже в зимнюю пору, всё дышит, идёт своим чередом, живёт. Хищники выслеживают добычу, охотятся. Продолжаю род, заботятся о потомстве, пряча их от ненастной погоды, согревая и кормя. Травоядные почти не отличались от хищников. Они также заботятся друг о друге, так же стареют, умирая, и так же размножаются, не прерывая круг. Но было одно разительное отличие. Они были едой, жертвой, которую приносят, чтобы продлить жизнь. Неразрывная цепочка жизни и смерти.

Животные, являющиеся добычей, разбегались, лишь учуяв охотника, протягивающего свои острые когти в их сторону. Скрываясь, они всё равно часто, (особенно в Балавайрских лесах), заканчивали жизнь, попадаясь к, например, волкам. Выступая в роли еды, слабые, часто ничего не могшие что — либо противопоставить хищникам, они, тем не менее, боролись за свою жизнь. Им, как слабым, была присуща осознание ценности чужой жизни, поскольку они сами понимали, что в любой момент могут потерять свою, став не более чем пищей для тех, кому требовалось убивать. Хищники этим тоже были не обделены, но у них просто не оставалось выбора.

Люди же, не осознавали ценность чужой жизни. Нет, убивать представителей своей расы — табу для них, как и для нелюдей. Но находились отдельные личности, способные

отнять жизнь даже представителя своего рода, безжалостно вырвав её из тела ближнего. Не ради продления своей, какая была цена у хищников, а ради... причина могла быть любой. Они были готовы. Вечно расширяющиеся, захватывающие новые просторы, они уничтожали леса, возводя города, сжигали плодородные поля в войне, останавливали реки, осушивали болота, раскапывали землю ради металлов, истребляли всё живое, не задумываясь ни о чём. И воевали друг с другом. Цвет, рост и вес, незначительные, (или не очень), различия в культуре — этого было достаточно, чтобы ненавидеть друг друга, что же говорить о простых животных, которые были лишь источником материалов и пищи. Люди даже не были на вершине пищевой цепочки.

Люди убивали друг друга, были готовы отнять чужую жизнь. Именно поэтому самым страшным врагом человека был человек. Но были те, кого люди боялись ещё сильнее. Тех, кто походил на людей, но по своей природе человеком не был. Стоило иметь лишь одно различие. Опять — таки, те же эльфы, халфлинги и прочие. Люди научились жить с ними, но на это потребовалось слишком много времени. Люди боялись тех, кто был слишком похож, но человеком не был. Это пугало людей, ведь страшнее человека только тот, кто выглядит как человек, но им не является. Неясная угроза, исходящая, казалось бы, от ясного существа. Незнание, непонимание пугало людей. Часто, они и не пытались понять...

Дриады были другими.

Иргер ждал в условленном, заранее оговорённом, месте. Он стоял, наполовину обращённый. Держась за обожжённый бок, его лицо было искажено гримасой боли. Полуголый, он стоял, напоминая дикую смесь животного и человека.

Редкий, прозрачный серый мех покрывал его окровавленное тело. Волосы, до этого короткие, стали длиннее, спутавшись. На руках, на кончиках длинных, деформированных пальцев, были чёрные, обломленные когти. Увидев приближающегося всадника, он заговорил, обнажив острые, кроваво — красные клыки:

— Я убил большинство. Они сбежали. У них... у них было серебряное оружие. Подготовились... — Иргер тяжело дышал, морща своё грязное, плоское лицо с ярко — жёлтыми, блестящими глазами.

— Вижу, — подойдя, и осмотрев ужасные раны, на его изодранном, искалеченном теле, сказал Гумберг. — Ты хорошо постарался, Иргер. Теперь же...

— Да, — выдохнув одновременно с этим словом, подтвердил волколак. — Теперь можно. Как я и сказал, я не буду искать ведьм и чародеев. Это ведь бесполезно. Но я выполнил обещание. Я спас Валерию. Ты передал ей мешок?

— Да. — Спокойно ответил бледный. — И захватил один для тебя.

Волколак, наполовину обращённый, кивнул, довольно закрыв глаза. Поправил:

— Для моей головы.

Иргер встал на колени, осунувшись и растеряв остатки сил. Перед тем, как попрощаться окончательно, спросил:

— Надеюсь, хотя бы теперь, после всего этого, в тебе разожглось желание убить меня?

Гумберг молчал. Молчал долго. Иргер всё это время не отводил от него взгляда. Поняв, что он не ответит, криво ухмыльнулся, закрыл глаза.

— Нет. Я не желаю убивать тех, кто убил, защищая свою семью. Но не важно кто ты, кем бы ни был, ты не можешь оправдать убийство других, и, надеюсь, Иргер, ты это понимаешь. Я не имею права тебя судить. Только не тебя и только не я.

Иргер улыбнулся. Сказал:

— Знаешь, было бы легче, если бы ты просто соврал, сказав: «Да».

Улыбнулся спокойной, умиротворённой улыбкой. Он выглядел так, словно ему стало легче дышать. Названный Валерией Гумберг удивился себе, удивился неизвестно чему. Может, тому, что он впервые так разговаривает с кем — то? «Нет, это бред. Мои мысли чисты, и я чётко знаю, что должен сделать.»

Антрацитового цвета меч блеснул холодным в лучах солнца. С тихим звоном, он переполз в руку мечника, удобно устроившись в его ладони. Наёмник, по привычке выдохнул, пригнулся, напружинив ноги и занёс меч сбоку, подперев наверх ладонью. Прицелился.

Пепельноволосый мечник хотел завершить всё одним ударом, так, чтобы волколак не почувствовал боли. Иргер стоял на коленях, и так и не открыл глаза. Стоял, казалось, замерев на месте, не двигаясь и даже не дыша, лишь мечтая о том, чтобы это поскорее кончилось, но при этом сожалея, что им было отведено так мало времени. Дурацкая улыбка, из — за которой у Гумберга вновь начало скрести, нет, не между лопаток, а где — то глубоко в груди, так и не сошла с его лица.

«Я знаю их всего ничего. Здесь не о чем волноваться.»

Удар пришёлся прямо в сердце.

Валерия молниеносно влетела в комнату, которую только что сняла, заплатив монетами, которые вручил Гумберг. Кинув мешок на стол, она зашторила окна, оставив лишь небольшую щель, чтобы частичка света проникала внутрь, падая на стол.

Трясущимися пальцами раскрыла мешок вновь. Внутри оказался кошелёк с монетами, медальон, такой же, какой висел на её шее, и красивый браслет, из тёмного дерева с небольшим, зелёным полупрозрачным камнем. Письмо, чуть смятое, лежало на самом дне, на каких — то окровавленных тряпках.

Желание сразу схватит письмо, разорвав конверт, в котором оно лежало и прочитать текст на клочке бумаги, находящийся внутри, было сильно, но она его переборола. Аккуратно подцепив руками ткань, девушка извлекла её из мешка. Слезы сами навернулись на глаза.

Валерия сидела на краю кровати, вытянув и держа перед собой окровавленную, холщовую рубаху. Слезы сами беззвучно скатились по щекам, упав с подбородка и разбившись о дощатый пол. Девушка взяла письмо, содержание которого, она уже знала. Слезы застилали глаза, но она всё равно видела этот немного неровный, до невозможности мелкий почерк, который могла разобрать лишь она.

«Дорогая Валерия. Ты же знаешь, я не умею подбирать слова, и наверняка разведу здесь, на этом жалком клочке бумаги, который не в силах уместить в себе всё то, что я чувствую, столько грязи и ошибок, сколько только смогу. Благо, с моим почерком, я всё же постараюсь уместить хотя бы часть. Дорогая моя Валерия, (знала бы ты — зачёркнуто), ты наверняка знаешь, как много для меня значишь. Эти два года были самые счастливые в моей мрачной жизни. Ты была тем самым лучиком света, который направлял меня всё это время. Я много раз писал такое письмо, подозревая, что такой момент настанет, но каждый раз сжигал его, не в силах смириться с судьбой. Знала бы ты, как я был удивлён, когда почувствовал другого человека в доме. Как испугался, нёсся со всех (зачёркнуто — лап), ног. Особенно, меня пугал

его запах, непохожий на любой другой. И как я был счастлив, что ты, когда я вошёл, оказалась цела. Я был так (текст на другой стороне листка:) против, но ты решила помочь незнакомцу. Хотя я никогда не понимал этого, но я всегда любил твою доброту, тебя, умеющую любить. Умеющую прощать. Как я благодарен тебе за то, что есть такие люди, как ты, Валерия. Умеющие дарить безвозмездную помощь, умеющие любить того, кого ненавидят все другие. Сейчас, возможно, это письмо я сейчас пишу (зачёркнуто — с дурацкой улыбкой на лице), только благодаря Гумбергу, поэтому, если встретишь, поблагодари его и ты. Валерия, как я люблю тебя! Но прошу, забудь обо мне, забудь, как страшный сон. Езжай домой, и не вспоминай обо мне никогда (зачёркнуто — как бы мне не хотелось бы, чтобы ты любила меня ещё десять, нет, пятнадцать лет), никогда, слышишь, никогда! Этот браслет я хотел подарить на пятнадцатый день весны, ровно в тот же день, когда мы с тобой встретились, и в тот же день, когда, спустя год, ты стала называть меня мужем. Выбрось его и сожги, чтобы никогда не вспоминать обо мне! Или носи его тяжким грузом с собой, но живи дальше, ради меня, проклятого отродья, чуть не погубившего твою жизнь, твоё будущее! Как я люблю тебя, Валерия! Прошу, живи, живи, Валечка! Прошу! Как я лю...» — последнее слово в тексте расплылось, когда на поверхность бумаги упала первая слеза. До этого, пока читала, Валерия не смела плакать, где — то в глубине души мечтая о том, что в самом конце он напишет: «Я уже здесь, в Крувэйле, езжай ко мне, как только сможешь, мы убежим, убежим вместе!» Но её мечтам не было суждено сбыться.

Охотник на нечисть, наёмник, названный Валерией именем Гумберг, разбил их, растоптал их будущее, с несомненно, таким же трагичный финалом. Всё потому, что бледный, пепельноволосый мечник так и не сказал Иргеру бороться до конца.

Со стороны случайного прохожего, за дверью одной из комнат раздался тихий всхлип, будто кто — то закрыл лицо рукой, в попытке не закричать от отчаяния.

Глава 4. Каменные Сердца: «Там, где сходятся тропы»

Крувэйл прекрасный город. По крайней мере, он нравился Гумбергу. Не смотря на все свои недостатки, коих было на самом деле достаточно, этот город был любим различными, разной степенью славы, личностями. Город не был особо большим, поэтому здесь многие знали друг друга, а ещё больше знали тех, кто здесь живёт. Тех, кто любит славу, чтобы их узнавали на улицах прохожие, чтобы выполняли любой их каприз. Чародеи, известные авантюристы, актёры, барды и другие подобные.

Сказать, что Гумберг тоже прославился... Ну, он думал, можно было. Со временем пепельноволосого наёмника стало узнавать всё больше и больше прохожих, раза два — три на дню точно. Конечно, другие знаменитости бы посмеялись над бледным, но ему и это внимание докучало. Иронично, что популярные люди ездят в глушь, чтобы скрыться от внимания, а тут всё было ровно наоборот. И иронично также было то, что как бы не был богат и популярен Гумберг, ему довольно часто приходилось ночевать на улице, как бездомному. Любой другой бы посмеялся с него, но как хорошо, что пепельноголовому было плевать.

Всадник проехал под аркой, соединяющей два длинных, многоквартирных здания. Проехался через площадь, между палатами торгашей и гостиниц. Наконец, он добрался до гильдии. Банк находился совсем рядом, но прежде чем обналичить всю сумму и отправиться в Армгмар, к детективу, он решил зайти в знакомое ему место, толи из — за ностальгии или ещё чего. Последний раз он был там около полугода назад.

На удивление, в гильдии было довольно тихо. Обычно, даже за закрытой дверью было вечно слышно вскрики, вопли и гул. Таковы были большинство посетителей гильдии — вечно пьяные, жаждущие славы и денег, наёмники. И тот, кого он там встретит, совсем не отличался от остальных.

Дверь скрипнула, открыв перед Гумбергом знакомую картину. Множество больших, потрёпанных столов из тёмного дуба, высокие, украшенные разноцветной мозаикой окна, угловатые, широкие, мощные колонны, выточенные из стволов деревьев, на которых располагались потухшие факелы. Гигантская, тёмная люстра, нависающая над головой Гумберга, с которой изредка капал воск на неудачливых авантюристов, коими назывались самые обычные наёмники.

Внутри всё было также, как и когда — то давно. Ни расстановка столов, ни персонал не сменился, люди, слегка сонные и безжизненные, обычно бегали между столов, разнося выпивку как в каком — то кабаке, теперь же скучно брели по своим делам, вытирая столы или меняя свечи. Рядом с объявлениями, висящими на широких досках, стояло всего несколько человек, и те, плюнув, направились к выходу, исподлобья глянув на бледного.

Внутри, (помимо выходящих наёмников), было всего трое посетителей. Двое из них Гумбергу были неизвестны, а вот третьего он знал, и знал очень хорошо.

Тордрак из клана Темнокамень — толстопузый, закованный в наборный доспех, с топором на поясе, светловолосый дварф. Спутанная борода без украшений, спускающаяся до живота, раскинутые по бокам короткие волосы, подобранные тёмной повязкой на лбу, и тусклые, серые глаза, под которыми проступали морщины.

Бледный подошёл к столу, за которым одиноко сидел Тордрак, задумчиво разглядывая

пол. Перед ним, на столе, стояла кружка пива, из которой уже давно выветрилась вся пена. Дарф к ней даже не притронулся.

«Что — же тебя гложет, друг?» — Подумал бледный и сказал:

— Здравствуй, друг.

Дварф задумчиво поднял глаза, неясным взглядом осматривая наёмника. Ему понадобилось несколько десятков секунд, (всё это время Гумберг терпеливо ждал), чтобы осознать, кто стоит перед ним. Тордрак, в неверии встал со скамьи, с шумом уронив оружие на пол. Его взгляд прояснился, а на лицо налезла глуповатая, радостная улыбка.

— Серый! — Радостно прокричал дварф.

Прокричав это, Тордрак накинулся на друга, крепко сжав его. Ростом он доходил лишь до половины торса мечника, но силы в нём было больше, чем в троих Гумбергах, Бумбергах и ещё — кого — то — там вместе взятых, поэтому, обняв бледного, он заставил его выдохнуть, ойкнув, и чуть не сломал ему спину. Время чувственного, дружеского воссоединения прошло, и дварф отстранился от наёмника.

— Сколько долгих месяцев, друг! Серый, ты почти не изменился! — Крепко пожав руку Гумбергу, воскликнул Тордрак из клана Темнокамень. — Ты вообще не изменился! С тех пор ни на сантиметр не вырос, ха!

— Гм, то же самое можно и про тебя сказать... друг.

— Присядь, выпей, расскажи, что да как... Ох, прости, угостить не смогу. Бери мою кружку. Давай, садись, садись, — быстро дыша, упрашивал друг мечника, потом он сел, сделал паузу, и выдохнув, сказал: — Ну, рассказывай.

«Да, скверны дела» — Подытожил Тордрак после рассказа Гумберга.

Наёмник коротко пересказал все, что с ним приключалось за это время, но в детали не вдавался. Весь монолог дварф сидел, изредка причмокивая или морщась, но были и моменты, когда он заливался хохотом на весь полупустой зал, хотя Гумберг в этом ничего смешного не видел.

— Ну, из этих историй я могу вынести только одно. Не доверяй рыжим эльфам, особенно тем, у которых окровавленный нож в руках! — Улыбнувшись во все тридцать два зуба, хихикнул дварф.

— Гм, и это всё, что ты вынес? — Поднял бровь бледный. — Ладно, неважно. Тордрак, что — то случилось? Ты сидел с таким видом, словно у тебя уже...

— Порох в пороховнице кончился? Не, я ещё не отстрелялся, Серый. Как домой вернусь, ух, пусть бежит, прячется моя Лаврушка! Я ж её, месяца три уже не видывал. Только узнаю, что с Хьёлмендом мне изменяет, прибью голыми руками!

— Я не про это, Тордрак. Но вид у тебя действительно был... озадаченный. Гм, что — то случилось?

— А как же, — горько вздохнул Тордрак, склонив светлую бороду, — брат мой, двоюродный, Мальянк, слыхал может, заболел. Ну, я с самого Грестхольда, сюда, короче, махнул. С лекарством и деньгами. Думал, прикуплю, Лаврушке, подарок. Тут такие самовары чудные продают, дорогушие. А она любит их, больш чем меня, старая потаскуха! — Беззлобно пожаловался он. — А ночью, прямо на дороге, вокруг поле чистое, прикинь, налетел кто — то! Один! Дык я бы ему как топориком своим, бах!

Один из персонала испуганно дёрнулся, когда Тордрак со злостью стукнул по столу.

— Влетел, как молния, чёрная вся! Я же деньги как, всегда там, под сердцем ношу, — дварф хлопнул по внутреннему карману, — А эта бестия, как в карету залетела, мешки

похватала, шкатулку добротную, дорогущую, с золотым львом, в которой лекарство для сохранности лежало, тоже и фьюх! Исчезло! Кучер от шума чуть в штаны не наложил, я, признаться, тоже. Ни черта не разглядел!

Гумберг молчал. Молчал, обдумывая сказанное.

— Чистое поле, говоришь?

— Ыгы, — причмокнул дварф, присосавшись к пиву, которое сам и предложил, — Ни черта, говорю же.

«Смотрю, настроение у него всё же повысилось.» — Подумал наёмник.

— А новое лекарство здесь не купить разве?

— Ну дык деняк нет, — дварф допил пиво, отрыгнув, — Так бы я тут не сидел.

— Гм, коль так дело обстоит, я могу тебе денег дать. Если лекарство тут можно купить, конечно, а если нет... нет, я знаю где достать. Пойдём и купим, ты только, смотри, снова на эту бестию не напорись. Я с тобой пойду.

— Не — не — не-не! — Залепетал Тордрак, а после изрёк очередную дварфийскую мудрость. — Я у друзей долгов не беру, потому что долги людей ссорят! Спасибо конечно, я как нить сам...

— Так я не в долг. Для друга не жалко, проценты в банке всё равно начислялись уже, а куда их деть, я не знаю. В минус не уйду, а так хоть выручу друга. Сколько?

Дварф молчал, смотря на Гумберга мокрыми глазами. После, аккуратно утёр их, театрально смахнув слезу, и вновь накинудся на бледного с объятиями.

— Серый, Серый, друг ты мой! Век не забуду, жизнь отдам! Хочешь, хоть жену мою забирай, знаешь, какая она у меня? БО — РО — ДА-ТА-Я! Мечта, а не женщина!

— Спасибо, не надо, — скривился Гумберг, отстранившись от объятий, которые даже ему делали больно, — Лучше скажи, почему нелюди активно покидают город, точнее, эту округу в целом. Это будет лучшей благодарностью.

— Я же просил не называть нас так. — Нахмурился Тордрак.

— Не забывай, что я и сам не человек. Друг. — С притворно — грустной улыбкой заметил наёмник.

— Ладно, другу прощается. Извини, но благодарить толком нечем. Я понятия о деталях не имею, но! — Тордрак из клана Темнокамень сделал многозначительную паузу. — Говорят, это гномы что — то нашаманили, намагичили... А вообще, пошли, по пути расскажу.

— Гм, лучше уже тогда в ночь, Тордрак.

— Чего так?

— Нужно деньги обменять и в то место, куда мы пойдём за лекарством, лучше идти ночью. По пути расскажешь...

Когда ночь наступает, с неба, голубоватым туманом, спускаются облака, чтобы показать яркие звезды. В это время привычный мир привычных людей замирает, содрогнувшись, становится тихим, будто мёртвым, безмолвным. Нет прохожих на теперь уже пустых, дорогах. Все больше окон загораются светом в домах, а после гаснут, оставляя улицы и тех, кто не успел скрыться, на растерзание теням. Тьма опускается на город, в котором не каждый человек — это человек. И единственное твоё спасение — небольшие островки света, под фонарями. Но даже они не гарантируют твою безопасность.

«Гм, ты ехал, значит...» — Начал Гумберг, аккуратно ступая по тёмному переулку. Звон монет мог привлечь недоброжелателей, и дварф это осознавал, поэтому ответил тихо:

— На карете. Дорогой, етить его, а бестия та крышу пробила. Да я если её ещё раз, я ей по самые... Это я так, жалуясь. Повторю, ехал за самоваром и лекарством для брата.

— А ничего ещё ценного или запрещённого не вёз? Чего — то, что могло привлечь эту бестию? Гм, раз так ворвалась, говоришь, что ты среагировать не успел, это был явно не рядовой налётчик.

— Налётчик не налётчик, а налетела так, что теперь я даже в чистом поле оглядываться буду. Не вёз я ничего такого. Чего тебя вдруг это заинтересовало? Ты же про беженцев узнать хотел. А ещё лучше скажи, чего мы всё же ночью идём? Не в бордель же, хотя я бы пожаловал к... — Прошептал дварф, кокетливо стукнув локтем локоть друга.

— Лекарство это, *Sićuegśan Egźecie*, или же в простонародье «Слюна Василиска», (не путать с настоящей слюной!), помогает снять каменную подагру. И такое лекарство здесь может продаваться только у одного человека. А принимает он только ночью.

— Почему ночью? И ты откуда столько знаешь? Сам болел?

— Я не могу заболеть. Не этим точно. Ночью принимает, гм, потому что днём спит. — Пояснил Гумберг.

— Вампир что ли? — Невесело усмехнулся его спутник.

— Не дури. Где твой брат умудрился наглотаться выделений василиска?

— Чёрт его знает. — Недовольно буркнул Тордрак.

— Ясно. Хорошо, почему всё же все гномов подозревают?

— Чего? — Поёжился дварф. — А, ты так тему меняешь. Понятия не имею, говорил же. Нашли, грят, руны какие — то, вот, изучали. Опережая твой вопрос сразу скажу где это было. Руны нашли под Тиссовой горой, у Призрачной рощи. Собралась, туда, значицца, толпа чародеев и волшебников всяких, да эти, эскр. экспре...эксперименты ставить. И чё — то у этого круга магов бахнуло, бахнуло так, что в самом Ремаре было слышно. Ну, оттуда и попёрло... что — то. Чума.

— Думают, эта чума и до сюда доберётся? Тогда почему только нелю... представители других рас уезжают?

— В душе не... В общем, не знаю. Может просто шуму наделали, а это всего лишь оспа какая — нить. А про другие расы, тут уж и я не знаю, не серчай.

— Не серчаю.

Дварф и мечник вышли из — за переулка, проходя через множественные гостиницы с самыми разными названиями. «Летучая рыба», «Пилигрим», «Чайка» и «Тёплый дом». В всех них пепельноголовому приходилось ночевать и всё они были похожи. Путники прошли под одной из арок с вывеской о скором приезде труппы артистов, выступающих тут каждый год, прошли мимо фонтана, у которого лежал пьяница, что, из — за холода, возможно не доживёт до утра, прошли мимо улицы, раньше заполненной палатками, а сейчас абсолютно пустой, и, наконец, дошли до нужного места.

Высокое, слегка выбивающиеся из общего антуража, но такое же многоквартирное здание, с решётчатыми окнами и небольшими навесными балкончиками. Гумберг знал, что все квартиры объединены между собой, образуя обычный, многоэтажный дом, какой мог позволить себе не каждый. Такую практику часто использовали богатеи, просто выкупая определённую часть здания и снося стены. Но добиться разрешения было не легко, а тут не то, что этаж, а целый блок этажей был выкуплен.

Тордрак завистливо присвистнул.

Пепельноволосый мечник подошёл к двери из тёмной ели, аккуратно постучав кольцом

на ручке, выполненной в виде морды льва. Он знал, что замок магический, и стук можно будет услышать из любой точки дома, а при попытке взлома, нарушителя бы обдало кислотой или молнией. Через секунду дверь отварила, но за ней никого не оказалось.

— Чудеса... — Выдохнул дварф.

— Только не говори, что ты удивлён, Тордрак, — со стороны винтовой лестницы, ведущей на верх, раздался женский, немного сонный, хриплый голос, — Давно не виделись, птенчик.

— Кого это она птенчиком назвала? — Возмутился Тордрак, выискивая взглядом осмелившегося сказать это человека.

— Гм, это мне, друг. — Слегка побледнел и без того бледный Гумберг. — Давно не виделись...

Девушка сидела, закинув ногу на ногу. Магическим образом волшебное короткое платье из чёрной ткани не позволяло увидеть больше позволенного, чем многие дамы при деньгах и пользовались. Такая одежда стоила не мало. И вот, эта девушка в платье с красивой застёжкой, в виде золотого жука скарабея, молча разглядывала Гумберга, расположившегося напротив волшебницы, за небольшим кофейным столом. Гумбергу было не совсем по себе, он редко находился в столь богатых квартирах, даже несмотря на то, что часто помогал всяким графам и баронам, его образ жизни можно было назвать немного... Мягко вольным и свободным, со всеми вытекающими последствиями, в чём наёмник непременно давал себе отчёт.

— Не ожидала увидеть тебя в столь поздний час, птенчик. Когда это ты, дорогуша, повадился к девушкам по ночам шастать? А ты, Тордрак, если будешь продолжать шастать по моему дому, заглядывая куда не надо и трогая разное, не удивляйся, если вдруг на лбу вырастит жабий чл...

— Мирана, нам нужна помощь, — перебил девушку Гумберг, краем глаза наблюдая, как испуганный дварф залазит на высокую табуретку рядом с ним, — У тебя есть «Слюна Василиска»?

Гумберг впервые в жизни перебил эту девушку, которая, правда, девушкой уже давно не являлась. Она не то, что ему в матери годилась, скорее, наверное, в бабушки, если не больше. Она долго молчала, думая, как реагировать на возмутительное поведение наёмника. Наконец, прикрыла глаза и, улыбнувшись одними губами, чуть показав белые зубы, сказала:

— А зачем вам *Sićuęgšan Egźecie*? Думала, мы, птенчик, уже давно выяснили, что заболеть ты не можешь. Пока что...

— Это не мне, это...

— Твоему другу клептоману, я полагаю, — жестоко проговорила женщина, сверив взглядом дварфа, чьи ноги даже не доставали до пола, что с интересом разглядывал, а иногда и трогал разные безделушки, по типу колечек, игральные кости и каких — то вырванных страничек, лежавшие на круглом, кофейном столике, за которым они все сидели, — Если не хочешь, чтобы твоя борода медленно, волос за волосом, выпадала на протяжении месяца, пока не выпадет полностью, оставив тебя навсегда, то лучше положи эту чёртову жемчужину на место!

Тордрак дёрнулся из — за слов Мираны, которые медленно, но верно переходили от спокойного полусшёпота до резкого выкрика с её стороны. Увидев, как дварф испугался, выронив покотившуюся по столу голубую жемчужину, и схватился за свою бороду, женщина залилась звонким, заразительным смехом, тем самым ещё больше озадачив мужчину.

— Гм, лучше не трогай здесь ничего, она не любит, когда кто — то касается её вещей, даже я. Так сколько? У меня с собой тысяча эллерм, утром смогу ещё сбегать. Хватит?

Дварф поперхнулся, услышав сумму.

— Даже тебя, голубчик, ОНА готова потерпеть, пока гости не тратят её драгоценное время. Говори, зачем пришёл, птенчик. Ах да, лекарство. Не хотелось бы тебя расстраивать, но его у меня нет. Последнее отдала за бесценок мальчику из бедной семьи, живущему в северной части города. Можешь забрать обратно, если надо, могу назвать адрес. — Без сарказма предложила волшебница, убрав прядь чёрных с белым волос.

— Гм, я, пожалуй, откажусь.

— Ну и ведьма... — Прошептал Тордрак, только не учёл, что у этой самой «Ведьмы» очень тонкий слух.

— Птенчик рассказывал мне о своём друге, но не упоминал, что он бестактный, вонючий дварф с цепкими пальцами и длинным языком, который я наверняка, могу безнаказанно укоротить. Принять такого вонючего мужлана в своём милом доме, где же это видано. Так ещё этот дварф, — Мирана буквально выплюнула это слово, — якшается с моим птенчиком и учит его неизвестно чему! Ужас, срам, да и только.

Дом был действительно милым. Нормальных размеров уютные комнаты, с бирюзово — синими обоями, украшенными разными узорами. Тёмная, утончённая мебель и мягкий диван, на котором уже успел посидеть Тордрак. Его, правда, тут же согнали и обиженный дварф начала бесцельно бродить по комнате. Они находились в кабинете, насколько мог судить Гумберг.

— Мирана, прошу, успокойся. Лучше скажи, где нам его достать. — Почти обеспокоенно поинтересовался мечник, а после добавил: — Помоги нам.

— Я абсолютно спокойна, дорогуша. Эх, всем бы такую широкую душу, как у тебя, голубчик. И такую же, как у меня, — притворно вздохнула она, — Разумеется, я помогу чем смогу, раз уж ТЫ просишь.

— Гм, спасибо, Мирана. — Гумберг невольно съёжился под взглядом волшебницы.

— Дорогуша, я думала, что ты избавился от этой привычки уже давно! — Глаза женщины блеснули ядовито — зелёным, а сама она лукаво улыбнулась. — Ну, слушай, как мы поступим.

Гумберг прыгнул на слегка мокрую траву. Судя по всему, в этих краях недавно прошёл дождь. За ним, следом, из портала неуклюже вылезал Тордрак, зацепившись за что — то ботинком. Чертыхаясь, он, вылетел, пропрыгав на одной только ноге несколько метров, прежде чем свалился в грязь. За спиной мечника появилась яркая, зелёная вспышка, и кольцо света, из которого они вышли, с треском лопнуло, оставив после себя гаснущие искры. «Гм, но порталы же запрещены, Мирана, — засомневался Гумберг.» «Небольшие можно, не засекут, — успокоила наёмника волшебница, — я же не армию перемещаю, так что давайте. Идите, идите!»

И они пошли, растерянно оборачиваясь.

«В это же время следующего дня. Будь аккуратен, птенчик, здесь водится множество василисков. Впрочем, если бы ни это, я бы тебя туда и не послала бы. Скажи другу, чтобы не глазел по сторонам, если он не хочет обратиться в камень. Уродливый, смердящий камень.» — В мечника всё ещё звучал удаляющийся голос Мираны. «Гм, полезная вещь, эта телепатия.» — Подумал Гумберг, наблюдая за растрёпанным дварфом.

— Да чтобы эта ведьма провалилась. Серый, ты откуда её вообще знаешь? —

Пожаловался дварф, потирая спину.

— Смешно, что она про тебя то же самое спросила, — невесело хмыкнул бледный, — Это именно она приютила меня.

— Приютила? А, да, ты рассказывал. Эгкхм, очнулся, ничего не помнил, даже имени. Зато мечом орудуешь, как пить дать, не хуже бывалого вояки. Странно это, Серый.

— Гм, если коротко, то да, — пепельноволосый мечник мотнул головой, отгоняя мутные воспоминания, — Смотри, нам, кажется, в ту сторону.

Тордрак хотел было сказать что — то ещё, как бледный вдруг указал за его спину. Он обернулся. За небольшой поляной, на которую они вышли, простирался густой лес, изобилующий кустарниками и разными, дурманящими травами, растущие в этой местности. «Васильковый дол...» — Восторженно проговорил Тордрак, моментально выпрямившись. Дварф стоял, потерянно потирая бороду, блестящими глазами осматриваясь.

— Древние эльфы называли это место как — то по — другому, но я не выговорю. Всё равно никаких эльфов здесь не осталось. Зато василисков много, так что не глазами. А лучше, натяни повязку пониже, и взгляд нигде не задерживай, — наказал Гумберг, перепрыгнув через небольшую лужицу, и, тронув ошарашенного дварфа, двинулся вперёд, — Если не хочешь обратиться в камень. Я тебя не потащу. Пошли.

Двое путешественников двигались через поле, направляясь к лесу. Дороги не было, но Гумберг всё же разглядел небольшую, вытопанную тропинку, которая затем уходит вглубь чащи. По обе стороны находится зелёная трава, в которой смешивается множество самых разных, красивых цветом. «Гм, Мирана говорила, что она часто собирает здесь травы. Но как же она спасается от василисков? Мазь? Нет, они если и не обратят в камень, то могут напасть. Значит, чем — то она их отпугивает.» — Пронеслось в голове мечника. Дварф шёл, откровенно пялясь, несмотря на предупреждения бледного. Что же, наёмник его не винил, наверное, сложно удержаться от любования такой красотой — простые и знакомые васильки, (коих тут было очень много), в честь которых это место так и прозвали, самые обычные ромашки, привлекающие внимание простотой и скромностью колокольчики. Но чем дальше в лес, тем большее разнообразие растений встречало путников, заблудших в это волшебное место.

Они зашли в лес. Не прошло и пары минут, как Гумберг начал подмечать смутно знакомые ему травы. Те, которые он изучал вместе с Мираной. Где они растут, как их правильно собирать, что из них можно сделать, как они подействуют на его тело... Но были и те, которые он помнил не по урокам волшебницы...

«Экстракт корневицы, быстрее! Несите бинты и мазь, нужно остановить кровотечение и снизить давление. Пекло, вы же не хотите, чтобы и этот образец мы потеряли. Боги, не путай альганит с мазалией! Если и этот будет дефектным из — за твоей оплошности, я лично отправлю тебя на эшафот. Бинты, я просил бинты и спирт!» — Какой — то мужчина кричал, нервно размахивая руками. Гумберг не помнил, где он мог это видеть, но отчётливо запомнил лицо этого человека. Бледное, морщинистое и отталкивающее. Под сухими, карими, чуть косыми глазами, словно две тёмных впадины, расположились синяки. Волосы чёрные, блестящие, уложенные назад. И имя... к нему обращались Влад...

— Серый, что с тобой? Ты бы сейчас видел своё лицо. Впервые вижу, чтобы ты такую рожу скрючил, — обеспокоенно дёрнул за рукав рубахи Гумберга, Тордрак, — Вспомнил чего?

— Гм, что, нет... — Охотник опомнился, отведя глаза от корневицы.

— Вот, теперь старое — доброе, гнусное лицо! — Похлопал по спине охотника дварф.

— Это у тебя, лицо... Гнусное. Под ноги смотри.

Путники вышли к одной из отправных точек. Небольшое, относительно общей площади леса, лысое пятнышко, по центру которого стоял многовековой дуб. Высокий, он своей кроной застилал небо, из — за чего под ним росло множество «ночных» трав, на месте, где погибло бы любое другое, светлюбивое растение. Поляна полностью была покрыта тенью всего одного дерева — дуба. Он один — высокий, статный и угрюмый, широкий, что и десятерых Гумбергов не хватило бы, чтобы обхватит этого исполина. Дуб, казалось, спокоен, бездвижен, даже ветер не мог пошевелить его ветви, и никакая стихия не могла нарушить его умиротворённый покой, он бы выстоял против любого бедствия. Дерево стояло, росло, наблюдало за этим лесом с незапамятных времён.

— Это не дуб вырос в лесу. Это лес вырос вокруг дуба... — Удивлённо прокомментировал Тордрак из клана Темнокамень.

— Я думал, ты восхищаешься больше камнями, чем деревьями. — Без улыбки заметил Гумберг.

Мужчина не ответил.

— Гм, идём, кончай глазеть. — Мечник почувствовал себя неудобно под тенью дерева, когда великовозрастный дуб закрипел, словно прогоняя путников.

Дварф молча ушёл за бледным, ещё не один раз обернувшись.

Охотник остановился, подав знак рукой. Тордрак замер, оглядевшись, тем самым вызвав недовольный взгляд напарника. Поняв, он кивнул, натянув повязку со лба пониже. Бесшумно достал топор. Бледный не двигался, прислушиваясь. За кустами, впереди, метрах в десяти от них, слышался шорох веток. Это мог быть кто угодно — гигантский варан, виртохвостов, скорпинаг, выверка или живоглот. С последним Гумберг особенно не хотел встречаться. Но также, вполне возможно, что это мог быть нужный им василиск.

Кусты вновь зашуршали, послушался хруст веток, а через мгновение оттуда выскочила тень неизвестного противника. «Быстрая!» — Подумал охотник, отскакивая по направлению, в котором двигалось нечто. Ещё в полёте бледный развязал цепь на предплечье, подметив невероятную ловкость существа. Оно двигалось, прячась в тенях и ловко обходило все препятствия, ни на секунду не останавливаясь.

— Серый!

Наёмник обернулся на крик напарника, потеряв тень из виду. Неизвестный в ту же секунду, казалось, растворился в воздухе. Дварф стоял, удерживая древком топора сомкнувшуюся у его лица зубастую пасть. «Когда?» — Спросил у себя бледный, без паники выхватывая меч.

Антрацитового цвета клинок удобно пришёлся на ладонь. Взмах, и у ещё не опознанного чудища появляется широкая рана. Тёмно — бурая кровь окропила траву. Монстр ловко отпрыгнул от нового удара клинком, со свистом рассекающего воздух. Дварф выдохнул, освободившись от напора. Бледный продолжил наступать.

Наскок на правую ногу, выкинуть руку вперёд, придав инерции, развернуться, сместив центр тяжести и сменив ведущую ногу, описать мечом полукруг. Не останавливаться ни на секунду, сокращая расстояние. Монстр отпрыгивал назад, уходя из — под атак короткого клинка. Гумберг сделал ещё один разворот, размотав цепь и, сделав два прокручивающих движения, выкинул её вперёд. Цепь обхватила толстую шею существа, и Тордрак, подгадав момент, накинулся на тварь сбоку, в прыжке широко занеся топор. Чудовище прыгнуло в

сторону, натянув цепь и свалив пепельноволосяго наёмника с ног. Дварф нанёс ещё один рубящий удар, который оставил небольшую зазубрину на толстой шкуре монстра. Мужчина сделал ещё один замах, но тут же отлетел от мощного удара хвостом, словно детская игрушка.

С большим телом, покрытым толстой, серо — коричневой кожей, украшенной редкими перьями и пушком, длинной, широкой шеей и птицеподобной головой с глазами бусинками, тварь передвигалась на четырёх полных, монструозных лапах, не походивших ни на что другое. У неё не было острых когтей или жал, единственное её оружие — клюв, которым она рвала плоть зазевавшегося противника.

Наёмник встал, и наматывая цепь на руку, двумя быстрыми подскоками сократил расстояние между ним и чудовищем. Клинок зазвенел, засвистел, когда Гумберг в пол оборота рассёк пасть чудища, а вторым ударом распорол его торс, вызвав взрыв фонтана крови. Монстр заверещал, выпучив яркие, маленькие глаза — бусинки, вытянул шею, сомкнув клюв, полный острых, кривых зубов, рядом с ухом наёмника. Ещё один резкий разворот бледного мечника, и через мгновение в черепе твари оказалось короткое лезвие меча, выйдя через заднюю часть черепа монстра. Чудище обмякло, но Гумберг не успел даже выдохнуть, как она поддалась вперёд, раскрыв пасть. Мощный удар обухом топора пришёлся на голову клювастой твари, с хрустом вмяв и расколов кусок черепа.

Гумберг отошёл, наблюдая за падающим ничком монстром, и тяжело дышавшим дварфом, что стоял над трупом. Тордрак стоял, крепко сжимая топор и, хрипя, бешено осматривался.

— Что это было? — Осипшим голосом спросил Тордрак, делая паузу после каждого слова. Его голос звучал так, будто он не потерпит умалчивания или лжи.

— **Cheszemłajin Zagóźl**, или же буквально Клювастое чудовище. Также известно как живоглот. — Учёным тоном ответил Гумберг.

— Чего? Почему живоглот?

— Гм, потому что обедает тобой прямо в бою, — пояснил наёмник, а после добавил: — Этот ещё молодой. Вырастая, они становятся раза в три больше.

Тордрака передёрнуло. С опаской взглянув на уже холодный труп, что был размером больше него, он нервно сглотнул. Наёмник спросил:

— Как ты вообще проморгал его?

— Да я это, за кустами наблюдал. Кто это был? Тоже, как его, жироглот?

— Нет, — чуть нахмурился пепельноголовый, — Оно было намного ловчее и меньше. Пошли, только прошу, прислушивайся. Если этот, гм, детёныш здесь и даже осмелился напасть, то вполне возможно, что рядом будут и его сородичи.

Тордрак нервно выдохнул. Путники ступали, теперь уже намного аккуратней. Перед глазами всё ещё стояла картина ужасного чудовища, а невыносимое ожидание встречи с ещё большим ужасным чудовищем нависало над душой, заставляя нервничать по пустякам.

Гумберг неосознанно надеялся поскорее наткнуться на василиска, прибить его и слить желудочный сок чудовища. Ведь именно он являлся главным компонентом лекарства, растворяя камень и позволяя василиску питаться своими окаменевшими жертвами. И он же помогал снять окаменевшую кожу с больного. Некоторые ведьмы, говорят, даже специально использовали на себе магию василиска, а после и противоядие, сохраняя тем самым себе молодость. Мирана, наверняка, была не исключением.

Вечерело. На удивление, в лесу, где должно было быть огромное количество

василисков, (нет, не васильков), путники так и не нашли ни одного. Это удручало. Зато наёмник заметил чьи — то следы, оставленные на одной из полянок. След не был похож на след зверя, но из — за недавнего дождя Гумберг не смог определить, кому они принадлежали.

— Ну что, устроим привал? Мне кажется, лучше на охоту отправиться с утра. Есть чего пожевать? — Потянувшись и почесав пузо, поинтересовался Тордрак.

— Нет. Можешь спать, а я окрестности осмотрю.

— Э, нет, а вдруг на меня эта клюкастое чудище напрыгнет? — Взвыл дварф. — Давай лучше, сейчас лагерь подготовим, коль уж так надо, а потом ещё побродим. До темна. Как идея? — Хитро улыбаясь, предложил Тордрак из клана Темнокамень.

— Гм, можно. — Согласился бледный.

— Отлично, мы, дварфы, никогда плохого не предложим! — Загордился напарник пепельноголового.

— Ты предлагал мне свою жену отдать.

— Не понял...

Сумерки сгущались. Слово чернила на воде, тьма застилала небо, и только яркие звёзды были всё также красивы, как и всегда. Гумберг и Тордрак так ничего и никого не нашли. Путники уже было возвращались к разбитому ими лагерю, где их ждала свежая бельчатина, попавшая в силки, установленные наёмником, тёплое пламя костра, изрыгающего, словно дракон, несчётное количество искр в черноту и постель, собранная из кучи мягких листьев. Знали бы они, что уснуть этой ночью им не суждено.

Лагерь находился под широкими кронами трёх дубов, на небольшой открытой площади, с одной стороны прикрываемой ягодными кустами. Небольшой костёр освещал пространство лагеря. Тордрак подошёл к костру, потянувшись. Пепельноволосый наёмник стоял позади, поскольку его что — то тревожило. «Что же не так?» — Думал он. Вот, дварф подошёл, откинув ногой ворох листьев. Вот его длинная тень, растворяющиеся во тьме неизведанности позади Гумберга. Вот те же самые кусты, которые напарник охотника знатно проредил от ягод.

— Чего стоишь, Серый? Давай, ща мяска пожарим и на боковую, вставать рано. Эх, тут правда, на полтора укуса этих белок. — Дварф покрутил тушки белок в своих мощных руках, подбирая палки, вместо шампуров.

— Тордрак, это же для твоего брата. Ты чего так спокоен? Гм, думал, всю ночь будем бегать за василисками. — Гумберга всё не покидало это странное ощущение, но несколько шагов в сторону друга он всё — таки проделал.

— Ты эту клюкваскую тварину видел? Нет уж, если я помру, брату вообще никто не поможет. Иди, помоги мне. — Спокойно, не отрываясь от своего занятия, пояснил мужчина.

— ...Хорошо. Дай я только осмотрюсь. Ничего странного не замечаешь?

Бледный начал обходить лагерь, всматриваясь во тьму. «Да вроде нет» — Послышался отрицательный ответ напарника, но тот тоже напрягся. Наёмник тем временем уже прошерстил все кусты в округе, но так ничего подозрительного и не нашёл. Но даже так он не успокоился. В его голове всё ещё гудело странное ощущение, ни на секунду не утихая. Наконец, что — то подсказало ему поднять голову.

Мгновение. Ровно столько было времени и Гумберга на то, чтобы среагировать, после того, как он увидел странный блеск среди крон дубов. Блеск пары глаз. Рывок в сторону. На одних только рефлексах он закрыл лицо руками и успел. Острый наконечник короткого

копья вошёл в его предплечье, застряв в кости. Тот, кто бил, бил со всей силы, используя массу тела. И вправду, этот кто — то ударил в полёте, рывком сокращая расстояние между ним и целью.

Быстро сообразив, наёмник перехватил копьё второй рукой, согнувшись от тут — же прилетевшего в его сторону второго. Неизвестный, точнее, один из, тот, что срыгнул на него сверху, выхватил кинжал, махнув наотмашь. Гумберг прикрылся второй рукой. Та тут же была рассечена. Тордрак кричал.

У бледного мечника не было времени, чтобы посмотреть, что происходит у его друга. «Стоит только моргнуть, как мне тут же продырявят голову.» — Промелькнуло в его голове. Несколько гибких, скользящих движений, и мечник всё же смог развернуться, встав лицом к двум нападающим, всё ещё держа первое копьё. От резких выпадов второго он уходил буквально в последний момент. По крайней мере, теперь он мог видеть, что происходило с Тордраком. Дварф стоял, борясь, точнее, вырываясь из цепких рук... Похитителей? В отличии от этих двоих, вместо того, чтобы атаковать его друга, они связывали его. Дварф дёргался как мог, кусался, кувыркался, бешеным взглядом смотря на своего напарника, осознавая, что он не в силах помочь ему.

Копьё пронеслось совсем рядом, поцарапав скулу охотника. Наконец, он отпустил копьё, перед этим дёрнув его на себя, а после рванул к противнику. Копейщик, не ожидавший такого, потерял равновесие и поддался вперёд, неуклюже переставляя ноги, и тут же напоролся на жёсткий кулак Гумберга. Раздался противный звук и кашель. Чуть не выплюнув лёгкие, противник почувствовал, что его схватили и уже через секунду его ноги оторвались от земли. Наёмник, сделав разворот, откинул неизвестного в сторону, выхватив цепь и обмотав ею руки второго силуэта, пляшущего с копьём наперевес на фоне огня. Дварф тем временем, смог вырваться, рванув к другу, но тут же был сбит с ног. Появилось странное синеватое свечение за спиной.

Несколько плавных, но быстрых движений, и Гумберг, неестественно выгнувшись и обезоружив противника, пинком отправив его в полёт, осознав его лёгкость. «Неужели?» — Не успел он додумать, как рефлекс заставили его пригнуться, вжав голову в плечи, стоило только услышать тяжёлое дыхание за спиной. Кинжал рассёк воздух над головой. Остальное было делом техники. Одним движением и одним ударом ладони наёмник выбил кинжал противника, перехватив его в воздухе, и тут же, вывернувшись и скользнув как змея, оказался за спиной недруга, молча приставив кинжал к его горлу. Все замерли, даже Тордрак. Свечение исчезло.

Тени стояли, не шевелясь. Каждый знал, что если человек, взявший кого — то в заложники, молчит, а не кричит, посылая всех угрозами, то это что — то да значит. Например, то, что он сможет совершить задуманное. Наёмник знал психологию.

Гумберг пригляделся. Неизвестные побросали оружие и отпустили Тордрака, который тут же, на одних карачках дополз до наёмника, в спешке удаляясь от тёмных силуэтов.

— Встаньте ближе, чтобы я мог видеть ваши лица. Лица тех, с кем говорю.

Нападавшие сделали как он попросил.

«Все подозрения подтвердились, — мысленно ухмыльнулся Гумберг. — Эльфы. Что же мне на них так не везёт?»

Две девушки и два парня. Все стройные, жилистые и загорелые, как на подбор. Острые, чуть оттопыренные уши, завораживающие глаза с большими зрачками, зияющие тьмой. (Девушки, несмотря на общую «хлюпость» эльфов, находили в них что — то «ТАКОЕ».)

Скорее всего, всё дело было как раз в этих самых глазах, хотя мечник не разделял их мнения.) У каждого на лице татуировка, но в темноте было сложно разобрать, что именно было изображено. Все эльфы были ниже наёмника, да и простых людей в целом, поэтому на общем фоне они казались подростками, напряжённо ожидающими, когда их отчитают. Девушка эльф, которую он держал в заложниках, тяжело дышала, не в силах вырваться из жёсткой хватки охотника, хоть он и не давил на неё. Гумберг не любил убивать представителей других рас, поэтому хотел решить всё миром.

— Почему набросились на нас? — Холодно спросил он.

Девушка попыталась вырваться, но тут же напоролась шеей на нож, испуганно выдохнув. Её разгорячённое битвой, на вид, хрупкое тело прижималось к нему, и это, возможно, возбуждало бы молодой, здоровый организм любого юноши, тем более, на ней почти не было одежды. Но Гумберг не был здоровым, поэтому его голова оставалась всё такой — же холодной.

Одежда. Да, это было странно. По их одежде можно было судить, что где — то недалеко у них есть достаточно развитое поселение, так как пепельноголовый охотник отчётливо видел крой на их до неприличия, (особенно у девушек), коротких, серых, шкурных одеждах. Оружие же было из стали, что ещё больше удивило наёмника.

— Гм, вы живёте где — то недалеко? — Спросил мечник. Эльфы удивлённо переглянулись. — Судя по всему да. Не могли бы вы нас провести к своему старосте?

— Эй, Серый, ты чего? — Подал голос Тордрак, освободившийся от пут, что аккуратно, пригнувшись, подобрал топор и опасно оглянулся. — Тебе по башке прилетело? Валить отседова надо, эти эльфы ещё не дай боги сожрут нас. Дикари!

Эльфы напряжённо молчали, проигнорировав замечание дварфа.

— Гм, ладно... Как там было... *Ćjeszk'ąsch eś Zabjrz'ęch? Mn'ją se'ó naze'ji, trzśeb'jmy połszcy dź'a.*

— Мы тебя с первого раза поняли! — Вскрикнула девушка. — С чего бы нам вам помогать? Особенно человеку!

— Гм. Хорошо, вы правы, незачем, — согласился Гумберг, — Мы уйдём, всё равно здесь больше нет василисков, а помимо клювастых чудищ наживать себе ещё врагов не хотелось бы. Но перед этим... Тордрак, собери их оружие и брось в костёр. С оружием ничего не станет, а мы выиграем время, чтобы уйти подальше. На всякий случай.

Подождав, когда дварф под пристальными взглядами выполнит просьбу, Гумберг ослабил хватку, откинув кинжал подальше. И тут же поддался назад, плавно увернувшись от удара вырвавшейся эльфийки. От второго не успел. Кулак прилетел прямо в его нос, но сил девушки не хватило даже на то, чтобы заставить его пошатнуться, не говоря уже о том, чтобы сбить с ног.

— Это тебе за тот подлый удар, а это за то, что перебили всех василисков! — Девушка эльф вскрикнула, но тут же отошла, ошарашенно смотря в горящие глаза мечника.

Он стоял, не шелохнувшись. Из его носа вытекла лишь одна единственная капелька крови. Эльфийка перевела взгляд на его рассечённую, а после и на другую, проткнутую копьём руку, что — то осознав. Что — то, что шокировало её.

— Ты не человек... Человек бы давно истёк кровью, но ты стоишь, как ни в чём не бывало, с таким видом, словно даже боли не чувствуешь! Кто ты!?

— Ты сказала, что мы перебили василисков, — холодно проговорил мечник. — Но мы этого не делали. Так что с ними стало?

— Отвечай, ты человек или нет? — Снова взорвалась девушка.

Её товарищи дёрнулись. Скорее всего, они видели, как ловко двигался чужак и как спокойно он одолел этих двоих, даже не используя оружия. В частности, свой жуткий меч за спиной.

— Гм, разве это важно? Хорошо... Я не уверен. Такой ответ тебя устроит? — Сдержанно произнёс Гумберг.

Девушка эльф нервно дёрнула ухом, недоверчиво осмотрев его с ног до головы. Охотник вздохнул. Ему не нравилось обсуждать эту тему.

— Знакомая мне волшебница подтвердила, что моё тело — определённо человеческое. Я дышу, ем и сплю, как человек, хоть делаю это намного, намного реже, чем любой другой. Моё сердце, гм, хоть и редко, но всё же бьётся, как у человека. Но боли я не чувствую, ты права. Ещё раз повторю, такой ответ тебя устроит?

— Тиа, мне кажется, они не убивали василисков, — неуверенно подал голос один из эльфов в коротком, сером плаще. Один из тех, кто связывал Тордрака. — Их нужно отвести к старосте. И, эм, мне кажется... Чужаки могут помочь.

— Но... Фараэль, ты уверен? — Засомневалась эльфийка, посмотрев на эльфа.

— Староста говорил, что нельзя приводить людей. А он, — эльф по имени Фараэль сделал паузу, осторожным кивком указав на бледного наёмника, — Явно не человек. Второй вообще дварф. Возможно, это судьба, как и говорила Шантил.

«Явно не человек? — Без улыбки заметил мечник. — Что же, это объясняет, почему меня, в отличии от Тордрака, пытались убить.»

— Или ты сомневаешься в словах Шантил? — С сильным укором спросил эльф, да таким, что Тордрака передёрнуло.

— Н-нет... Я сомневаюсь в них! Особенно в его ответе и в принципе, в нём... кем бы он ни был.

В груди что — то неприятно защемило. Впервые, за долгое время.

Глава 5. Каменные Сердца: «Там, где прошлое соприкасается с настоящим»

В окружении наёмника, люди часто, (особенно перед каким — то важным событием), говорили, что ощущали чувство, которое можно охарактеризовать так: «Идёшь куда — то, а в голове стойкое ощущение того, что куда бы не свернул, куда бы не отправился, хоть на другой край света, всё равно придёшь туда, куда надо и тогда, когда надо. И точка.» Так вот, Гумберг чувствовал себя ровно так же. Он был уверен — бежать бесполезно, а потому молча двигался за эльфами.

Как бы он не старался, как бы он не выглядывал хоть какие — то видимые ориентиры, следы или приметы, он не мог определить способ, по которым ориентировались эльфы. Мягко ступая, словно кошки, они уверенно двигались сквозь, казалось бы, одинаковые деревья и кусты. Пепельноволосый охотник, со всем его опытом, усидчивостью и прекрасной памятью, был уверен, что не смог бы запомнить этот путь, даже если бы прошёлся по нему сотни, тысячи раз.

Шум окружающей растительности, неясные, мокрые тени, прячущиеся за стволами древних деревьев, множество дурманящих, самых разных трав, от которых у его напарника сводило лицо в приступе чиха, вызывая недовольные взгляды провожатых. «Эти одежды. В них действительно удобно двигаться. Нет, они просто сами по себе очень ловкие. Даже ловчее тех, которых я повстречал в городе.» — Рассуждал охотник, двигаясь вперёд и стараясь подражать движениям эльфов.

— Чёрт, долго нам ещё идти? У меня ноги гудят! Вся подошва так скоро сотрется, етить его...

Тордрак начал жаловаться. С его комплекцией ему действительно было трудно передвигаться, постоянно виляя. Гумберг был удивлён, как долго его друг терпел, поддерживая темп и стараясь не отставать вот уже несколько часов. Скорее всего, до этого он молчал из — за страха перед эльфами, а теперь же чаша терпения была переполнена.

— До раннего утра, дварф. Молчи. — Подал голос один из молчавших до этого момента эльфов.

Тордрак тихо застонал, но ничего не ответил. Его раса славилась стойкостью, но это было «выше» его предела, как бы это не звучало. И всё же он стерпел. Наёмник замялся, покосившись на друга, а после и на эльфов. Всю ночь чтобы дойти, и неизвестно, сколько ещё они там пробудут.

«Надеюсь, даже если они не смогут вернуться к порталу завтра, точнее, сегодня, то Мирана всё же откроет новый на следующий день.» — Мысленно понадеялся Гумберг.

Так они и двигались, в абсолютной тишине. Тучи закрыли луну, лес сгустился и, как и подозревал бледный, он совсем потерялся, ещё кое — как вспоминая направления. Через час он окончательно запутался, бросив вымерять шаги и повороты. Тьма сковала лес, лишь редкие светлячки, рассекая черноту, изредка пролетали под их ногами.

— Гм, разве не опасно так идти?

— Это безопасная часть леса, — на удивление, ответила на вопрос Гумберга эльфийка, — Можешь расслабиться.

— Тиа, кажется? Гм, почему вы напали на нас? И скольких таких вот, как мы чужаков, уже успели убить? — Гумберг задал вопрос напрямую, не юля. Последнее его не особо

интересовало, но спросить было явно нелишним.

— Тебе это так интересно? Если нет, то заткнись. — Прошипела эльфийка кинув грозный взгляд на наёмника. Но после добавила, чуть тише: — Вы первые за этот месяц. Так что не особо много... За это время.

— И мы не убиваем их, а прогоняем. Если они не сильно сопротивляются. — Добавил один из эльфов. Тот, что в самом конце.

— Ясно. Гм, Тиа, ты сказала, что чужаки убивают василисков. Но чужаки бы не зашли так далеко в лес, я прав? Следовательно, василиски ещё должны были остаться. Если судить, по твоим словам, то они вам зачем — то нужны. Почему же вы забрались так далеко? Гм, разве в лесу ещё не должно было остаться большая часть?

— А не многовато ли вопросов, чужак?

— Да. — Ответил эльф, идущий позади. Кажется, его имя Фараэль. — Должны были Вы не единственные, кто убивает василисков, и мы бы и не наткнулись на вас, если бы нам не пришлось заходить так далеко.

— Значит, мои догадки верны. Гм, а почему пришлось?

— Виртохвосты. Они пожрали всех василисков. В этом лесу обычным животным не выжить, зато вараны, виртохвосты, василиски, живоглоты и прочие прекрасно себя чувствуют, охотясь друг на друга. Ты правильно мыслишь, что люди бы не зашли так далеко. И наша с вами встреча — не случайность, это было лишь вопросом времени.

— Фараэль!

— Тише, Тиа, сама же говорила. Ничего, это им можно сказать.

— Не случайность? — Запыхаясь, спросил Тордрак, подслушивающий наш разговор. — Что эт значит?

— Наша староста предсказала о скорой встрече с чужаками. Вот только какая это встреча будет и чем она кончится, было неясно. Вы одни из немногих, кто не достали оружие при виде нас. Тиа поступила слишком неразумно, накинувшись на вас.

Тиа цокнула. Рядом идущая эльфийка с серебристыми волосами хихикнула.

«Так значит именно она набросилась на меня первой,» — Подумал Гумберг, — «И у эльфов бывают серебристые волосы?»

— Гм, но как виртохвосты смогли убить всех василисков? Разве они не должны были обратиться камнем? И почему вам так нужны эти самые василиски? Разве если их не будет, у вас больше не будет нужды в лекарстве? — Не прекращая, посыпал вопросами наёмник. — Вы же ради него так далеко зашли?

— ...Верно. Видишь ли, пепельноголовой чужак, виртохвосты, как и вараны, не могут обратиться в камень. Если у вторых что — то с глазами, как мы подслушали у таких же как вы, чужаков, то у первых просто иммунитет.

— Вараны? — Удивился Тордрак. — Это те, ящерки?

— Ящерки? Не смешно, чужаки. Здесь они настоящая напасть, но, одновременно с этим, и наш источник пищи. И отвечая на твой вопрос, дварф, — да. Но также, — эльф сделал паузу, — Мы находили их окаменевшие трупы. А вот виртохвостов нет.

Второй эльф, не сказавший до сих пор ни единого слова, тот, что всё это время молча вёл нас, хмыкнул.

— Наверно, пожрали василисков, вот и обратились. Чё гадать то?

— Верно, дварф. Обычно василиски всегда могли справиться с виртохвостами, давя их количеством и разоряя многочисленные гнёзда, сокращая популяцию. Также они были

полезны, избавляясь от живоглотов, — эльфа передёрнуло, и он опасливо озирнулся по сторонам, — но в один момент... Виртохвостов стало больше. Мы не знаем причину. Они начали свою охоту на василисков, убивая их и разоряя гнёзда под покровом ночи. Таким образом, мы лишились мяса василисков, их защиты от живоглотов и прочих всего за несколько месяцев.

— И вы продолжили убивать их... Гм, погоди, ты сказал мяса василисков?

— Да. Его намного легче добыть, чем любое другое в этом лесу, оно мягче и легче к приготовлению. И его банально больше. — Спокойно ответил Фараэль.

— Гм, но как же каменная подагра? И как вы не обращаетесь в камень от их взгляда?

— Каменная подагра — так вы называете болезнь? Думаю, как и вы, люди, мы делаем... лекарство из этих самых василисков, так что с этим у нас проблем не было... До поры до времени. — Фараэль делал паузы, подбирая слова. — А на счёт окаменения, то тут всё просто. Эффект тот же, какой и от болезни, и лечится также. Со временем появляется иммунитет. Но вместе с этим мы обучаем молодых воинов избегать прямого зрительного контакта с василисками.

— Короче, нам, опытным, уже и не нужно лекарство.

— А ты сильно опытная? Серому, вон, проиграла. — Тордрак приободрился, да так, что, похоже, его чувство юмора взяло вверх над страхом. Возможно, он просто понял, что убивать их не собираются.

— Ты! — Вскипела девушка, сжимаясь.

— Тиа... — Фараэль укоризненно позвал её, успокаивая.

Эльфийка чуть вздулась, но послушалась, ускорив шаг. Вторая тоже ускорила, быстро окинув идущих взглядом. Нависла тяжёлая тишина.

— Как и сказала Тиа, нам оно не надо. В отличии от...

— Гм, от молодых. — Предположил Гумберг.

Фараэль медленно кивнул.

— Мы скоро выходим за пределы безопасной территории, так что заткнитесь. — Послышался голос спереди.

— Многолетний опыт, пепельноголовой чужак. Многолетний опыт. Ты не подумай, кстати, воинов у нас достаточно, чтобы защищаться от виртохвостов и добывать еду. — Подытожил Фараэль, последней фразой словно предостерегая чужаков, но в конце добавил, намного тише: — Но недостаточно, чтобы с ними справиться...

— Но если вам нужны василиски не ради еды, значит, ради лекарства... У вас заболели... дети? — Осенило Гумберга. — Из — за этого вам так резко понадобились василиски?

— Заткнись! — Прошипела эльфийка, чуть замедлившись. — Мы вышли...

Шесть силуэтов растворились в кромешной тьме.

Лес, поглотивший путников, был тих. Настолько, что каждый шаг, каждый хруст под ногами разносился на десятки метров вокруг. Гумберг к этому времени уже наловчился, и почти не уступал эльфам, даже Тордрак, казалось, стал тише ступать, выглядывая почву под ногами. Стоило всего лишь Тие погрозить кулаком, когда он выпалил ещё один насмешливый комментарий. Дварф, разумеется, показал ей неприличный жест в ответ, но как только кое — кто пообещал оставить его в лесу, совсем одного на растерзание живоглотам, сразу же утих. Наконец они пришли до пункта назначения.

Даже Гумберг с облегчением выдохнул, завидя то, как эльфы перестали красться, а

вдалеке показались первые пятнышки света за густыми зарослями. Хотя, это больше похоже на свет, испускаемый светлячками. С трудом, (для чужаков), они преодолели природный барьер из терновых кустов, оврагов и прочего, оказавшись на краю красивой, но не большой, поляны. За спиной группы из четырёх эльфов, Гумберга и дварфа, оказались ещё два силуэта. Эльфы.

«Когда же они успели присоединиться? Нужно быть внимательнее...» — Заметил наёмник, всмотревшись в их новых — старых провожатых. Тоже невысокие, смуглые, с копьями наперевес. Фараэль слегка кивнул, они ответили тем же, и, расступившись, разошлись в разные стороны. Мечник осмотрелся, не шёл ли с ними кто — то ещё, кого он не заметил. Нет, сейчас здесь только они шестеро.

— Что — же, на удивление, мы дошли довольно быстро. Идём дальше. — Тихо сказал Фараэль, махнув рукой.

Тордрак, хрипя, выдохнул и сплюнул. Путь ему дался не легко. Наёмник положил ему руку на плечо, ожидая, когда он сможет отдышаться и попутно разглядывая картину, открывшуюся перед ним.

Гумберг никогда не видел такого места, как это. Точнее, не помнил, когда мог видеть хоть что — то похожее. Отдалённое и скрытое, окружённое опасной, даже хищной природной территорией, место, на которое, (до этого момента), никогда не ступала нога человека. И будет ли кто — то из людей здесь когда —нибудь ещё?

Поляна была большой, настолько, что там могла поместиться крупная деревня. Только в этой деревне, скрываемой густой растительностью на многие километры, вместо привычных, грубо сколоченных домов, были огромные шатры, самых разных цветов и размеров, украшенные самыми разными предметами. Черепа, вырезанные из дерева предметы искусства, разные глиняные статуэтки, разукрашенные цветными красками. Цвета. Это было что — то. Все оттенки синего, фиолетового и даже зелёного. В темноте это казалось диким, как некоторые бы выразились, смешением неизведанного и волшебного, в лице множества светлячков, служащих здесь источниками света вместо огня, и чего — то простого, первобытного и грубого по сравнению с современностью — шатры, сделанные из серых и тёмных шкур животных, украшенные так, как украшали свои жилища первобытные люди.

— Разве эльфы не живут на деревьях? — Делая паузу после каждого слова, спросил Тордрак, борясь с отдышкой.

«Как бы не устал, а что —нибудь такое всегда горазд вставить?» — С ухмылкой подумал мечник, ещё раз оглядевшись. Фараэль и эльф с эльфийкой к этому времени уже ушли.

— Где ты здесь видишь деревья, идиот? — Обратилась Тиа к дварфу. Она была единственной, кто осталась с ними двумя.

— Вокруг лес, вообще — то, девочка.

— Кого ты... Да с чего ты... Ты, со своими комментариями, грязный, вонючий, старый... — Начала перечислять девушка, не зная, что ответить.

Тордрак тем временем отдышался, выпрямился, нарочито деловито обернулся, оглядываясь вокруг и игнорируя эльфийку. Гумберг молчал, наблюдая.

— Ну, что бы ты не говорила, а на ветках то ты сидела, над нашим лагерем то. Вот я и подумал. — Ухмыльнувшись во все двадцать восемь своих зубов, ехидно пояснил Тордрак.

Эльфийка, на удивление, не ответила, лишь молча двинулась в сторону одного из

шатров, нагоняя остальных. «Что, она ждала нас?» — Пронеслось в голове бледного.

— Тордрак, пошли. Как — то неудобно получилось. И, гм, пожалуйста, постарайся больше не кидаться своими расистскими колкостями.

— А я что, я же правду говорю... Ай, пошли, Серый. Интересно, чё им там от нас надо да? — Спросил дварф, посмотрев на друга снизу — вверх блестящими глазами.

— Да. — Кивнул наёмник.

Десятки заинтересованных, подозрительных и пугливых взглядов въедались в спины пришедших. Все эльфы, живущие здесь, смотрели на двоих чужаков с опаской или наоборот, презрением, шептались, отступая подальше и уводя детей в дом. Почему — то, на улице было достаточно многолюдно, несмотря на то, что уже поздняя ночь, а, если точнее, очень, очень раннее утро. Пепельноволосый мечник осмотрел поселенцев. Все смуглые, (хотя при таком освещении было трудно различить), поджарые и низкие, по комплекции больше напоминающие человеческих юношей и девушек, а не взрослых мужчин и женщин. И только сейчас Гумберг понял. Понял, почему эльфов, этих, на первый взгляд дикарей, называют грациозными и утончёнными. Именно сейчас, на общем фоне самых обычных обывателей, тихо — мирно проводящих время, он осознал это — эльфы совсем не грациозны. Всё изящество и грация, которыми описывали представителей этой расы, вводя в заблуждение людей, было скрыто за этими, самыми обычными, не в обиду им, людьми. Такими же, как и сам Гумберг и любой другой человек, дварф, халфлинг или гном. Неловкие, скованные в движениях и мыслях, (Тордрак ко второму типу не относился), существа. Но только тот, кто видел их настоящих, на охоте, при выслеживании добычи или в попытке скрыться от противника, мог понять истинное значение такого понятия как «С грацией эльфа» и тому подобное. Не те, кто был обманут собственными ожиданиями, но те, кто, не разбрасываясь пустыми словами, всерьёз заинтересовался, откинув предрассудки. Пепельноволосый охотник был ни тем, ни тем, но именно он смог увидеть то самое, за что эльфов хвалили немногие избранные, пытающиеся разъяснить их красоту, их природу простым людям, через множество поэм и историй. Историй, что создавали эти самые ложные образы и ожидания.

Найти Тию не составило труда. Она стояла, окружённая мерцающими светлячками, у входа в один из шатров. Казалось, эти парящие звёздочки сами по себе стягивались к эльфийке, окружая её со всех сторон. Завораживающие зрелище, настолько, что даже Тордрак приоткрыл рот, открыто таращась.

— Фараэль был у старосты. Она сказала, что примет вас утром, а сейчас вам лучше отдохнуть. — Девушка сказала это куда — то в пустоту, посмотрев на одного из светлячков, севшего ей на указательный палец. — Вы свободны.

Поняв, что путники до сих пор никуда не делись, она подняла тёмные, как сама ночь, глаза, в которых отражалось множество ярких, холодных искр, и, не скривив лицо, послала их куда подальше. Чужакам ничего не оставалось, кроме как удалиться искать место для ночлега. Такого, к сожалению, не оказалось, да и они ни у кого не спрашивали. Решили спать на земле, разведя небольшой костёр, но затея провалилась сразу — один из эльфов прикрикнул на них, сказав всё убрать. Наверное... Бледный наёмник не смог точно перевести его слова, но суть всё же уловил. Наверное...

— Гм, я посторожу, Тордрак. Не уверен, что они вели нас так далеко, чтобы перерезать горло ночью, но осторожность не повредит. — Предупредил охотник.

— Хорошо. Смотри, аккуратней только, — дварф лёг, сняв обувь и вытянув гудящие ноги, — Спокойной, друг.

— ...Спокойной.

Холодная трава щекотала голую кожу, лезла в нос и колола глаза. Любой другой человек не смог бы уснуть при таких условиях, особенно под пристальным взглядом незнакомцев, у которых ещё не ясно что на уме. Но это всё не касалось dwarфов, особенно тех, что без перерывов шли долгие часы по труднопроходимой местности, к которой они были совершенно неприспособлены. Да, именно так. Спустя минуту Тордрак захрапел, окончательно отбив желание спать, (если бы оно было), у Гумберга. Так они и провели беззаботную ночь, без каких — либо событий. Охотник сам не заметил, как пронеслось время.

Утро встретило Гумберга яркими лучами восходящего солнца. Светило медленно, но уверенно поднималось над кронами высоких деревьев, из — за чего поляна встречала рассвет немного запоздало. Поселение начало оживать на глазах. Казалось, что здесь могло быть необычного? Земля всего лишь сделала ещё один оборот, и любой грамотный человек бы просто принял это бы как данность, обыденность, что — то очевидное, являющееся нормой, что — то, что сопровождало всю его жизнь. Но эльфы... Эльфы ощущали всё по — другому.

Светлячки, как и звезды на небе, такие же крошечные и бесчисленные, испускающие холодный, мерцающий свет — исчезли. Поляна наполнилась теплом. Эльфы, уже проснувшись, спокойно расхаживали туда — сюда по своим делам, общаясь и обсуждая, несомненно, что — то важное для них, для их крошечной общины, окружённой большим и жестоким миром. Почти никто уже не обращал внимания на устроившихся прямо на голой земле dwarфа и человека, так внезапно пришедших сюда ночью. Только дети, пробегая мимо, кидали заинтересованные взгляды. Вообще, было сложно понять, кто из них по — настоящему ребёнок, а кто уже переступил порог и стал юношей. Зато взрослых было отличить легко. Их лица, несмотря на такую же молодость, утратили какую — либо свежесть и огонёк в глазах, сменив место спокойности и возможно даже, цинизму. Но это только наружно. Что же действительно творилось в голове у эльфа, было довольно легко прочесть, и о никаком холодном и расчётливом характере речи быть не могло. Они такие, какими их описывают в книгах только на охоте, Гумберг это вчера отлично осознал. «Эльфы — как дети. Дети, у которых есть собственные дети, или даже внуки.» — Такой вывод сделал наёмник, наблюдая за окружающими его взрослыми эльфами и их детьми, гонящими небольшой, серый мячик. У одного из них, как успел разглядеть мечник, на одной из рук несколько пальцев было покрыто серой, каменной корочкой. Но это не мешало ему веселиться с остальными сверстниками, вызывая сдержанные ухмылки прохожих.

Гумберг обернулся, услышав тихие шаги в его сторону. Из этой ночи он вынес урок, и впредь, по крайней мере здесь, был намного внимательнее. Тиа шла, аккуратно ступая босыми ногами по траве. Охотник приветственно поднял рассечённую девушкой, (рана затянулась ещё ночью) руку. Эльфийка сделала тоже самое, кинув презрительный взгляд на развалившегося рядом громко храпящего dwarфа. Гумберг легонько пнул его, заставив проснуться. Не дожидаясь, когда тот придёт в себя, девушка заговорила:

— Староста вас ждёт, чужаки. И не рекомендую задерживаться, — холодно предупредила Тиа, а после ответила на вопросительный взгляд наёмника: — У меня терпение не вечное.

— Доброе утро. Гм, я видел только одного заболевшего. Где остальные? И почему он, — Мечник кинул бегаёт с другими детьми?

Эльфийка проследила за взглядом Гумберга. Вздрогнула.

— А что, другие могут из — за него заболеть? Этим вы люди и славитесь, принижать других из — за незначительных мелочей. Где? Тут бегают, что же им ещё делать? А другие дома сидят! — Огрызнулась эльфийка так, будто это было очевидно.

— Но почему его не вылечат?

— Потому что есть те, кому лекарство сейчас нужнее, идиот!

«Никаких медицинских палат и прочего. Ясно.» — Подумал охотник, ещё раз оглядевшись. Мальчик подбежал ближе, улыбнувшись девушке своими зияющими дырами зубами, и приветливо помахал той самой, окаменевшей рукой. Эльфийка помахала в ответ, натужно улыбнувшись. Ребёнок подобрал мяч и убежал к остальным детям.

— Пошли!

Пришлось поторапливаться. Тордрак, разбуженный резким голосом эльфийки, и всё ещё заспанный, шёл, еле перебирая свои короткие ноги. Наёмник же внимательно рассматривал дом старосты, который так нормально вчера и не разглядел. Самый обычный, такой же, как и все остальные шатры, единственное — странный камень на верхушке, высеченный в форме звезды. И, кажется, он слегка пульсировал. По крайней мере, Гумбергу так показалось.

— И это её дом? Такая же лачуга, как и все остальные. — Прокомментировал Тордрак, вызвав недовольный взгляд провожатой.

Пепельноголовый мечник же догадывался, чем эта лачуга отличалась от остальных. Когда небо застилала тьма, а вся природа засыпала, как и жители этой деревни, светлячки, словно очарованные, стягивались к этому месту. Вполне возможно, не без причины в лице этого самого камня на верхушке. Но то были только догадки.

Из шатра вышли трое. Фараэль, молчаливая эльфийка, сопровождавшая наёмников ночью и третья, неизвестная Гумбергу.

Он никак не мог ожидать того, что предстало перед его взором. Тиа низко поклонилась, скромно сопровождая взглядом третью эльфийку. Стройная, она мягко ступала, абсолютно бесшумно, словно не касалась земли, как сам ветер. В простом, но аккуратном платье из белоснежного льна, открывающее загорелые плечи, она была такой же, как и все эльфы здесь — с волосами, цвета вороньего пера и карамельной кожей. Но было одно существенное отличие. Под покровом длинных, густых и блестящих ресниц, на пепельноволосого мечника смотрели два больших, ясных и голубых, как само небо, глаза. На чистом и аккуратном лице не было каких — либо татуировок. Она выглядела моложе любого эльфа в этом месте.

Прекрасная эльфийка приоткрыла рот, словно собиралась что — то сказать, разомкнув медные губы, но в последний момент передумала. Прошла вперёд, хрупкими руками сняв венки из цветов, украшающий её волнистые, короткие волосы, и прижав его к скромной груди, взглянула в горящие глаза охотника, пытаясь в чём — то убедиться. Тихий вдох, и она заговорила:

— Скажи мне, человек, откуда ты?

Гумберг не сразу осознал, что обращались к нему. Пару секунд он простоял в ступоре, находясь под заинтересованным взглядом старосты.

— Гм, я издалека, госпожа.

Наёмник поклонился, встав на одно колено. Тордрак повторил за другом. Почему — то, никто из них не смел поднять глаз, посмотрев на эльфийку вновь. Любые мысли испарились, оставив двоих в немом ожидании будущего. Девушка подошла ближе, аккуратно взяла

охотника за голову, погрузив свои тонкие пальцы в его тусклые волосы и подняла его лицо так, чтобы их глаза встретились. Девушка чуть улыбнулась.

— Скажи, человек, знаешь ли ты, кто твои родители?

— Гм, нет, госпожа.

— Прошу, Ринн, подойди сюда, — староста обратилась к эльфийке, выходящей с ней из шатра, — А теперь, человек, взгляни на неё и ответь, знакома ли она тебе?

Эльфийка, сопровождавшая охотника, не сразу поняла, что от неё хотели. Она дёрнулась, как будто проснувшись только сейчас, и неуверенными шагами подошла к старосте, боязно посмотрев на Гумберга. Мечник, стоявший на одном колене, замер. На мгновение ему показалось, что он смотрит в зеркало. Они молчали.

— Да вы же одинаковые... — Прошептал, нарушив молчание, Тордрак.

Тиа, так и не поднявшаяся с колен, покрутила головой, не понимая, о чём идёт речь. Фараэль пригляделся к Гумбергу, замерев с широко раскрытыми глазами. Именно эта девушка отличалась от всех эльфов в поселении. В темноте наёмник не разглядел, но теперь понимал, почему Тордрак посчитал именно так. У эльфийки, названной Ринн, была бледная кожа, в отличие от любого другого эльфа в этом лесу, такая же, как у Гумберга. У неё были тусклые, пепельные волосы, такие же, как у охотника, стянутые в неряшливую косичку на затылке. Такие же горящие глаза, как и у пепельноволосого мечника, но светлого, зелёного цвета, словно ярчайшие в мире изумруды. Но она была эльфийкой, это определённо, а он, в прошлом, человеком. Эльфийкой по внешности и натуре, начиная от пяток и до самых кончиков острых ушей.

Гумберг был потрясён, потрясён до самой глубины его тусклой, ничтожной души. Наёмник не мог выдавить из себя ни слова. Шок, подкосивший и чуть не заставивший упасть, дикое желание выпалить десятки, сотни вопросов, и вместе с тем что — то такое, что сдерживало все желания. В голове тут же начали рыться неисчисляемое множество вопросов, но ни единый из них охотник не осмеливался озвучить.

— Т..ты... — Всё что он смог выдавить из себя.

Голос бледного наёмника впервые в жизни дрогнул. Сердце забило чаще, а сам Гумберг почувствовал, как кровь начала двигаться по телу. Внутри стало как — то тепло, впервые за долгие, долгие годы. Это ощущение сбивало с толку не слабее, чем кратковременный шок.

— Вижу твоё замешательство, человек. — Староста отпустила голову охотника, но та так и осталась в том же положении. — Думаю, нам лучше поговорить внутри. Тиа, ты давно могла встать. Все, пойдёмте.

Она развернулась, придержав платье, и такими же лёгкими шагами ушла в сторону дома. Фараэль поддержал её за руку, пригнувшись. Эльфийка скрылась внутри, оставив молчавших гостей снаружи. Ринн и Гумберг так и не двигались, оставаясь в немом окаменении. Тиа всё также осматривала то бледного охотника, то такую же бледную эльфийку. Тордрак встал, покосившись на эльфов, и тихо потрепал за плечо друга.

— Чёрт, Серый, давай вставай, идём.

Мечник опомнился, отведя взгляд от ошарашенной эльфийки и поднялся с колен. Но вместо того, чтобы зайти внутрь, он приблизился к девушке, взяв её за тёплые руки. Та отпрянула, но не вырвалась. Гумберг подошёл ближе, чуть ли не вплотную, посмотрев ей в глаза.

— Ответь мне, сколько ты уже... такая?

Его голос был абсолютно холоден и спокоен, как и взгляд, несмотря на то, что всего секунду назад его распирало изнутри. Это действие, вместе с его вопросом, заставшим всех врасплох, ввели девушку в краску. На бледном лице появился контрастирующий с кожей румянец. Гумберг отпустил её ладони.

И только Фараэль смотрел в след старосты.

— Десять лет. — Тихо прошептала эльфийка с татуировкой ласточки под веком.

«Как я и думал. Её руки тёплые, а также реакция...» — размышлял охотник, — «Десять лет значит? Долго.»

Тиа откровенно пялилась на пепельноволосого наёмника. Не так, как обычно до этого, теперь в её взгляде что — то изменилось. То было замешательство и... Интерес? Она еле заметно вздрагивала, находя взглядом всё больше и больше похожих черт, и деталей в их внешности.

— Эгкхм, — Фараэль прокашлялся, — Староста сказала войти. Идём, плохо будет заставлять её ждать.

Услышав голос эльфа, Гумберг отошёл от эльфийки, и спокойной, но всё ещё нетвёрдой походкой последовал внутрь. Все остальные, молча, направились следом. Почему — то, сейчас охотник чувствовал... Пустоту.

Тепло. Внутри было тепло, но никак не душно. В шатре не было источников света в лице факелов или ламп, как привыкли путники, не было здесь и импровизированных окон, как в других домах. Вместо этого повсюду летали небольшие, цветные огоньки под потолком. «Магия» — Пронеслось в голове у наёмника. Пол был украшен множеством разноцветных камушков и мягких ковров. Балки, держащие шатёр, были украшены множеством рисунков и украшений из обсидиана. Засушенные цветы и ягоды находились всюду, своим запахом дурманя разум. Десятки, а то и несколько десятков венков были у края, сложенные в одну большую кучу.

— Она, что здесь, только и делает, что венки плетёт? — Не без иронии шепнул Тордрак Гумбергу, поймав на себе испепеляющий взгляд девушки, зашедшей вместе с ними. Но Тиа, к удивлению, ничего не сказала.

Гумберг никак не отреагировал, выжидаяюще смотря на старосту. Ринн вошла последняя, неважно выходя.

Глава эльфов сидела с небольшой, глиняной чашкой в руках, прямо на куче мягких тканей и подушек, сложенных друг на друге. Плавным движением руки пригласила остальных присесть тоже. Гумберг медленно опустился на ковры, почтительно сев на колени, но всё также не спуская с неё глаз. Дварф развалился рядом, тяжело выдохнув. Фараэль, как будто, так и было положено, сел справа от эльфийки, тоже на колени. Тиа, хоть и выглядела взволнованно, свободно раскинула ноги, упёршись руками за спиной, а Ринн аккуратно приземлилась рядом.

— Прощу, назовитесь, чужаки. — Миротлюбиво попросила эльфийка.

Гумберг покосился на друга. Дварф слегка кивнул и представился первым:

— Тордрак из клана Темнокамень... Ваше величество. — Замявшись, добавил дварф.

— Гм, у меня нет имени, госпожа. — Ответил на молчание старосты Гумберг. Ему не особо хотелось представляться не его именем.

Всё волнение еще на входе моментально выветрилось, испарилось, оставив место холодному расчёту. Возможно, именно здесь он и узнает о том, как стал... Стал таким. Поэтому ошибок совершать было нельзя.

— Хорошо, человек, такой ответ имеет право быть. Но всё же... Отныне, здесь, на нашей территории, твоё имя — Lam'lis Dajacer Rwi'eis. Моё же имя — Шантил Весеннерождённая. — Шантил представилась, а после указала на рядом сидящих эльфов: — Фараэля и Тию ты уже знаешь, Ламлис. С тобой так же шёл Синдаэль, один из наших лучших охотников.

— Спасибо вам, госпожа Шантил. Носить это имя будет для меня честью. — Поклонился Гумберг — Ламлис, почти не слукавив.

— Я думала, узнать о тебе получше, а вместе с этим, и о прошлом Ринн. Ведь вы похожи, как заметил Тордрак из клана Темнокамень, если можно так выразиться, как две капли воды, за неимением того, что Ринн — эльфийка, а ты — человек. — Звонко проговорила Шантил Весеннерождённая. — Но я видела твоё замешательство, Ламлис. Так что, думаю, нам обоим будет полезно обменяться знаниями. Да, Ринн?

Девушка неуверенно кивнула, слегка дрогнув, поглядывая на Гумберга — Ламлиса.

— Прежде всего, госпожа Шантил, позвольте задать один важный вопрос, — подождав, пока Шантил кивнёт, Гумберг продолжил: — Нам сказали, что вы предугадали наше появление. Это правда?

— Да. — Тихо кивнула эльфийка.

— Магия духов? Мистицизм? Вещанье?

— Первое. Всё потому, что вы появились из ниоткуда, этим вы меня и заинтересовали. — Посмеялась она. — Совсем не как остальные.

— Только поэтому? — Уточнил бледный наёмник.

— Только поэтому. — Подтвердила эльфийка.

Опустилось неловкое молчание. Шантил сидела, подобрав колени и улыбаясь, отложила чашку в сторону. Поправила волосы, убрав одну из чёрных прядей за ухо, окинула всех взглядом, выжидая, но никто так и не сказал ни слова.

— Что же, надеюсь, никто не будет против, если я скажу? — Заговорил Фараэль. — Нам нужна ваша помощь, чужаки, это правда. И взамен этого мы поделимся всем, что знаем, а также всем, что вы попросите.

— Нам нужны ингредиенты для «Слюны василиска». У вас они есть? — Сразу предупредил Гумберг.

Дварф вопросительно посмотрел на охотника, собираясь что — то сказать.

— Тордрак, не забывай, за чем мы сюда пришли.

— Что же, я подозревал, что вы это скажете, но до последнего надеялся... Сколько вам нужно? — Приложив ладонь ко лбу, спросил эльф, смотря на Гумберга — Ламлиса.

— Немного, на одного. — Ответил Тордрак, вопросительно посмотрев на Шантил и добавил, смутившись под ответным взглядом: — На низенького...

— Хорошо, вы получите то, за чем пришли сюда. — Шантил кивнула, на что Фараэль отреагировал тяжёлым вздохом. — Фараэль сказал, что уже посвятил вас в нашу беду. Вы можете с этим помочь?

— Непременно, госпожа Шантил. Гм, теперь, когда я пообещал, могу ли я? — Подождав, когда девушка утвердительно кивнёт, Гумберг всё же решился задать откровенно терзавшие его вопросы. — Откуда Ринн? Вы знаете, сколько ей лет? Как она вела себя десять лет назад?

Девушка засмушалась, но наёмник не обратил на это внимания, продолжив:

— И чувствовала ли ты тогда боль? — Обратился он на прямую к ней. — И, гм, можешь

ли ты иметь детей?

— Что за допрос!? — Возмутилась Тиа, заслони́в собой эльфийку, но тут же успокоилась, увидев успокаивающий жест старосты.

— Ринн, ты не против? Отлично. Тогда слушай внимательно, Ламлис. Слушай и внимай. — Серьёзно наказала Шантил. — Десять лет назад...

* * *

Зрачки небольших зелёных глаз резко расширились, превратившись из небольших чёрных щёлочек в зияющие тьмой дыры. Эльфийка по привычке испуганно дрогнула и тут же отпустила тетиву. Со свистом стрела пронеслась чуть выше, врезавшись в широкую и мощную шею василиска, украшенную десятками шипов разных размеров, а после отскочила с глухим стуком, улетев куда — то в сторону. Поначалу непонимающие глаза василиска сузились, а мускулистое тело длинной в несколько метров сжалось и напряжилось, но стояло ему осознать, что только — что произошло, магзверь тут же заверещал, сорвавшись с места и широко раскинув крылья. Лучница выхватила ещё одну стрелу с серыми перьями, вскинула лук и попыталась прицелиться ещё раз, но было поздно — василиск взлетел, подняв ворох листьев и обломав ветви могучих деревьев.

— Тиа! — за спиной лучницы раздался голос эльфа.

— Да, он улетел! Но он приземлится где — то рядом, я уверена, мы ещё можем его отыскать! Нам стоит лишь...

Она замолчала, повернувшись в сторону шума листьев. Фараэль, её нынешний напарник, совсем ещё молодой вышел, обеспокоенно осматривая охотницу.

— Ни за что. Это опасно. Конечно, он был шокирован и уязвим, когда понял, что ты не окаменела, но сейчас уже наверняка отошёл и готов к битве. — Голос эльфа был спокоен и тих. — Нарваться на засаду подготовленного василиска явно не лучшая идея. Легче уже найти нового.

— ...Ты прав, Фараэль. Прав, как обычно. Прости меня, это я виновата.

Тиа опустила голову, украдкой взглянув в глаза напарника. Эльф сделал несколько шагов вперёд, мягко опустив свою руку на её плечо.

— Ничего. Пошли, лучше, обойдём эту часть леса ещё раз. Может, даже, найдём кого повкуснее, чем василиска.

— В этом лесу? — с сомнением спросила лучница. — Смешно!

Фараэль прыснул. Прощёлся, намочил кончик большого пальца, ловя направление ветра. Повернулся обратно, чуть улыбнувшись и вопросительно склонив голову.

— Идём?

Кусты каждый раз шелестели, когда Тиа то и дело цепляла их своим новым луком. Из берёзы, он был тяжелее и длиннее её обычного. Пусть к стрельбе из него эльфийка привыкла, но всё равно каждый раз забывала о новых габаритах своего оружия, то и дело цепляясь о ветки кустарников.

— И всё равно, он не пробивает шкуру василисков, — жаловалась охотница.

— Не ври. Ты только на прошлой неделе подстрелила одного, — возразил эльф.

— И я ненавижу тот день, когда сделала это. Сидеть те шесть часов в засаде было просто невыносимо, — недовольно шипела она. — Я думала, что отправлюсь к предкам в любой момент. От боли в суставах, нет, скорее, от скуки.

— Тем более это значит, что тебе нужно научиться передвигаться со своим новым луком. Старый ты же сломала.

— Не ври мне, Фараэль. Вы отдали его мне только потому, что я лучшая лучница среди всех. Нечего на меня наговаривать.

— Я не наговаривал, — шепнул эльф, — просто это была довольно весомая причина. Твоё мастерство, конечно, тоже.

— Эгкх, да откуда вы, пекло, достали эту бандуру! — намного громче прошипела лучница, ещё раз зацепившись за одну из веток ежевичных кустов.

— Ты сама знаешь, откуда — Фараэль приподнял руку. — Прошу, тише. Лучше поспешим, если мы хотим успеть вернуться домой до заката.

— Знаю, откуда, как — же не знать... — буркнула Тиа, но встретившись глазами с эльфом, тут же стыдливо отвела их, покраснев. — Хорошо...

Спустя час ходьбы через буреломы и пролески, эльф и эльфийка вышли к небольшой речке, течение которой привела их к огромному дубу. Огромный ствол, который не обхватили бы даже с десятков эльфов, покрытый толстой, бурой корой без единого повреждения. Раскидистые ветви блестели изумрудами в лучах солнца, но стоило зайти на поляну, во владения исполина, как всех пришедших накрывала тень, укутывая во мраке. И только редкие лучи солнца, проходящие сквозь листву, вырисовывали причудливую картину света на траве.

Фараэль и Тиа шумно выдохнули, потянувшись. Их ноги, пускай и привыкшие к таким долгим «прогулкам» всё равно гудели. Скорее, больше сказывалось психологическое напряжение от того, что за этот час они не наткнулись не то, что на василиска, а вообще на следы любого другого живого существа.

— Можем отдохнуть пару минут. Здесь нас вряд ли кто тронет, — устало проговорил эльф.

— Самая знаю, — огрызнулась Тиа. — Единственное безопасное место, как ни как. Фух.

С шумом плюхнувшись на траву под лучами солнца, охотница потянулась к пальцам ног, чувствуя, как растягиваются мышцы спины. Фараэль, молча наблюдавший за этим, заговорил:

— И всё же становится меньше...

— Чего? — не отрываясь от разминки, спросила эльфийка.

— Животных. Магзверей. Монстров в конце концов. Это видно невооружённым глазом — лес беднеет.

— Животных тут и до этого особо не водилось, — откинувшись назад, проговорила Тиа. Удобнее подперев руки за спиной и откинув голову, она продолжила, задумчиво глядя на ветви дуба: — А разве это плохо? Возможно, меньше неподатливых проходимцев начнут забредать сюда в поисках редких зверей, — охотница покосилась в сторону берёзового лука. — Меньше монстров — вот уж беда! Наоборот, счастье. А то, что василисков чуть поубавилось... мы всё ещё немногочисленны, Фараэль. Мы сможем прокормиться.

— Если бы я говорил про еду, Тиа... — задумчиво протянул эльф, поймав на себе

удивлённый взгляд эльфийки. — Из — за того, что мы пользуемся дарами василисков, у наших детей всё чаще выявляется каменная болезнь. Проклятье, за которое мы должны быть благодарны нашим предкам.

Лицо эльфа помрачнело.

— А в попытке избавиться от него, мы только усугубляем положение, полагаясь на «лекарство» всё больше и больше. Это не более, чем проклятый порочный круг. А ведь всё началось с того, что эльфы, что были до нас, наши с тобой родители, решили поселиться именно тут. И теперь мы здесь словно в клетке.

— Ты же знаешь, что с нами будет во внешнем мире.

— Знаю. Но лучше уж попытаться вырваться, чем медленно ждать, пока нас всех убьёт болезнь. Не нас, так наших детей. Не их, так их детей. Я не хочу повторять ошибки предыдущего поколения и такой участи потомкам не желаю. Вот увидишь, Тия, через пять, нет, десять лет, всё изменится! Только нужен знак. Знак, что время перемен грядёт.

Тиа молчала, смотря в сторону напарника. Фараэль медленно повернул голову в сторону эльфийки, и с каждым мгновением его лицо всё больше заливалось краской от осознания того, каких вещей он только что наговорил.

Лучница засмеялась. Громко, звонко и заливисто, окончательно смутив эльфа. Тиа упала на спину, продолжая хохотать, закрывая лицо руками и покачиваясь из стороны в сторону. Наконец, спустя полминуты, она успокоилась, тяжело дыша.

— Это не смешно, — скрипя голосом, сказал эльф. — По крайней мере это то, что я думаю. А ты можешь смеяться над этим сколько угодно.

— Фух... Ах... Что? — Тиа, вся раскрасневшаяся, приподнялась на одном локте. — А, прости. Я не над тобой смеялась. Точнее, не над твоими словами.

— Тогда над чем? — Фараэль окончательно запутался.

— Пф, хах... — эльфийка издала ещё один предательски вырвавшийся смешок. — Просто. Просто видел бы ты своё красное лицо.

Эльф вновь покраснел, но тут же сам улыбнулся в ответ.

— Кто бы говорил. На себя посмотри.

Почти треть пути обратно они прошли за два часа при довольно быстром темпе. Ещё час им понадобилось, чтобы перебраться через реку. Поваленное дерево, служившее своеобразным мостом, куда — то исчезло, а потому пришлось долго брести в поисках подходящего, растущего как можно ближе к одному из берегов. Благо, Фараэль с помощью магии управился довольно быстро. Зачем же они пошли в обход, да ещё и через реку? А всё потому, что тот же Фараэль на своё же удивление обнаружил следы клювастых тварей, а встреча для охотников с ним означала только одно — смерть.

«Такими темпами, мы доберёмся до дома только к полуночи, — безнадёжно думала Тиа, устало перебирая ноги. — Да, прямо к полуночи.»

Эльфийка резко остановилась. Фараэль, заметивший это, обернулся, растерянно проговорив:

— Что с тобой, Тиа? Ты что — то увидела?

Эльфийка не ответила, смотря в одну точку и вслушиваясь, пока её напарник удивлённо мотал головой, пытаясь найти причину такого поведения лучницы. Безнадёжно.

Тиа сорвалась с места, быстро преодолев с добрый десяток метров, побежав в сторону одного из оврагов, находившихся за елями. Под возгласы Фараэля прыгнула вниз,

скатившись по почве. Затормозила, больно стирая кожу пяток.

В одном из оврагов лежал человек. Весь в крови и грязи, он тяжело дышал, держась за солнечное сплетение. Тиа тут же выхватила лук, положив стрелу с серыми перьями на тетиву. Напружинилась, прыжком долетев до неизвестного, оказавшись прямо перед ним. «Мелкая. Значит девушка. Нет, даже для человеческой женщины слишком мелкая, в ней росту едва ли три с половиной локтя. Человек ли? Может, половинчик? Нет, для них она слишком высокая, а для дварфа слишком стройная,» — внимательно разглядывая незнакомку, делала выводы лучница.

— Тиа!? — Раздался голос эльфа. — Ты где?

— Спускайся! — крикнула лучница, убирая стрелу. — Тут...тут раненный...

— И что нам с ней делать? — закончив последний осмотр и вытерев пальцы о траву, спросил Фараэль.

Охотница не ответила.

— Умыть её мы кое — как смогли, и рану её я тоже обработал. Корневица солнечного мака и ширилан, которое тебе повезло найти, остановит кровотечение, так что она могла бы быть в порядке... Другое дело...

— Что?

— Другое дело, — повторил эльф, — что с такими ранами не живут. По крайней мере, эльфы, а она, несомненно, эльф. У неё наверняка останется широкий, горизонтальный шрам на солнечном сплетении. Я даже не представляю, чем такую рану можно было бы нанести. Её сердце должно было быть задето в любом случае. Но вот только с ним вроде всё в порядке, а такая ужасающая рана уже почти затянулась.

— Но?

— Но кровь, она не успела даже толком запечься. Это невозможно. Хотя, честно говоря, она вся... — эльф мотнул головой. — Она вся какая — то невозможная. Я, разумеется, слышал, что эльфы, живущие вне леса, бледные, но, чтобы настолько? Даже волосы. Она и не дышит почти, сама посмотри.

— Не собираюсь я на неё смотреть, — недовольно проговорила лучница, нервно поглядывая в сторону солнца. — Мы и так потеряли кучу времени. Лучше подхватывай её и потащи к нам.

— К нам? — удивлённо спросил эльф, опешив и сверив неизвестную эльфийку взглядом.

Невысокая даже для эльфа, с худощавым лицом, бледная, как мрамор, она лежала на подстилке из травы и мха, почти не двигаясь. Её такая же бледная грудь, перевязанная льном, что прихватил Фараэль, еле вздымалась вместе с редкими вдохами. Порой, она прекращала дышать на долгую минуту, и именно в эти минуты она казалась натурально мёртвой. Фараэль несколько раз поднимал её веки, чтобы проверить реакцию зрачков на свет. Большие, завораживающие глаза, цвета ярчайшего в мире изумруда реагировали мгновенно. Жара не было.

— А ты собирался её бросить? Конечно к нам. Возможно, это тот самый знак, о котором ты просил. Знак о времени грядущих перемен. Так что давай быстрее вернёмся домой. Всё лучше, чем стоять тут, разве не так?

— Хорошо, — после недолгого молчания, согласился эльф.

Аккуратно подхватив бледнокожую эльфийку, Фараэль отпихнул ногой остатки верхней

одежды незнакомки, больше напоминающей грязные лоскуты ткани. «Что же с ней случилось?» — промелькнуло в голове эльфа в этот момент. Он посмотрел перед собой, на ожидавшую его Тию.

— Пошли.

Кусты биризревка зашуршали, открывая путь к лагерю, стоящему под двумя дубами. Множество светлячков витало в округе, из — за чего голубой свет мягко стелился на траву, украшенную цветами цвета лазури и серебра. Несколько знакомых Фараэлю эльфов с именами Тирлариил и Кельральил тащили несколько свёртков внушительного размера. Из — за одного выглядывало древко копья, украшенного резьбой в виде волны. Лицо Фараэля чуть напряглось.

— Привет, Фэр. — Поздоровался Тирлариил, а после, заметив выражение лица и взгляд эльфа, пояснил, мотнув головой в сторону свёртков: — Чужаки. Сегодня забрались в самую чащу. Мы дали пару знаков, но они даже не думали о том, чтобы уходить. Подождите, а это кто? Кто — то из наших ранен? Фэр, ты тут?

Фараэль поначалу молчал, продолжая сверлить взглядом свёртки ткани. Наконец, поднял глаза. Сказал:

— Прости. Привет, Тилар. Нет, это... Мы нашли её по пути. Кажется, она из эльфов живущих во владениях людей.

— Тогда она наверняка чужачка, — холодно проговорил эльф со свёртком. — Скорее всего, отстала от своей банды. Вам нужно было оставить её помирать в том же месте, где и нашли. Ты же знаешь правила, Фэр. Или дай угадаю, тебя Тиа надоумила?

Тиа, на удивление эльфа, вместо того, чтобы начать сыпать угрозами, лишь испуганно повернулась в сторону Фараэля.

— Нет, это была моя идея, Тилар, — не колеблясь, соврал он. — А если ты готов оставить умирать своего же собрата по виду, то, возможно, роль тупого рубаки подходит тебе лучше всего.

— Не зазнавайся, магик. — Эльф начинал вскипать, сильнее сжимая свёрток. — Не то...

— Не то, что? — посмотрел ему в глаза Фараэль, и, не дождавшись ответа, сказал: — А в прочем, нам нужно идти. К старосте. Увидимся завтра, Тирлариил. Спокойной ночи.

Фараэль развернулся, взял Тию под руку, заставив её охнуть от неожиданности, и повёл в сторону одного из шатров. Эльфийка, быстро перебирая ногами, не поспевала за высоким Фараэлем, безнадёжно пытаясь что — то сказать. Но резко замолкла, увидев крепко стиснутые зубы напарника. Молча пошла рядом.

Шатёр старосты не сильно отличался от других шатров в поселении, но его всегда можно было легко найти, ведь стоял он в самом центре, окружённый мисарисами — низенькими цветочками цвета перламутра, сияющими малахитом при лунном свете.

Фараэль скинул своё копьё на землю. Так же поступила и Тиа со своим луком. Выдохнув, эльф подошёл к самому входу. Выдохнул ещё раз. Прежде чем успел сказать первые слова, раздался звонкий голос старосты:

— Входи.

Он вошёл, держа на руках бледнокожую эльфийку.

— Ринн была необычной с того самого момента, как её нашли. Бледную и

тускловолосую, её обнаружили Тиа и Фараэль во время охоты. Они принесли её без сознания ко мне, уговорив меня помочь. Разумеется, первым делом я проверила, нет ли на ней чар. Как оказалось, не было.

Ламлись сидел, не отрывая взгляда от Шантил и казалось, не дыша. Всё, что он делал сейчас, это внимательно слушал, ловя каждое витающее в этом тёплом шатре слово, сказанное её звонким голосом. Слушал и запоминал.

— Её сердце почти не билось, а сама она была холодной как лёд. Тогда я думала, что, возможно, она сильно отравлена. И опять чтобы я не пыталась сделать, ничего не помогало. Она проспала два дня. Я стояла над ней, внимательно слушая, как она дышит. Мне не давало покоя то, что привело её к такому состоянию. Я надеялась, что как только Ринн проснётся, — староста взглянула на эльфийку, — она сама всё расскажет.

Когда она проснулась, то вела себя так, словно не осознавала, где находится, безразлично осматривая всё своими горящими глазами. Как у тебя, Ламлис. Я пыталась её лечить вновь, но ничего не помогало. За то находилась она вполне в стабильном состоянии, что удивляло ещё больше. Спустя несколько дней моих попыток что — то разузнать или хотя бы завязать беседу, она наконец ответила мне на какой — то случайный вопрос без какого — либо смысла. Настолько неважный, что я его уже и не помню. Зато помню всё остальное.

В то время с ней было бесполезно общаться. Но, спустя долгие недели она научилась поддерживать простую беседу. Это радовало. И тогда мы поняли, что всё это время у неё не было даже имени.

— Отныне, при тебе, Фараэль, и при тебе, Тиалэль, я даю имя этой эльфийке. — Шантил стояла, держа за руки бледнокожую эльфийку, внимательно смотря ей в глаза. Слишком внимательно. — Принимаете ли вы её под свою опеку?

— Да, госпожа Шантил, — синхронно ответили Тиа и Фараэль, стоящие на коленях перед старостой.

— Хорошо, — эльфийка мягко кивнула. — Отныне, имя тебе Риннаэль.

Названная Риннаэль эльфийка стояла, абсолютно не двигаясь и молча в непонимании смотря на старосту. Несколько раз она обернулась, ища взглядом Тию и Фараэля, что так и не подняли головы. Мягкие руки Шантил опустились на голову пепельноволосой эльфийки, аккуратно повернув её к себе. Староста вновь заглянула ей в глаза. В эти большие, сияющие изумрудами глаза. Ничего.

«Я не могу прочитать её мысли, — с небольшим страхом осознала она. — И это не потому, что их попросту нет. Наоборот. Что — то там, в самой глубине её сознания. Что — то кричит, метается пожаром, выхватывая образы языками пламени. Вкус крови и холод стали. Шёпот, слов которого не различить. И больше ничего.»

— Мы назвали её Ринн, ведь имя своё она так и не вспомнила, как и что — либо другое за эти десять лет, ведь так? Что с твоим лицом, Ламлис? Хорошо, я продолжу. Мы не знали, сколько ей лет по понятным причинам, ведь, как и все эльфы, она не стареет, и до сих пор с того дня выглядит на семнадцать человеческих лет. Что говоришь, боль? Да, прости. Никто не знает. Она, конечно, несколько раз умудрилась пораниться, но никогда на это никак не реагировала. Я думала, от шока. Прости.

Прошли месяцы, и она стала нам помогать. Оказалось, что Ринн ловчее любого из нас, а её слух и зрение превосходит кого — либо на моей памяти. Она стала охотницей, прекрасно владеющей копьём и луком. Спустя ещё годы, её, помимо внешности, было не отличить от

нас. Конечно, она до сих пор остаётся скромной и застенчивой. Подними голову Ринн, я нисколько тебя не принижаю. Умница. По большей части, это, наверное, всё, Ламлис. За последние четыре года ничего не поменялось, но, как она говорила когда — то, ночью ей приходили смутные образы из предполагаемого прошлого. Только теперь вряд ли она что — то вспомнит. Так ли это, Ринн?

Эльфийка кивнула, подтверждая слова старосты. Всё, о чём поведала Шантил ничуть не удивило Гумберга. В ответ пепельноволосый мечник рассказал свою, ничем не отличающуюся историю, о том, как он три года скитался по королевству Вестеросса, пока не начал меняться также. Шантил понимающе кивнула, заглянув мечник в глаза.

— Значит, ты действительно такой же, как и я... — Тихо прошептала эльфийка, но Шантил, сидящая на приличном расстоянии, всё равно её услышала. — Так кто же я?

— Я не знаю, как ответить на этот вопрос, Ринн. Но я рада, что ты была с нами всё это время. Жила, охотилась, спала под одной крышей со всеми нами. Но, также, возможно, что именно в Ламлисе ты найдёшь по — настоящему родственную душу, — проговорила эльфийка, смотря на покрасневшую девушку, — Возможно, твоё будущее переплетено нитями судьбы с ним.

— Исключено! — Громко возразила Тиа, привстав и смотря прямо на старосту не находящими покоя глазами. — Что это вообще за предл... Простите.

— Я не спрашивала тебя, Тиа. Это решение должна принять она, а не ты. — Холодно заметила Шантил, обращаясь к поклонившейся эльфийке.

— Но...

— Молчи, Тиа. — На удивление холодно наказала Шантил. — Что ты думаешь об этом, Ламлис?

— Мне всё равно, — ничуть не удивился наёмник, в отличии от дварфа. Почему то, он подозревал, что эта беседа закончится чем — то таким. — Она вольна делать что хочет и идти куда хочет. У каждого свой путь, я не верю в такое понятие, как судьба.

— Верить или не верить, это ничего не меняет, Ламлис. Ринн, ты до сих пор ничего не ответила.

Эльфийка замаялась под тяжёлыми взглядами присутствующих. Она сидела, заламывая пальцы и молчала, пока не наткнулась на Фараэля. Он сидел, смотря на неё с теплотой. Увидев, как она посмотрела на него, он мягко улыбнулся, слегка кивнув.

«Как и думал, я уже знаю ответ.» — Подумал мечник, уже не ожидая очевидного ответа.

— Нет. Я останусь здесь. Тут мой дом, и если вы так хотите прогнать меня, госпожа Шантил... Прошу, позвольте мне остаться... Я жила здесь сколько себя помню и считаю это место моим домом! — Голос эльфийки, казалось, стал громче, избавившись от какой — либо робости.

Все отреагировали по — разному. Гумберг — продолжал молчать, Тордрак — ошарашенно смотря то на эльфийку, то на Шантил, Тиа — сначала замерла, а после широко улыбнулась, накинувшись с объятиями на Ринн, Фараэль — незаметно выдохнул, прикрыв глаза. Одна только Шантил сидела с ничего не выражающим лицом. Ринн молчала, как и Тиа с Фараэлем. Даже наёмник почувствовал витающие в округе напряжение.

— Я рада, что именно это твой ответ, Ринн. И я не в коем случае не пыталась тебя прогнать, дорогая. Где же это видано, чтобы кто — то отрекался от семьи? — Наконец, ответила эльфийка, тепло улыбнувшись.

Глава 6. Каменные Сердца: «Там, где верят в судьбу»

— Госпожа Шантил, позвольте задать нескромный вопрос. — Фараэль склонил голову, почтительно встав на колени.

Он единственный, кто остался внутри шатра, когда все разошлись. И до сего момента всё никак не решался задать один мучавший его вопрос. Староста же, казалось, до этого и не замечала его, занимаясь своими делами.

— Позволяю. — Эльфийка ответила, стоя к нему спиной и аккуратно перебирая травы. Заметив, как эльф замялся, она развернулась, придержав платье и посмотрела на него с сдержанным интересом. — Говори, Фараэль.

— ...Благодарю.

Он замялся. Староста терпеливо ждала, не обращая на него особого внимания.

— К чему было всё это представление? — В этот момент эльф пожалел о своих словах, и внутренне сжался, готовясь к любой реакции госпожи.

Эльфийка ничего не ответила, продолжая смотреть в его большие, чёрные как смоль глаза. Фараэль же в свою очередь сильно напрягся, вжав голову в плечи, всё также стоя на одном колене. Увидев его реакцию, Шантил неожиданно прыснула, звонко засмеялась, окончательно смутив эльфа, и также неожиданно прекратила.

— Что именно тебя смущает, Фараэль? — Хитро улыбаясь, поинтересовалась Шантил.

— Ваши видения, духи и вправду показали отправить нас туда? И это всё?

Шантил молчала. Улыбка сошла с её лица, когда она, прикрыв глаза, громко вздохнула.

— Вы всегда можете... Нет, вы должны будете бросить их, если что — то будет угрожать вашим жизням. У меня нет желания жертвовать своими братьями ради незнакомцев. Если конечно, ты волнуешься о вашей безопасности.

— Но тогда к чему... Я всё еще не совсем понимаю. Точнее, я знаю, зачем мы это делаем, но для чего нам нужны эти двое. Дварф и «человек» никогда не должны были ступить на эту территорию. Даже чародеи обходят её стороной, а мы так просто...

— Разве не ты их привёл, Фараэль? — Староста перебила эльфа, вопросительно наклонив голову.

— Только потому что вы так сказали мне, госпожа.

— А, правда? — Шантил удивлённо хлопнула ресницами. — И вправду, вспоминаю, как посылала тебе сообщение. Знаешь, Фараэль, я чувствую, что нас подслушивают. У наших незнакомцев очень хороший слух.

— Госпожа, прошу, хватит играть...

— Я отвечу тебе на твой вопрос, Фараэль, не беспокойся. Так что прошу, слушай. — Бесцеремонно пресекла эльфийка.

Шантил вновь закрыла глаза. Эльф повторил за ней. Звуки вокруг, как ему показалось, исчезли, а время замерло. Но это не пугало эльфа, ведь сейчас, в этой тьме, были только он и его госпожа. Здесь не было места страху, боли и отчаяния. Здесь не было места лжи и притворству, только они вдвоём и больше никого.

«Судьба сама распорядиться, выживут они или нет. Ты прав, не это их предназначение, но то цена их пути, — мягкий голос эльфийки, как звонкий ручей, лился из пустоты, из смутных образов, возникающих в голове Фараэля, из него самого. Это ощущение было

намного сильнее, чем тогда, в лесу, и это по — своему... будоражило кровь, — мне нет дела до тех, кто не верит в судьбу, но моя гордость не позволяет отпустить их и дальше по течению, оставив всё так. Если их судьба такая, какой я их видела, они выживут. Так почему же их не использовать во благо всех нас? Надеюсь, теперь ты понял?»

«Да, моя госпожа.» — Мысленно ответил эльф.

Шантил умолчала о том, что судьба одного из чужаков напрямую пересекается с судьбой эльфийки и всех здешних эльфов. И судьба эта несёт несчастья. Тень, ступающая за путниками, накроет каждый дом их поселения, коснётся каждого эльфа, поглотив всё без остатка. И это осознание пугало Шантил.

«Надеюсь, они не вернуться...»

— ...Держат нас здесь, етить его, под словно зверё в клетке.

— В смысле? — Вопрос друга вернул Ламлиса в действительность. Окружающие звуки, до этого затихнувшие, нахлынули с новой силой, сбивая с толку наёмника, но он быстро пришёл в себя. — О чём ты, Тордрак?

— Ты что, не слушал? Все эти взгляды! Не говори только, что не замечаешь их. Ещё и мясо это варанье, жёсткое, как кусок кары. — Дварф жаловался, сосредоточившись на том, чтобы оторвать зубами кусок никак не поддающегося ему мяса. — И на вкус такое — же.

Ламлис проигнорировал жалобы друга, вновь прислушиваясь, но Фараэль уж вышел из шатра. Он так и не услышал, что же сказала эльфийка. «Не важно.» — Заключил наёмник. Он, разумеется, видел все эти взгляды. Свои эмоции эльфы скрывали чаще намного хуже, чем люди или, например, даже импульсивные дварфы, как Тордрак например. И действительно, путники были здесь уже который час, а к ним, казалось, никто так и не привык, всё также разглядывая без какого — либо смущения. Да, некоторые прятали свои глаза, но кожей чужаки всё равно чувствовали на себе нездоровый интерес.

— Всего шестерых! А вирохвостов их там сколько? Несколько десятков? Да нас сожрут же.

— Гм, ага. Но, думается мне, что если они нас будут жрать также долго, как ты этот кусок мяса, то у нас будет время что — нибудь придумать. И виртохвосты, Тордрак, вирто...

— Чего ноете?

Раздавшийся голос заставил Тордрака вздрогнуть от неожиданности и подавиться мясом, закашлявшись. Следом, за неожиданно появившейся Тией, из — за другой стороны шатра вышла Ринн, неловко поздоровавшись. А вместе с ней и ещё один эльф, имя которого Ламлис не знал.

— Нас всего шесть, чужаки, потому что другие охотники тоже будут выслеживать гнёзда поменьше.

У говорившего эльфа были длинные, чёрные волосы и короткий плащ из, судя по всему, серой кожи живоглота, а также татуировка в виде павлина на лице.

— Фараэль у нас боевой чародей, так что справиться должны, можешь не трястись, дварф. И, эй, лови! — Объяснив, Тиа потянулась, а после неаккуратной кинула в сторону наёмника увесистый кувшин, завёрнутый в ткань.

— Осторожней... — Еле слышно посетовала пепельноволосая эльфийка, покосившись на подругу. — Тиа, нельзя так беспечно...

— Что там? — Покрутив, как оказалось, вазу с плотной крышкой, а не кувшин, спросил Ламлис.

— Воняет, да? Не разбей, внутри горячая жидкость. Спалим там всё к чертям и дело с концом. Не бойсь, она крепкая. Наверное...

Охотник хотел что — то ответить, но не успел. Его перебил дварф, ехидно улыбнувшись.

— Коли ж этот Фараэль кстати, маг, чего же он не магичил когда против нас дрался? Не так уж он и хорош? — Вставил в разговор свой колкий комментарий Тордрак, спровоцировав раздражительный взгляд эльфа, а вот Тиа, на удивление, не ответила, а наоборот, чуть улыбнулась.

— Не хотел все карты раскрывать заранее. Но если ты попросишь, то лично для тебя могу что — нибудь придумать.

На плечо дварфа мягко опустилась рука Фараэля, заставив того дёрнуться и испуганно вскочить. Тордрак подорвался, запутавшись в ногах и чуть не упал, а эльф, увидев реакцию дварфа и то, как он стоял, держась за сердце и стараясь отдышаться, не по — доброму ухмыльнулся.

— Идём?

Лучи солнца с трудом пробивались через густые зелёные кроны деревьев, отражаясь в неизвестно откуда взявшихся каплях росы. Всё в округе застыло, не двигаясь и не издавая ни единого звука. Атмосфера была давящей, а воздух, казалось, был более плотным. Ламлис не успел заметить, как всё поменялось. Стоило ему только ступить четь дальше, как лес ожил. С ветки резко сорвалась птица, скинув перья. Мелкий зверёк, которого охотник не разглядел, рванул, срывая листья. Кто — то запищал под ногами.

— Безопасная территория? — Предположил мечник.

— Да. Совсем маленький клочок. — Ответил эльф по имени Сиандэль. Тот самый, кто пытался схватить Тордрака.

Староста послала его с нами, сказав, что не может выделить большее количество воинов. В любом случае, как понял Ламлис с Тордраком, много человек и не нужно. Вся их задача — найти основное гнездо виртохвостов и сжечь его дотла.

— Заметил, что мы расслабились? — Предположил Фараэль.

Мечник кивнул.

— Почему такие места вообще образовались? Они и раньше были?

— Никто не знает, чуж... — Сиандэль осёкся. — ...Ламлис. Появились тогда же, когда исчезли василиски. Гигантские вараны, виртохвосты, живоглоты и выверки сюда не ступают, сам видишь. Хотя эти места на вид ничем и не отличаются, разве что, мелкой живности поболье будет.

— Чудеса, да и только. Весь лес тебя сожрать живьём хочет, а тут как во время летней прогулки! Бороду на отсечение даю, это колдунство какое — то.

— Побереги бороду, дварф, и не будь так беспечен. Иначе не то, что бороды, головы не станет. Это всё ещё часть леса, и этот лес будет готов «сожрать» тебя в любой момент, особенно, если ты будешь так рассуждать.

— Гэ, ладно, — буркнул Тордрак, почесав бороду. — Убедил.

— Рад, что ты понял.

— Будьте внимательней, мы скоро выходим. — Предупредил Фараэль, проносясь мимо Тордрака. — Там, уже недалеко, Северный склон. Смотрите в оба, мы не знаем, что нас ждёт.

— Думаешь, они там? — Спросил Тордрак и посмотрел по направлению, в котором указал эльф.

Эльф кивнул.

— В последний раз следы вели именно туда. И, судя по всему, их там довольно большое количество. Обычно виртохвосты живут стаями по пять — шесть особей, если это вообще можно назвать стаей.

— Гм, мы справимся?

— Не нервничай, Фараэль всегда может полить этих тварей огнём. — Попыталась успокоить охотника Тиа. — Лицо попроще.

— Я и не нервничаю... И что не так у меня с лицом?

Прошло уже несколько часов, как все они выдвинулись и весь путь был относительно спокоен на удивление эльфам. Ламлис предполагал, в чём дело. Звери не особо любили наёмника и редко, когда открыто появлялись перед его глазами. То же подтвердила и клювастое чудище, напав на его друга, хотя, возможно, Тордрак просто зазевался.

Склон... Почему его называли северным? Наверное, потому что он находится на севере и довольно сильно выделяется. Рядом с ним почти не было деревьев, лишь голая земля с редкой, низкой травой и большим количеством валунов. А также каких — то многочисленных, красных цветов. «Это место — полная противоположность Васильковому долу...» — Подумал пепельноволосый мечник. Где — то вдалеке земля довольно резко уходила вверх, и так же резко опускалась, чем — то напоминая шрам на гладкой коже.

— Что это за звук? — Спросил Тордрак.

— Ты слышишь? — Удивился Фараэль. — Ветер воет. Там, на склоне, есть ущелье. И прошу, будьте аккуратней, за камнями можно не заметить противника, поэтому смотрите внимательней.

Тордрак покосился на Ламлиса, они оба кивнули. Тиа хмыкнула, заметив это, потом обернулась, поправив сумку с горючим веществом. Погода портилась. «Как бы дождь не начался.» — Между делом прокомментировала Ринн. Когда путники добрались до края, где начинался подъём на склон, солнце окончательно скрылось за потемневшими облаками. Тиа потёрла плечи и зябко поёжилась. Фараэль тут же подошёл и накинул на неё свой плащ, укрывая от поднявшегося ветра. Девушка поблагодарила. Сиандэль предложил свой плащ Ринн, ведь она оставила свой в поселении, но эльфийка отказалась, сославшись на то, что он будет ей только мешать стрелять из лука и ей совсем не холодно. На этих словах поймала взгляд Ламлиса.

Серые, холодные камни послужили хорошим укрытием для группы охотников. Сиандэль заметил следы ещё на подъёме, и первых виртохвостов долго ждать не пришлось. Охотники, напавшие на след, пригнулись, выглядывая затаившихся противников, но так никого и не обнаружили.

— Их слишком мало. Вполне возможно, что сейчас они направляются к гнезду, а оно у них... В ущелье. — Заключил Фараэль.

Голые камни полностью укрывали эльфов так, что со стороны ущелья их было совершенно не видно, чем некоторые и пользовались, вытягивая головы в попытках рассмотреть всё получше. Здесь, на склоне, ветер был ещё сильнее. Он развивал волосы, из — за чего те попадали в глаза, затрудняя обзор, свистел, заглушая все окружающие звуки и попросту отвлекал. Единственные преимущества — это то, что он уносил с собой запахи, нивелируя шанс обнаружения группы со стороны виртохвостов и, возможно, мог разнести огонь по все предполагаемому гнезду.

Сжечь яйца и всё гнездо в целом, а также разогнать гадов — вот и весь план. Ламлис не знал, насколько это будет эффективно, но это были проблемы эльфов, а не их. «Главное — ингредиенты,» — напомнил себе мечник, — «Ни к чему нам лишние риски.»

Тиа предложила проследить за удаляющимися гадами, и все согласились. Виртохвосты не замечали их, как выразился Тордрак, вальяжно двигаясь меж камней, к ущелью, куда вскоре и спустились, укрывшись от взоров охотников. Тордрак, Ламлис и эльфы подошли ближе, и чем ближе они подходили, тем сильнее свистел ветер. Ущелье, зияющее темнотой, было многоуровневое и довольно глубокое. Эти самые «уровни» объединяла одна узкая дорожка, по которой передвигались виртохвосты.

— И что делать? Есть план? — Поинтересовался дварф, боязненно сглотнув ком в горле. — Высоко...

— Боишься, что ли? — С издёвкой спросила Тиа, нагнувшись над глубокой, но узкой пропастью. — Метров двадцать пять будет, хе.

— Разумеется есть, — успокоил Тордрака Фараэль, — Нам нужны самые быстрые. Ринн, Синдаэль, у вас будет очень важная роль. Всё будет завесить от вашей выносливости и скорости.

Эльф и эльфийка кивнули. Увидев это, Фараэль обернулся к мечнику, всё объяснив:

— Прости, Ламлис, я разумеется знаю, что ты такой же, как Ринн, но я всё же доверюсь своему давнему товарищу. И в бою мне кажется, Тордраку будет привычней с тобой. Ты не против?

— Гм, мне всё равно.

— Отлично. Тогда слушайте...

Виртохвосты рвались вверх, толпясь, перепрыгивая и скидывая друг друга с узкого подъёма. Ущелье заполонил шум топающих лап, грохот, писк и шипение, заглушающее свист ветра. Щёлкая пастями, несколько десятков гадов выползло наружу, и, дёрнув хвостом, раскидывая камни, побежали в сторону. Тордрак напряжённо наблюдал за этим сверху, пока в определённый момент не подал сигнал рукой.

«Всего то стояло пристрелить парочку детёнышей.» — Подумал Ламлис, увидев гигантское, чёрное пятно, удаляющееся от его укрытия. Заметив сигнал, он спрыгнул вниз с высоты в добрые пять метров, минуя спуск, и приземлился на твёрдую поверхность, украшенную россыпью камней. Неприятное ощущение в суставах мгновенно ушло, и пепельноволосый мечник встал, оглядевшись. В некоторых местах, укрытых гигантскими валунами, были небольшие кучи засохшей травы, образующие «гнезда». «Найти яйца, вылить содержимое, сжечь. Найти яйца, вылить содержимое, сжечь. Найти яйца, вылить...» — Повторял про себя охотник, аккуратно двигаясь меж камнями. Где — то сверху заскрипело одинокое деревце, растущее прямо из трещины в стене. Нет, он не страдал плохой памятью. Таким образом Ламлис концентрировался, становясь максимально внимательным. Стоит ему отвлечься, как тварь в одно мгновение переломает ему хребет или откусит голову. Конечно, виртохвосты не настолько опасны, как клювастые твари, но осторожность была явно нелишней.

Сверху упала верёвка и по ней тут же спустился Тордрак. Фараэль спускался по тропе, проверяя щели на наличие скрытых кладок и одновременно с этим контролируя тыл, на случай, если охотившиеся виртохвосты не вовремя вернуться домой.

В краю ущелья что — то издало шорох. Через мгновение, повернувшись в сторону, откуда исходил звук, наёмник заметил движение в его сторону, но тварь, проскользнув

тенью, тут же скрылась за одним из валунов. Ламлис потянул руку к мечу, оглядываясь. Тордрак что — то заподозрил, ненадолго остановившись и оглядевшись, но, не увидев никакой опасности, медленно сполз с верёвки, положив руку на древко топора. Из — за камня, за которым пристально наблюдал мечник, раздался, нарастая, утробный, вибрирующий рык. Антрацитовый клинок ловко скользнул в руку.

Дварф, стоящий за мечником, резко обернулся, рассыпав щебень и тихо охнул. Сзади раздался точно такой же звук, пронизывающий, казалось, все фибры души. Ламлис не обернулся, всё также не отрывая глаз от валуна. Он уже понял, что по его оплошности они оказались окружены как минимум двумя виртохвостами, которых не зря называли мастерами маскировки.

«Стоило всего лишь отвлечься на одного, как их стало двое...»

Покрытая грязной чешуёй лапа, с острыми, мощными чёрными когтями тяжело упала на пыльную землю. Не прошло много времени и следом, из — за валуна показалась голова хищника и всё остальное. Жёлтые глаза хищно блеснули, в зрачках отразились двое.

Виртохвост, вышедший из — за укрытия, тяжело, но плавно ступал, касаясь мордой земли. Толстый, шипастый хвост раскачивался в стороны, сметая мелкие камни. Оставляя борозды, монстр вытянулся в лапах, подняв свою приплюснутую голову, что расположилась на широкой, прочной шее, и разинуло пасть, жадно втянув воздух. Яркие, белые зубы сильно контрастировали на фоне чёрных губ хищника, что делало вид ещё более пугающим. Из — за особенностей строения их головы казалось, что тварь всегда улыбается. Хищной, противной и злой улыбкой.

— Серый, их двое! Мы справимся? — Тордрак начал паниковать, каждый раз сжимаясь, когда зловонное дыхание достигало его лица. — Проклятие!

— Тордрак! Там, в углу! Ещё трое!

Крик Фараэля заставил дёрнуться даже Ламлиса.

— Нам нужно сжечь тут всё! Я попытаюсь отвлечь тех трёх, Ламлис, прошу, прорвись! Это самка, она осталась защищать кладку!

— Гм, сам догадался...

Послышался тяжёлый топот и рёв, переходящий в визг, в ушах зазвенело, когда странный, резонирующий звук заполнил всё пространство, а сзади появилась вспышка.

«Заклинание? К чёрту, это мой шанс!»

Ламлис напряг ноги, поддавшись вперёд и занеся меч за бок. Зрачки виртохвоста превратились в две небольших щёлочки, а сам он чуть приоткрыл пасть, отстранившись. По ущелью, со свистом прогулялся ветер. Земля и мелкий щебень взорвались под ногами охотника, когда тот сорвался с места, ринувшись в лобовую атаку. Сзади послышался крик и рёв. Тордрак громко выругался, еле устояв на ногах и сцепившись с одной из тварей. Другие две, увидев, как бледный мечник понёсся в сторону кладки, ринулись за ним, догадавшись о его намерениях. Виртохвост, стоявший перед наёмником, дёрнул пастью и махнул хвостом. Челюсть с щелчком сомкнулась в считанных сантиметрах от пяток охотника, что мягко приземлился, перепрыгнув через ящера — подобную тварь, и прыгнул снова, на этот раз в попытке увернуться от хвоста.

Монстр неестественно изогнулся, выбросил лапы вперёд и в прыжке всё же зацепил противника, шипами разорвав штаны и расцарапав бедро. Ламлис приземлился во второй раз, игнорируя рану, сделал два кувырка, уходя в сторону и вскинул меч, в полу — развороте рассекая голову чудища, не останавливая движение. Меч со свистом рассёк пространство,

столкнувшись с преградой в лице толстой шкуры ящера, но клинок так и остановился, разрезая природную броню монстра как раскалённый нож проходит сквозь масло. Рана была не глубокой, но этого было достаточно, чтобы виртохвост отступил, отстранившись и резко замахал головой и хвостом, поднимая облака пыли.

Ещё один рывок, и Ламлис оказывается у самых валунов, когда чувствует чьё — то дыхание на затылке. Противное, липкое и холодное. Это смерть дышала ему в затылок.

На одних только рефлексах пепельноголовой мечник сгибается в коленях и сразу же броском, как кобра, разрывает расстояние между ним и нагнавшим его виртохвостом. «Быстрые!» — Заметил он, увернувшись от смертельно — опасных когтей, так и норвящих разорвать ему горло. Тормозя, оставляя за собой след на земле, наёмник краем глаза замечает борющегося с монстром друга. Виртохвост был почти в два раза больше Тордрака, но тот не отступал, неустанно нанося широкие, рубящие удары топором. Фараэля же, пусть и скрылся из виду, можно было различить по неясному силуэту в поднимающейся пыли. Эльф двигался, ловко уходя от атак и метая разрушительные заклятия. Пока у него были компоненты на мощные заклинания, он, как боевой маг, вполне мог противостоять нескольким противникам сразу, посыпая их градом льда или обдавая языками пламени. Но на сколько его хватит?

Тем временем Тордрак уже справился с одним из гадов, когда на него напал ещё один, сбежавший от Фараэля. Виртохвост зарычал, дёрнулся, перекусив топор и повалив дварфа на землю. Тот вскрикнул, охнул, приземлившись на спину и в последний момент поддался в сторону, уходя от когтистых лап чудища, что чуть не раздавили ему голову. Тордрак выхватил кинжал из — за спины, встав на колени и пятясь, начал махать им перед собой, отгоняя тварь.

— Уйди тварь! Уйди, скотина!

Челюсть почти сомкнулась на кисти мечника, едва не перекусив её, но Ламлис успел одёрнуть руку, ударив наотмашь в ответ. Тёмная кровь окропила камни, каплями разбившись у ног охотника. «Нужно убить хотя бы одного!» — Заключил он, постепенно ускоряясь и наседая. Движения Ламлиса стали более чёткими, но ненадолго. Его тело размылось, а когда пепельноволосый охотник начал наносить множественные удары по виртохвосту. Шум взрывов заклинаний затих, как и голос Тордрака.

Клинок играл лучами света, со свистом рассекая пространство, кружа, как метель и двоясь, нет, троясь в глазах противников. Нет, Ламлис сам стал метель, как ураган, скользящего всё на своём пути, неотвратимого и несущего смерть природного явления. Удар с разворота, отскок в сторону, ещё один удар и лишней вольт, сделанный по привычке. Мечник перехватил клинок, перепрыгнув с одного угла на другой, проносясь как молния над одним из виртохвостов. Тварь взвыла, но тут же получила по своему боку. Рана взорвалась кровавыми брызгами, окропив бледное лицо мечника, но тот даже не заметил.

Тордрак закричал вновь, но наёмник не разобрал слов из — за свистяще — звенящего шума ещё одного, неожиданно появившегося заклинания. Яркая вспышка ослепила виртохвостов, дав дварфу шанс сбежать.

Прорвавшись, Ламлис смахнул копну пепельных волос, быстро оценив окружение. Ещё один, заключительный рывок после ещё одного, заключительного удара, и он, сопровождаемый диким рёвом, ворвался в расщелину меж двух валунов.

Внутри пахло кровью и молоком. Было душно. Свет, проникающий через довольно широкую щель, освещал слишком мало пространства, отчего многие детали уходили от взора

Ламлиса, но то, что ему нужно было, он всё же смог разглядеть. Несколько десятков яиц на засушенной траве, укрытые ветками и всяким мусором, преспокойно лежали, согреваемые теплом солнца. Но вскоре на них опустилась тень.

Виртохвост, ставший посреди прохода, опасно изогнулся, оскалившись. Глаза были полны ярости и страха. Хвост нервно дёргался в разные стороны, стучаясь о камни. Приблизился ещё один. Первый, тот что в проходе, неуверенно ступил вперёд, встопырив когти и царапая камень. Наёмнику на секунду почудилось, что, будь у этого зверя шерсть, сейчас она бы непременно стояла дыбом.

Продвигаясь вперёд, тварь шумно вдыхала воздух, бегающими глазами осматривая гнездо. Её опасения не подтвердились — кладка была цела. Пока что. Тем временем Ламлис так и не сдвинулся с места, когда кончик хвоста твари уже проник в пещеру. Второй виртохвост, видя, как его собрат зашёл внутрь и начал двигаться на мечника, заходя сбоку, зарычал, следуя за собратом. В таком пространстве они вдвоём легко могли разорвать охотника на куски, и он полностью осознавал это.

— Ламлис! Выбирайся оттуда!

— Серый, жги!

Крики эльфа и дварфа заглушал утробный рык и свист ветра, но охотник всё равно расслышал голоса друзей. Не разворачиваясь, он выхватил склянку с горючим веществом и метнул его вглубь. Виртохвосты заревели, сорвавшись с места. Своды пещеры загремели, пространство заполонил противный, резкий запах и грохот. Прыжок вперёд, меч засвистел, сыграв солнечными зайчиками на стенах, каждая клеточка тела охотника задрожала от напряжения, когда он, напружинившись, пролетел над головами чудовищ, пустив кровь одному из виртохвостов. Шипованный хвост пронёсся совсем рядом с лицом, оставив небольшой, но глубокий порез под губой.

Мечник вытянулся, протянув руку к свету, когда почувствовал жжение у самых ног. Небольшой комочек огня, размером с яблоко, испуская жар и оставляя за собой след из раскалённого воздуха и искр, пролетел в опасной близости от Ламлиса, разрывая тьму. Пепельноволосый наёмник не успел рассмотреть, попало ли заклинание в цель, когда ослепительная вспышка разорвала пространство, а ударная волна ударила его. Дым заполонил округу, словно изрыгаясь из пасти дракона. Через мгновение дракон выплюнул и Ламлиса.

Бледный мечник встретил землю лицом, проехавшись на спине и оставляя за собой характерный след. Прокрутившись ещё несколько метров, он остановился, дрожащими руками опираясь на поверхность и поднял голову.

Языки ярчайшего пламени вырывались из — за камня, стремясь схватить всё живое и утащить внутрь, в самую пучину ада. Из — за жара находится рядом было просто невозможно, даже отсюда Ламлис чувствовал, как его кожаный жилет начинал плавиться. В нос ударил запах сгоревшего мяса. Охотник заворожено смотрел на пекло, разверзнувшееся прямо перед ним, не обращая внимания на окружающие его крики. Голоса просто не доходили до него, заглушаемые писком в ушах.

«Что это? Мои мысли, я их теряю... Нет, стойте...»

— Ламлис, сзади!

Острая боль пронзила ногу мечника, но стихла меньше чем через долю секунды. Раздался хруст, руки охотника предательски подкосились, а удар хвостом по спине повалил его на землю. Пепельноволосый наёмник вывернулся, пытаясь разглядеть противника. В

глазах потемнело, но он всё же смог различить неясный силуэт виртохвоста, вцепившегося ему в ногу. Смог различить и то, как кусок кости выглядывал из — за разорванной кожи и плоти.

Фараэль показался перед мечником, с копьём наперевес, собираясь рывком проткнуть тварь, целясь ей в брюхо. Было в его лице что — то... Противоречивое. Где — то сзади закричал Тордрак.

Копьё вонзилось в бок виртохвоста, заставив его зареветь и разжать челюсть. Нога освободилась и наёмник, воспользовавшись заминкой, вскинул меч и молниеносно выкинул руку перед собой. Кончик лезвия вошёл в мозг монстра через разинутую пасть, и виртохвост тут же обмяк, упав тяжёлой тушей на лежащего Ламлиса.

С брызгами крови Фараэль достал копьё, начертив пальцами руки непонятный знак. Воздух поплыл, а небольшая искра сорвалась с его ладони, улетев куда — то в сторону. Заклинание попало в монстра, с которым дрался Тордрак, но оно было слишком слабым, чтобы нанести хоть какой — то урон. Раздался ещё один хруст — дварф вогнул уцелевшую часть топора в плоть виртохвоста, но вскоре отлетел, также, как и Ламлис, сбитый ударом хвоста. Фараэль ринулся вперёд, начертив ещё один знак на бегу. Земля под ногами монстра покрылась ледяной корочкой, но это не дало эффекта — тварь крепко цеплялась когтями за поверхность.

Эльф тем временем двумя ловкими прыжками подскочил к уже успевшему подняться дварфу, схватив его за руку и оттянув назад, ударил копьём. Копьё врезалось в чешую, но соскочило и было тут же перекушено ещё одним виртохвостом. Фараэль отпустил обломленное древко, откинув его в сторону и засеменял назад, создав небольшой пучок огня в ладони. Монстры остановились. Неизвестно из — за чего они не подходили, стоя на месте и рыча — то ли их действительно напугал эльф, или же это был дикий жар и пламя, исходящие из горящего гнезда.

— М-мои рёбра, чёрт... — Держась одной рукой за бок, а второй за эльфа, стонал Тордрак, отползая назад.

— Ламлис, ты как? Драться можешь? — Эльф обратился к уже поднявшемуся наёмнику, выхватив из — за пазухи дварф кинжал. — Боги, что нам делать? Они скоро привыкнут к жару и тут же накинутся на нас.

— Моя нога... — Охотник неуверенно выпрямился, — Гм, она... Неважно. Да, могу.

— Их всего двое, я тоже могу...

— Нет уж, сиди, дварф. Тем более, без оружия ты не больше, чем обычный кусок мяса для них.

Тордрак не спорил, неясными глазами разглядывая гадов. Виртохвосты уже начинали понемногу двигаться, приближаясь, но каждый раз, когда перед ними проносился клинок или кинжал, отскакивали назад. «Они видели, сколько положил своей магией Фараэль. Но вскоре они поймут...» — Пронеслось в голове у Ламлиса. Эльф напряжённо молчал, делая рывки в разные стороны и отпугивая тварей. Он тяжело дышал, размахивая широким кинжалом, с его лба, смешиваясь с грязью и пылью, падали капли пота, разбиваясь о камни.

— Пекло, посмотрите вверх!

Тордрак крикнул, указав на левый край ущелья. Фараэль проследил за его взглядом и обречённо выдохнул. Его глаза сузились, а дыхание перехватило так, что он не смел даже двинуться. Сверху, тяжело ступая, спускалось ещё несколько виртохвостов. Твари, стоящие перед охотниками, зарычали, обнажив клыки и, размахивая хвостами, смело двинулись

вперёд, зажимая тех в тиски. Смертельные тиски между хищными зверями и такими же хищными языками пламени.

— Неужели Тиа и остальные... — В неверии проговорил эльф. — Неужели надо было поступить, как говорила госпожа?

— Почему они вернулись!?! — Прокричал Тордрак. — Какого хрена они вернулись!?! Серый, что нам делать!?!

Ламлис проигнорировал слова эльфа и вопрос дварфа, заметив, как вернувшиеся виртохвосты уже спустились. Заметил также и то, как один из гадов начал заходить сбоку, напрягая конечности и готовясь выпрыгнуть. Наёмник предугадал это и выскочил вперёд на опережение, ловко переставив ведущую ногу. Взмахнул клинком. Часть шипованного хвоста, коим тварь попыталась сбить Ламлиса с ног, с лёгкостью отделилась от тела. Виртохвост зашипел, безрассудно кинувшись вперёд и сбив охотника с ног, а второй, завидя это, накинулся на рядом стоящего эльфа, не давая ему помочь напарнику. Фараэль, в попытке отбиться от наседающего на него гада, попытался проткнуть толстую шею твари, но кинжал, встретившись с прочной чешуёй предательски обломался.

Фараэль пошатнулся, отступил назад, и, запугавшись о Тордрака, чуть не упал. Удержался, взмахнув широким кинжалом с обломленным лезвием, начертил знак. С пальцев сорвалась голубая вспышка, мгновенно испарившись. Морда и глаза виртохвоста покрылись ледяной корочкой, заставив того зареветь и отпрыгнуть назад, срывая когтями куски льда и чешуи. Это выиграло ему немного времени, чтобы оттянуть дварфа назад и ринуться на помощь Ламлису для того, чтобы тогда же быть сбив с ног от удара обрубленного хвоста.

Виртохвост, что сбил Фараэля, вонзив когти в землю, вытянулся вперёд, широко раскрыв пасть прямо перед лицом Ламлиса. С острых, как бритва, многочисленных зубов стекала густая, прозрачная слюна, падающая на кожаный жилет наёмника. Глаза хищно загорелись.

Пепельноволосый наёмник дёрнулся, собираясь вонзить меч в бок монстра, но тот успел среагировать, прижав его руку к земле своей когтистой лапой. Тварь пыталась растягивать удовольствие, какое испытывает дикий хищник, осознавая, что его добыча загнана в угол. Позади хищника подступали ещё двое виртохвостов.

В уши наёмника, как камень в водную гладь, врезался отчаянный крик Тордрака:

— Серый, нет!

Глава 7. Каменные сердца: «Там, где расходятся пути»

— Подожди, подожди, — попросила Мирана, вскинув ногу на ногу, — я поняла про эту их «королеву» Шантил, про то, зачем им василиски, про магию духов и виртохвостов.

— Гм, да?

— Судя по всему, этих самых виртохвостов было довольно много, тогда почему послали всего шестерых? Бред. — Возмутилась волшебница.

— Ну, Тиа сказала, что остальные охотники тоже пойдут. Наверное, хотели уничтожить всех разом. — Предположил охотник, поправив распоротый жилет. — Виртохвосты обычно не живут большими стаями, сама знаешь, но те, на которых пошли мы, судя по всему, были исключением... Очень, очень большим исключением...

Лицо охотника омрачила тень.

На улице стояла поздняя ночь. Ламлис вернулся в город ещё рано днём, но он решил проводить Тордрака, который направился к брату, проведать, как он. Наёмник же, попросившись с ним, молча зашёл в Миране, молча оставил драгоценный кувшин и молча ушёл. Гулял. Долго. Умылся в общей бане, стоящей на самом отшибе, где почувствовал сильное головокружение. Списав всё на жар, поскорее избавился от слоя грязи и покинул здание, будучи погружённым в свои мысли. И вновь гулял по городу, по грязным, узким, вымощенным булыжником улочкам, не замечая, куда идёт и где уже был. Так и прогулял весь день, до самого вечера, не находя себе места. Без причины, полностью погружённый в свои мысли. Думал. Долго.

— Неужели их настолько было много? — Ещё больше, но как — то странно, удивилась Мирана. — Я видела твою ногу, это было тяжело, да? Прости меня, птенчик, я не думала, что всё так получится...

— Гм, всё хорошо. Да, их было много, — сдержанно кивнул наёмник, — в районе двадцати.

— Пекло, да где же это видано? И вы решили исполнить этот самоубийственный план этого эльфа... Ладно неотёсанный дварф и маг — недоучка, но ты то куда, дорогуша? Не отвечай, только хуже сделаешь. — Девушка откинулась на спинку стула, с интересом и мнимым укором разглядывая наёмника. — Главное, что ты жив и цел... По большей части. Что случилось дальше?

Пепельноволосый мечник молчал, смотря в одну точку своими горящими, оранжево — рубиновыми глазами. Мирана сидела, не нарушая тишину и терпеливо ждала, когда собеседник соберётся с мыслями. Наконец, прозвучал ответ. Ответ, который она не ожидала.

— Гм, а дальше была... Стрела.

— Стрела? — Подняв бровь, переспросила она. — Не понимаю...

Ламлис лежал, чувствуя горячее дыхание виртохвоста. Его глаза — щёлочки, казалось, самодовольно смотрели прямо в душу наёмника, пожирая её взглядом. Крики Фараэля и Тордрака, рык виртохвостов, грохот и шипение пламени — все окружающие звуки ушли на второй план, не достигая ушей охотника. Почему — то именно это момент длился до невыносимого долго, тянувшись для наёмника вечность. «Пекло, и ради этого... — наёмник начинал нервничать, оглядываясь по сторонам и ища помощи. Не найдя её не со стороны эльфа, не со стороны Тордрака, шумно выдохнул, прикрыл глаза. — Не думал, что умру так

скоро... Будь ты проклята, Шантил, о чём ты вообще думала?»

Своеобразный вакуумный пузырь, в котором находились охотник и монстр, неожиданно лопнул. Резкий свист стрелы, летящий в их сторону врезался в уши Ламлиса, заставив того непроизвольно съёжиться. Всё произошло очень быстро, настолько, что никто со стороны бы этого и не заметил — выпущенная кем — то стрела с противным звуком врезалась в глаз монстра, взорвавшись фонтаном крови и белка. Виртохвост заревел, забился, чуть не раздавив наёмника, и отскочил в сторону, бешено маша обрубок всё ещё кровоточащего хвоста. Ламлис моментально открыл глаза, вдохнув, быстро отскочил, сделав кувырок через спину и сразу же отпрыгнул в сторону, не отрывая глаз от монстра. Стоило ему опереться на сломанную ногу, как та тут же подвела — он попытался встать, но не смог, завалившись на одно колено. Резким движением смахнул пепельные волосы, замешкавшись. Проследил взглядом траекторию полёта стрелы. Нашёл ту, кого искал.

Пепельноволосая эльфийка стояла на самом краю ущелья и тяжело дышала, обеспокоенным взглядом смотря на Ламлиса. Мгновение, и она отошла, вскинув лук и положив стрелу на тетиву. Ещё одно мгновение и ещё один выстрел — стрела врезалась в землю, отпугнув одного из виртохвостов от Тордрака. Стоило наёмнику бросить взгляд на друга, а после повернуться вновь, как эльфийка уже исчезла, скрывшись за камнями. По ущелью пронёсся воинственный крик — вторая эльфийка, с копьём наперевес прыгнула сверху на одного из монстров, врезаясь ему в шею. Копьё не обломалось, выдержав вес девушки, и наконечник всё же проткнул чёрствую чешую твари. Увидев всё это, Тордрак попытался помочь, но тут же почувствовал, как Сиандэль, подскочив, бесцеремонно схватил его за плечо, а после оттолкнул в сторону, уводя от одного из виртохвостов. Под крики «Уйди с дороги, дварф!» Тордрак упал, прокатился, вспахивая землю, и, охая, врезался в ноги Фараэля, ошеломлённо осматриваясь по сторонам.

Над Ламлисом пронёсся некто — ещё один эльф, которого он не знал. Потом ещё один и ещё. В «бесхвостого» виртохвоста врезалось два копья, прижав его к земле, как однажды он прижимал наёмника. Гад заревел, вырвался, и, пытаясь отойти, встал на задние лапы, но вновь был прибит, теперь уже к стенке — один быстрый удар в открытую пасть, и виртохвост упал ничком. Смуглая эльфийка тем временем отпрыгнула от раненного в шею виртохвоста, сделала ещё один ловкий скачок, в полёте раскручивая над головой копьё и не глядя, ударом сбоку распоролла ногу ещё одной твари, стоящей рядом с ней и Сиандэлем. Тут уже подключился и сам Сиандэль, вонзив своё копьё в брюхо монстра. Тот заревел, как и собрат, широко раскрыл пасть и сбил одного из эльфов ударом хвоста. Парень, попытавшийся им помочь, упал, откатившись назад и застонал, держась за ключицу.

Виртохвост взмахнул когтистой лапой, разломав копьё Синадэля и зарычал, подавшись вперёд. Ещё одна стрела появилась буквально из воздуха, врезалась в морду твари, но так и не пробила чешую. Монстр отвернулся, закрыв глаза, и, прильнув к земле, развернулся, пытаясь сбить Синдаэля с ног. Тот ловко прыгнул, уйдя от атаки. Тварь, увидев это, ещё раз развернулась, и, в попытке сбежать, рванула в сторону, где была встречена растрёпанной, вспотевшей и очень, очень злой Тией. Копьё вонзилось в один из суставов, заставив монстра завывать, а следующий удар кинжалом прервал его мучения — лезвие вошло глубоко в голову через, легко проткнув глаз гада.

Поднялся ветер, с шумом захлопнув окно. Ламлис повернулся в сторону, рассматривая мрачное, затянутое плотными тучами небо. На земле, словно в зеркале, был такой — же

плотный туман, застилавший поверхность земли. Где — то на террасе дома волшебницы скреблась собака — наёмник отчётливо слышал, как псина точила ногти об тёмное дерево. Раздался скулёж и звук исчез. Ламлис повернулся обратно.

— Откуда у этих дикарей стальное оружие? Копья и кинжалы — вот это вот всё? — Волшебница, отпив с небольшой чашки ароматный кофе, всё же задала вопрос, на который Ламлис не знал ответа.

— Гм, понятия не имею. Наверное, забрали у попавшихся им авантюристов, — предположил наёмник, — копьё и кинжалы самый лучший выбор для них, учитывая, что фехтованию эльфов никто не учил.

— Пф, и вправду. Извини, продолжай, пожалуйста.

Поднялся ветер и ущелье вновь заполонил свист. Раздался свирепый рык виртохвоста, потом — продолжительное шипение. И, наконец, звук исчез. Оставшиеся два виртохвоста отступали, шипя и выгибая плоские, покрытые толстой чешуёй и шипами, спины. Им оставалось недолго — бежать было некуда. Каменные, потрескавшиеся и в некоторых местах осыпавшиеся стены ущелья тяжело давили на них, угрожающе нависая над головами. Эльфы загоняли их, словно в капкан, к самому краю, где монстров поджидали костлявые и цепкие руки смерти. Руки, чьи пальцы были острее любых когтей.

— Мои стрелы не пробивают их чешую, а при таком ветре выцеливать глаза бесполезно. — Рядом с Ламлисом, бесшумно и мягко, как очень ловкая кошка, приземлилась Ринн. — Ты как, не ранен?

Наёмник молча кивнул. Повернулся в её сторону, осмотрел. Одежда эльфийки была сильно растрёпана, а в некоторых местах и вовсе порвалась, обнажая бледную кожу. Но, на удивление, (точнее, не на удивление), по ней не было видно, чтобы она была сильно запыхавшейся — ни тяжёлого дыхания, ни выступающих капель пота.

— Что? — Девушка проследила за взглядом Ламлиса, и, чуть смутившись, пояснила. — А, это... За ветки зацепилась. Встать можешь?

— Гм, да. — Ламлис поднялся. Теперь он стоял намного уверенней. И всё равно неуверенно проговорил: — Нужно помочь остальным...

— Уверен?

Девушка посмотрела на охотников, которые загоняли последнего из живых виртохвоста. Пепельноволосый мечник, уже было собиравшийся достать меч, еле — слышно хмыкнул. Что — то в его взгляде изменилось, а после он со странной насмешкой сказал:

— И вправду.

Тордрак, хромая, двигался рядом с Ламлисом и Фараэлем. Несмотря на то, что двигался он очень медленно, никто из эльфов ничего ему не говорил. Отчасти потому, что они и сами очень сильно устали. Ламлис шёл вперёд, до того момента, когда, чуть пошатнувшись в сторону, не остановился, вызвав обеспокоенный взгляд Ринн, так и не сказавшей больше ни слова. Наёмник обернулся, осмотрелся и заметил, как Тиа быстро отвела взгляд, а после и вовсе отвернула голову в другую сторону.

— Гм, что с остальными виртохвостами? — Безразличным голосом поинтересовался охотник.

Фараэль, идущий впереди с Сиандэлем и ещё одним эльфом, (тем, у которого сломана ключица), ответил, стоя к нему спиной:

— С ними разберёмся позже, не беспокойся. От вас мы больше не смеем просить ни о чём.

Ламлис гнушно улыбнулся, возобновив движение.

— Грх, почему они вернулись? — Процедил Тордрак, продолжая ковылять и держаться за бок.

— Отстали от нас. К сожалению, — тут Синдаэль неприятно усмехнулся, — мы были слишком заняты, чтобы что — то с этим сделать. Ну, ты понимаешь.

Пепельноволосый мечник сплюнул.

— А потом они встретились с другой группой и вернулись к нам, так что всё обошлось. — Добавил Фараэль.

— А твоя магия... Что это? Ты при мне положил троих или даже четверых этих тварей. — Шумно проговорил дварф.

— И вправду. Ты чародей, Фараэль? Гм, хотя ты пользовался материальными компонентами. Кто же ты? И не говори мне про магию духов.

— Не знаю. — Нервно ответил эльф, почувствовав неприятно — холодные нотки в словах чужака. — С духами общается только наша староста, а компоненты... Мне так проще использовать заклинания, да и они выходят намного мощнее.

— Дай угадаю. Гуано летучих мышей и сера?

— ...Да. А ты очень... Внимательный, Ламлис. — Эльф ненадолго замер, боком посмотрев на наёмника. — Что с тобой?

— Серый?

Ноги охотника подкосились, несмотря на то, что кости уже должны были срастись. Голова слегка закружилась, а в глазах потемнело. Мгновение, и он пришёл в себя, пытаясь сконцентрировать взгляд на расплывающихся силуэтах, и, монотонно шагая, прошёл вперёд мимо подозрительно смотрящих эльфов. Тордрак не поспевал за ним, хромая и пытаясь привести друга в чувство.

— Серый!

— Ламлис? — Неуверенно проговорила Тиа, проследив взглядом за прошедшим мимо наёмником.

Свет моргнул. В глазах потемнело с новой силой. Мечник остановился, растерянно обернулся, и, как ни в чём не бывало, спросил:

— Что такое? Гм, я просто... немного задумался.

— ...Етить твою, не пугай так! — Облегчённо проговорил дварф.

Тиа и Фараэль ничего не сказали, только Ринн очень тихо выдохнула.

День близился к концу. Небо отдавало оттенками розового и фиолетового, крася землю в тёплые, живые тона. Яркое солнце, горящим кольцом опускаясь за кроны высоких деревьев, освещало путь охотников до самых «стен» поселения. Сказать, что их ждали, всё равно что ничего не сказать. Десятки эльфов охотников, такие — же грязные, измученные и раненные, а также десятки женщин и детей, вышедших встретить героев. По крайней мере, так думал Тордрак. А как только увидел жестокую реальность, раздосадовано выкрикнул:

— И что? И это всё!?

Ведь встретили их... Нет, не бурными овациями и салютами, как ожидал дварф. Вместо того, чтобы благодарно окружить группу отважных охотников, молодые эльфийки бегали, перевязывали раненных и всячески заботились о тех, кто не мог позаботиться о себе,

проносясь мимо путников, толком не обращая на них внимания. Фараэль хмыкнул, услышав дварфа, и, поправив грязные, спутанные волосы, двинулся в сторону одного из шатров.

— Гм, куда он пошёл? — Без особого интереса задал вопрос Ламлис.

— Помнишь мальчишку, которого мы обсуждали? У него ещё рука... — Спросила Тиа, и, увидев утвердительный кивок наёмника, пояснила: — Это его брат, так что, вероятно, к нему.

— А я думал он сразу — же к своей госпоже побежит, ха! Ой — ёй...

— Тордрак, иди присядь. — Очень холодно посоветовал мечник. — Тебе нужно постараться отдохнуть.

Ламлис отошёл, проигнорировав вопросительный взгляд друга, и, потеряв лоб, проговорил: — Пока есть время...

— Что такое? Что с тобой?

— ...Да так, голова слегка... кружиться.

— И что ты собрался делать? — Не унимался дварф.

— Меня ждёт... Серьёзный разговор. Этой ночью мы покинем это место. Нам нужно успеть к порталу, нельзя тянуть время. Гм, прошу, не спрашивай.

— ...Хорошо. Если что —нибудь понадобится — зови. — Дварф кивнул и оставил друга, растерянно уйдя в сторону, за Тией и Ринн, не зная, куда деться.

Пепельноволосый наёмник был измотан. Он не понимал, что происходит, но явно чувствовал, что ему не хорошо. Руки были почти ватными, каждый шаг ноги подкашивались, а голова кружилась. Лёгкая тряска и слабость во всём теле нервировали его, но нервировало ещё больше то, что он не знал, что с этим делать. Где — то сзади послышался радостный, детский крик. Судя по всему, Фараэль встретился со своим братом. Спереди пронеслась пачка эльфов, неся в руках бочки с водой. Звук трескающего пламени костров, появляющихся то там, то там, заполнил поляну, в значительной степени осветив её.

«Я хочу побыстрее вернуться в город. Слишком много всего произошло за эти дни. — Думал Ламлис, вдыхая прохладный, вечерний воздух. — Да, мне здесь не нравится. Всё равно ничего путного узнать уже не получится.»

Именно с такими мыслями наёмник отправился к шатру Шантил, не оглядываясь и ни на что не обращая внимания. Как и раньше, из покоев старосты веяло приятным теплом, несмотря на то, что внутри никаких источников тепла и не было. Охотник остановился перед входом.

— Заходи, Ламлис, — послышался тихий голос Шантил, — не стой у входа.

Пепельноволосый мечник мягко вошёл внутрь, не издавая ни звука. Шантил стояла к нему спиной, рассматривая небольшой, витающий в пространстве огонёк. На ней было всё то же белое платье, какое он видел утром.

— Вы вернулись очень рано, — проговорила она, поправив закрученные, чёрные волосы, — как всё прошло?

— ...

— Ты молчишь? Говори, зачем пришёл, я не умею читать мысли.

— ...А мне казалось наоборот.

— Ясно. То, зачем вы явились сюда ещё утром, стоит у входа. Этого должно хватить? — Всё также, стоя к мечнику спиной, спросила она.

— Не знаю. — Холодно ответил Ламлис.

— Тогда придётся узнать. — Слегка улыбнулась эльфийка, и, не оборачиваясь,

спросила: — Ты всё ещё тут, наёмник?

— Какое лицемерие...

— Что ты сказал? — Шантил обернулась, придерживая платье, и осветила мечника яркой улыбкой. Глаза блеснули ядовито — зелёным. — Лицемерие?

— «Вы должны будете бросить их, если что — то будет угрожать вашим жизням. У меня нет желания жертвовать своими братьями ради незнакомцев.» — Так ты сказала?

— Тебя что — то смущает, Ламлис? — Всё также улыбаясь одними губами, спросила эльфийка. — Разве это не логично, пожертвовать чужаками ради своей семьи? Не будь наивен, чужак, не будь ребёнком. Ты уже давно вырос, чтобы так думать. Мы были готовы дать тебе то, о чём вы просили, будьте добры заплатить. Не понимаю причин твоего негодования.

— Всё твоё поведение, мне противно...

— Не расстраивай меня, Ламлис. Я всё ещё не понимаю. — Улыбка сошла с её лица. — Что ты хочешь? Моё поведение? Поведение утром? Моя доброжелательность? Я всего лишь не хотела вас спугнуть. — Её голос стал жёстче. — Проглоти свою гордость, Ламлис, ты бесишься просто ни с чего. А я начинаю догадываться о причинах такого твоего отношения к нам...

— Не к вам. К тебе, Шантил.

— Не важно. Ты испытал шок ТАМ, и чувствуешь обиду из — за моих слов. Ты не чувствовал, и даже сейчас, не чувствуешь себя в безопасности. Ты нёс в себе все эти сомнения целый день, а теперь, вечером, когда ты измотан, все твои чувства выходят наружу, проявляясь агрессией.

— Во мне нет никакой агрессии.

— Это ты так думаешь. Знаешь, Ламлис, а не винишь ли ты себя? Точнее, не должен ли? Мечник удивлённо поднял голову.

— Этот вопрос в твоих ярких, рубиновых глазах. Таких же ярких, как у Ринн. И от этого меня просто дрожь берёт. Что же ты со мной делаешь? — Нервно проговорила эльфийка. — Не чувствуешь ли ты вину, за то, что подслушивал? Так будь добр, сейчас прислушайся к себе, и пойми, что все твои мысли, чувства и ожидания только на твоей совести. Так что?

— ...Ничего. Гм, ты права, я ужасно читаю чужие эмоции и не могу понять чужие мысли, не говоря уже о своих. И до этого момента я об этом даже не задумывался.

— И какой же вывод ты делаешь?

— Очень простой. Теперь мне кристально ясно, что я чувствую.

Теперь уже эльфийка вопросительно подняла голову.

— Прости меня, Шантил, но от этого места меня просто тошнит. Не бери на свой счёт, ты полностью права во всём, что сейчас сказала. Но разве я могу пойти против своих мыслей, чувств и ожиданий?

— Не можешь, — эльфийка вновь улыбнулась. Но теперь по — другому — по доброму, как она улыбалась утром. — Потому что такова природа человека, эльфа или любого другого существа. Никто не способен побороть самого себя.

Пепельноволосого мечника передёрнуло. Он не мог понять, притворная ли это улыбка, или искренняя, и это непонимание сводило его с ума.

— Вижу твоё замешательство. Нет, эта улыбка искренна. — Шантил звонко, но тихо, рассмеялась.

Наёмник промолчал, не сводя с неё глаз, а после развернулся, направившись к выходу. В

шатре, где всегда было тепло и уютно, ему резко стало душно. Мягкий голос старосты за спиной заставил его остановиться у самого выхода.

— Ламлис, прошу, выполни всего одну просьбу. Без какой — либо платы. Не расстраивай Ринн.

— ...Тогда и ты выполни всего одну просьбу. Без какой — либо платы. Всё — же ответь на вопрос. Ты можешь читать мысли?

Шантил наклонила голову, задорно улыбнувшись одними только кончиками губ. Настолько невинно, насколько это было возможно.

— Кто знает? — Тихо ответила она.

— Ясно...

— Не держи на меня обиды, Ламлис. Много я не могу рассказать, многого ты не способен понять, и многое придёт к тебе позже.

В шатёр проник холодный ветер. Охотник скрылся ещё во время первых слов старосты, молча выйдя наружу. На холодную, ещё тёмную поляну, находящуюся в таком неприветливом лесу. Вышел на свободу, покинув неуютную, замкнутую и полную лжи и обид обитель эльфийки.

«Не держи зла на меня, только не за мои обиды на тебя, Ламлис. Я не имею права злиться, но я не способна принять это, побороть саму себя, такова моя природа. — Эльфийка грустно улыбнулась, уйдя в свои мысли и наблюдая за небольшим просветом, через который можно было видеть жестокую реальность. Реальность, которое им принесёт их будущее. — Прошу, не держи зла. Я знаю, ты не виноват, Ламлис. Никто не способен бороться с судьбой, и ты не исключение. Но я не в силах принять это и перестать тебя ненавидеть с того самого момента, как ты, чужак, появился здесь. Какое лицемерие...»

Ветер выл за окном, то ли от злобы, то ли от отчаяния. А может, и от горечи осознания того, что не может проникнуть в комнату, забрав тепло, источаемое горящим очагом, внутри которого задорно танцевали языки пламени. Не может пролететь над головой, затушив все свечи и обронить, тем самым разбив, лампы. С шелестом сдуть важные бумаги со стола, разнести их по комнате, по углам, по полу и к потолку, к горячей люстре. Не способен врезаться в кожу, пробравшись самых костей и забрав тепло сердец. Не способен выбить слёзы из глаз, заставив плакать находящихся внутри, там, в комнате, вне его досягаемости. Знал бы ветер, что никто из них не способен плакать, завыл бы от отчаяния и горечи ещё сильнее.

— Почему ты замолк, солнышко?

— ...Гм, да так, думаю о своих словах. Правильно ли я тогда всё сделал?

— Прошу тебя, только не вини себя. Эта чёртова эльфийка лишь жалкий манипулятор и эгоист. Ну что с тобой? — Обеспокоенно спросила волшебница, наклонившись к Ламлису и взяв его холодную руку. — Ты как?

— Всё со мной нормально. Просто, мне... плохо, наверное?

— О чём ты? Хотя да, ты выглядишь бледнее, чем обычно. Ты спал?

— Нет, почти сразу после мы с Тордраком ушли. Потом шли до самого василькового дола, где и переночевали. Спасибо, что ты всё — же открыла портал, а то я, гм, не знаю, чтобы мы делали. И, Мирана, я думал, мы уже выяснили, что мне не надо спать.

— Пекло, дорогуша, ты знаешь. Я бы открывала этот портал каждый день на протяжении недели. Ну, может, ещё дня три! — Задорно улыбнулась она. — Это ты так думаешь, сейчас всё могло поменяться. Ну, ладно, если ты говоришь, что не нужно, так уж и

быть, поверю. Говоришь, помимо тебя и Тордрака, с тобой ходили ещё две эльфийки, один эльф и такой же эльф, только... маг?

— Да, но к чему ты уточняешь? — С подозрением спросил наёмник.

— Так, интересно. Говоришь, он читал заклинания без гримуара, но использовал компоненты?

— Угу...

— Не УГУкай мне. — Мирана замолчала, откинувшись назад и убрав одну единственную прядь белых волос. А после неожиданно засмеялась, чем сильно озадачила собеседника. — Ха — ха, ха — ха, дилетант! Хотела бы я посмотреть этому дикарю в его эльфийские глаза. Ха — ха — ха!

— Что смешного? — Смутился наёмник.

— Жалкое подобие магии. Его силы настолько ничтожны, что ему нужны материальные компоненты. Какой же из него жалкий чародей! — Под конец этого представления, она, казалось, успокоилась и шумно выдохнула. — Небось, даже, дальше третьего круга не продвинулся, ха. Давно я так не смеялась.

— Почему тебя это так смешит? Гм, и откуда у тебя вечно такая неприязнь к чародеям?

Волшебница замолкла, но эмоции сдержала, и, не подавая вида, холодно объяснила, делая большие паузы между словами.

— Потому что чародеи лишь гнусное подобие настоящих магов. Да, у них есть внутренняя сила, но по своей жалкой сути они похожи на бочку с горючим веществом. Сосуд, который в любой момент может вспыхнуть.

— Я не совсем понимаю...

— Мы, волшебники, меняем само мироздание, дёргая за тонкие ниточки реальности. Мы учились этому десятилетиями, кропотливо накапливая знания. Они же — природный дефект, мутанты, способные, нет, не использовать и менять по своему усмотрению природу, а гнусно питаться за её счёт, чтобы позже уродливо извергнуть всю накопленную энергию, направив её на разрушение.

— Гм, хорошо, я, кажется, понял.

— Ну и ладненько! — Оживлённо сказала волшебница, так, будто ничего и не было. — А вообще, я удивлена, что виртохвостов стало НАСТОЛЬКО много. Я-то, думала, что не сильно вмещаюсь. Да уж, друиды бы меня совсем не поняли.

Нависло неловкое, (для кого — то, кто наблюдал бы со стороны), молчание.

— ...О чём ты? — Удивлённо спросил Ламлис, почувствовав, как его ноги слегка дрожат. — Вмещаешься?

— А, ты про это? Да, я же упоминала, что изредка хожу туда за травами. Вот я как — то и подумала, что слишком уж накладно каждый раз использовать мазь против василисков. Ну я и решила слегка увеличить популяцию виртохвостов...

— Тордрак, вставай. Мы уходим.

— Что, прямо сейчас? — Дварф поднял голову, с удивлением посмотрев на друга. — Что случилось? Портал же...

— Тордрак... — Ламлис стоял, нависая над дварфом, выжидающе смотря на него. — ... Пожалуйста.

— Эх, ладно, — Тордрак захрипел, поднимаясь с ещё не прогретой костром земли, болезненно хватаясь за рёбра. — Я ж за тобой хоть на край света. Ты эт, взял хоть...

Наёмник молча показал небольшой глиняный сосуд, в котором плескалась так дорого им доставшаяся жидкость. Увидев это и удовлетворительно кивнув, дварф окончательно поднялся, и, аккуратно потянувшись, шумно зевнул. Тут же пожалел об этом и вновь схватился за бок, сплюнул, потряс головой и окинул поселение странным взглядом. Наёмник же уже успел развернуться и направиться в сторону тёмного леса.

— Там это, а с ними мы прощаться не будем?

Слова Тордрака заставили Ламлиса остановиться, удивлённо обернувшись. Он открыл рот, уже собираясь что — то возразить, как вдруг раздался знакомый голос с возмущёнными нотками напряжения.

— Вы куда это?

Через мгновение, мягко ступая, из тьмы вышла Тиа, уперев руки в бок. Ещё через одно мгновение на свет костра вышла Ринн, странно осмотревшись.

— Гм, мы уходим. Здесь у нас больше нет дел. — Холодно произнёс охотник, сверив девушку взглядом.

Эльфийка нервно дёрнулась под этим взглядом, нахмурилась, сведя брови и ещё сильнее вдавила руки в торс, выпятив скромную грудь. Её лицо, освещаемое бледным светом поднявшейся луны, выражало явное недовольство.

— Ты себя видел? Грязный, изодранный и вонючий. Ещё и на ночь глядя уходить собрался. И плевать что или кто ты там такое, сдохнешь же по пути, сам знаешь. Куда ты вообще собрался?

Ламлис осмотрелся. Пошитый кожей жилет был распорот на груди, нескольких пуговиц не хватало. Серая кофта стала тёмно — коричневой, а рукава были изодраны в клочья. Штаны также были далеко не в лучшем состоянии — разорванные на бедре от когтей виртохвоста, залитые уже запёкшейся кровью и с протёртыми коленями они смотрелись очень...не очень. Но не сказать, чтобы охотнику было не всё равно.

— Ламлис, почему сейчас? — Подала голос Ринн. — Неужели это настолько срочно, что вы не можете переночевать здесь? Всего одну ночь...

— Да, Серый, почему? — Поддакнул дварф, но тут же замолк, напоровшись на взгляд пепельноволосого наёмника.

— Нам нужно вернуться как можно скорее, у нас нет времени, — нагло, но не полностью, врал мечник, — мы и так почувствовали в этом цирке слишком долго.

От этих слов дварф опешил, удивлённо посмотрев на друга, а Тиа нахмурилась ещё сильнее, чувствуя явно оскорбительный смысл этих слов. Несмотря на то, что Ламлис произнёс это абсолютно спокойно.

— ...Что такое цирк? — Шёпотом поинтересовалась пепельноволосая эльфийка у своей подруги.

— Понятия не имею, но это придурок явно чем — то недоволен.

Ламлис хмыкнул.

— В пекло это, мы уходим. Тордрак, двигай, нам ещё успеть добраться нужно.

— Что с тобой, псих!?! — Выкрикнула Тиа. — Да как тебя вообще понимать? Знаешь, ты прав, в пекло, скатертью дорожка!

Эльфийка что — то кричала, привлекая внимание зевак, но, поняв, что чужак на неё не реагирует, сильно топнула ногой. Развернулась, и, проклиная этих двоих, направилась в противоположную сторону. Пепельноволосая эльфийка стояла, не зная, куда податься и нервно смотря то в сторону наёмников, то в сторону удаляющейся девушки. Она до

последнего надеялась, что охотник остановится и обернётся, посмотрит на них и, хотя бы молча помашет рукой. Но Ламлис так и не обернулся.

Лунный свет с трудом пробивался через густые кроны могучих деревьев, освещая тонкую, трудноразличимую тропинку, огороженную множеством небольших растеньиц, что позже сменилась на лесную полосу, заросшую крепкими корнями и многочисленными кустарниками. Здесь не было такого множества цветов и растений, не было и светлячков, как в окружении поляны. Единственная примета, по которой ориентировался наёмник среди полной темноты и одинаковых стволов дубов — небольшая, приглушённо — журчащая речка, вдоль которой они двигались уже около часа. Наконец, они вошли в одну из «безопасных зон», о чём свидетельствовало полностью сменившееся окружение и настроение леса.

Светлячки летали, цветными огоньками рассекая мрак ночи вокруг путников. В полной тишине их шаги раздавались множественными хрустами, шелестом и шорканьем опавших листьев, что закрывали под собой множество растений, испускающих тусклый, голубовато — зелёный свет. Облака закрыли яркий месяц, но вокруг было всё ещё достаточно светло. Настолько, чтобы путники не останавливались.

Сопровождаемые шумом ночного леса, они двигались вперёд, не оборачиваясь, стараясь не наступать куда не надо и не говоря ни слова. До поры до времени.

— Серый, прости, но я так не могу. Мы друзья? — Растерянно спросил дварф.

— ...К чему ты клонишь? Гм, хотя, я догадываюсь. — Из темноты раздался тихий голос мечника. — Конечно.

— Прости уж, но обещанье я нарушу, не обессудь. Почему мы свалили оттуда? Да мы даже не знаем, куда идти!

Тордрак заметно запыхался в попытке догнать друга, поэтому говорил, делая небольшие паузы. Ламлис заметил это, поэтому замедлился, поравнявшись с другом.

— Почему, говоришь? Нам там больше нечего делать... — Наёмник резко замолк, дёрнув головой. Где — то поблизости хрустнула ветка. Когда на них вновь опустилась тишина, он продолжил: — Мы забрали то, что нам было нужно. Не лучше ли будет уйти не задерживаясь? Учитывая, что ещё неизвестно, откроется ли завтра портал. Логично?

— За идиота меня держишь? — Раздражённо просипел дварф. — Нет, конечно, мыслишь ты верно. Но так вот, сейчас дам тебе по шее, чтобы мозги вправить, а то включает он логику тут. Говори, как есть, не юли. Я тебя как облупленного вижу.

— Что говорить? — Продолжая идти вперёд, рассуждал мечник, старательно игнорируя негодование друга. — Гм, хорошо. Тебе видно там понравилось, раз ты так переживаешь...

— О чём ты?

— Я слышал разговор Шантил и Фараэля, и в их голосах не было особой радости. Думаю, если бы мы положили головы в том ущелье, они были бы только рады. Да что там, они готовы были нас бросить, чего таить.

— На кой им это надобно?

— Понятия не имею. Именно это меня и раздражает.

— Но... Они не бросили же... — После слов Тордрака, Ламлис резко остановился, обернулся и злобно зыркнул на дварфа. Тот не смутился. — А ты всё равно злишься! На что? Да забей ты на эту эльфку, о боги! Первый раз с этими остроухими что — ль общаешься?

— Гм, я не злюсь.

— Да кому ты чешешь? Вижу же, как бесишься. — Тордрак заметил, как его напарник замялся. — Ладно, тебя понимаю, но, пекло, чего ж мы с ними то обратно не вернулись то? Ты путь то знаешь, а?

— Гм, я...

— Я знаю путь. — Из — за кустов раздался тихий голос. — И могу вас провести... Привет, Ламлис.

Ламлис обернулся, удивлённо уставившись на вышедшую к ним эльфийку. Пепельные, тусклые волосы блестели серебром при луне, а короткий серый плащ, укрывающий девушку, маскировал её среди шуршащих листьев. В ночи её глаза светились яркими изумрудами, создавая завораживающую картину таинственности.

— Ну так что? — Ринн, до этого скрывавшаяся за тенью кустов, на мгновение замялась под их взглядами.

Дварф шумно сплюнул.

— Тьфу ты! Напугала, етить его. Чего за нами следовала?

— Разве не ты, Тордрак, хотел, чтобы они с нами пошли? — Холодно прокомментировал охотник.

— Так яж ради безопасности... — Попытался оправдаться дварф, но наёмник проигнорировал его.

Напряжение, витающее в воздухе, только нарастало.

— И всё же Тордрак правильно сказал. Зачем шла за нами?

— Вы потеряетесь. Никто, кроме нас, не способен ориентироваться в этих местах. И никто не способен выжить. Вам просто повезло, что сейчас вы смогли зайти так далеко. Но это край. — Тихо объяснила девушка.

— Почему ты вышла только сейчас? — Сдержанно спросил наёмник, а после без издёвки добавил: — Всё ещё питали надежду, что нас убьют по пути. Сколько вас здесь?

— Не глупи, Ламлис. Понятия не имею, о чём ты говоришь, — так же сдержанно ответила эльфийка. — И шла за вами я одна.

— Правда?

— Правда, — её глаза обеспокоенно сверкнули. — Если бы с вами что — то случилось, я бы вмешалась. Но при всём при этом, я не могла рисковать выходить в открытую. Слишком опасно было бы стоять вот так, особенно не в безопасной зоне.

— Серый, это имеет смысл. — Шепнул дварф. — Пущай с нами идёт.

— Я не смогу, простите...

— Гм, я так и знал.

— Но я могу передать вам кое — что, что укажет вам путь.

Ламлис с Тордраком вопросительно подняли головы. Ринн же, не смутившись, быстро расстегнула блеснувшую серебром застёжку и скинула с себя плащ. Протянула его наёмнику.

— Прошу, надень.

— Гм, что ты имеешь в виду, говоря, что что — то укажет нам путь? — Озадачено, но намного мягче спросил пепельноволосый мечник. — О чём ты?

— Прошу, просто надень. — Голос эльфийки еле слышно дрогнул, но виду она не подала. — Давай.

Дварф с интересом наблюдал за этим действием, не отрывая взгляда от плаща. Охотник забрал его из тонких и бледных рук девушки, и, взмахнув короткими полами плаща, накинул его на плечи. Он был довольно тяжёлый, но совсем не стеснял движения, отчего в нём

каждый чувствовал себя защищённым. Ламлис не стал исключением, аккуратно потрогав прочную ткань. Молча застегнул застёжку в виде девятиконечной звезды.

— Гм, спасибо... И что теперь?

Эльфийка промолчала, мягко придвинувшись к наёмнику, повторив его движения. Мельком осмотрев его уже почти затянувшиеся раны, привстала на носки, чуть поддав голову вперёд. Коснулась тусклой, металлической звезды и тихо выдохнула на неё. Что — то прошептала.

— *Ś'ka ae Seža'en ał.* Ты это сказала? — Тихо прошептал наёмник. — Что это значит?

Ринн отстранилась от него, и, взглянув в рубиновые глаза, кивнула. Не ответила, отошла ещё дальше. Ламлис пошевелился, почувствовав напряжение в груди и то, как звезда размером чуть больше монеты вырывается вперёд, на север. Вырывалась не сильно, но так, чтобы это можно было почувствовать даже через грубый плащ.

— Гм, что это?

— Теперь эта застёжка притягивается к месту силы. Ненадолго, магия будет действовать только до утра, так что поспешите.

— У каждого из вас есть такая? Ну, застёжка? Или это магия? — Изумлённо спросил дварф. — Это по ним вы ориентируетесь в этой глуши?

— Не у каждого, — обеспокоенно проговорила девушка. — Да это магия, но это заклинание можно наложить только на этот металл. И да, с помощью них. Прошу, поспешите.

— Но разве она тогда не указывает в сторону ваших домов? Гм, и что важнее, разве этот плащ тебе не нужен?

— У меня было полно времени, чтобы изучить этот лес вдоль и поперёк, — девушка слегка улыбнулась, — так что не волнуйся обо мне, Ламлис. И не волнуйся, он отведёт тебя в то место, откуда вы появились. Почему — то, но даже спустя время, там большое сосредоточение силы, и именно на него эта звезда и настроена. Можешь считать этот плащ подарком.

— ...Спасибо.

— Не за что. И чтобы сегодня не случилось, что бы сегодня не повлияло на твоё решение, прошу, не забывай обо мне. Я была рада встретиться тебя, хотя, возможно, по мне это было сложно сказать. Хотела бы я поговорить подольше, пораньше собраться с силами и многое принять для себя намного раньше, но... Идите.

Гумберг молчал, не находя нужных слов. Почему — то именно сейчас его голова отказывалась работать, подбирая хоть какие — то слова. И вновь лёгкое головокружение.

— Ну так, это... — неуверенно проговорил дварф, поглядывая на наёмника, — получается...Прощай?

Эльфийка сдержанно кивнула. Наконец, Гумберг смог собраться с мыслями и сказал:

— ...Я тоже. Спасибо, тебе, Ринн. И прощай.

Глава 8. Каменные сердца: «Там, где ветер»

— Что это значит?

— О чём ты, дорогуша? — Переспросила волшебница, проигнорировав наглый тон Гумберга. — Боги, да ты весь побледнел. Никак заболел?

— Не игнорируй меня! — Воскликнул наёмник. — Хватит! Пекло, что ты только что сказала?

— Ты что, кричишь на меня? — Искренне удивилась Мирана. — На что ты злишься? Если ты про виртохвостов, то я говорила, что не знала о этих эльфах и василисках. Ну, думала, пожрут они часть, и что? Кто же мог знать, что эти идиоты последних перебьют?

— Зачем... — Прошептал Гумберг, почувствовав, как кровь забурлила, потекла по телу. — Для чего это нужно было?

— Откуда я, по — твоему, беру все эти травы? Разумеется, мне захотелось уменьшить количество этих тварей. Для безопасности. Своей и чужих. Всем было бы только лучше. — Мирана сдула белую прядь, вновь проигнорировав дикий взгляд наёмника. — Простым алхимикам или путешественникам не пришлось бы больше беспокоиться о своих жизнях, тратиться на лекарства и мази. Василисков всё равно было достаточно. А вот количество варанов и живоглотов бы уменьшилось. Это малая жертва, учитывая, что все остались бы в плюсе, не понимаю причин твоего негодования.

— Ты и вправду не понимаешь... — тихо прошептал мечник, склонив закружившуюся голову. Он схватился за лоб. — Не понимаешь...

— Разумеется не понимаю. Потому что сейчас я слышу только нытьё, не более того. Может быть, если ты всё же попытаешься объяснить, я пойму. Скорее всего.

— Пекло, да тем, кто добирались до туда, было плевать на василисков! — Воскликнул мечник. — Неподготовленные даже не дошли бы до тех мест! Но из — за тебя эльфам пришлось ходить к самой границе, из — за тебя они убивали остальных, простых алхимиков и путешественников, о которых ты так «заботишься»!

— Ты и вправду думаешь, что в их смертях виновата я? — Голос женщины был пропитан холодом. — Ты и вправду думаешь, что это я виновата в том, что эльфы убивали этих самых людей?

Гумберга передёрнуло. Ветер вновь поднялся, заставив ставни окна громко хлопнуть.

— Нет. Я думаю, что ты заботишься только о себе.

— И ты винишь меня? Меня в этом? Мальчик мой, все так живут, и ты не исключение. Хочешь сказать, что на мне лежит вина за то, что эти эльфы — кровожадные дикари, убивающие всех, кого попало? Я виновата?

В голосе Мираны не было и крупицы сомнения в своей правоте. И Гумберг знал это, знал, что никто не виноват. Такими были обстоятельства.

— Н-нет, не ты конечно... — Согласился он. Но своим не бьющимся сердцем принять этого не мог. — И всё равно, это ничего не меняет, ведь всё началось именно с тебя!

— Не кричи на меня. Ты хоть сам себя слышишь? Неужели ты, за эти долгие, долгие три года ещё не свыкся с тем, что люди умирают всегда и везде? Какой же ты эгоист и лицемер, птенчик. Послушай себя со стороны, — Мирана постучала ногтями по столу, — разнылся тут, как маленький ребёнок, ещё и кричишь на меня. Ты и вправду злишься на меня? Точно на меня ли?

— Я не злюсь...

— Не лги мне. Я знаю тебя дольше всех, и вижу тебя насквозь.

— Я сказал, что не злюсь! — Прошипел Гумберг. — Не могу...

— Это ты так думаешь. Мы уже давно выяснили, что твоё состояние постепенно приходит в «норму». Если можно так сказать. — Мирана вздохнула, а после проговорила железным тоном: — Ты так и не ответил, что с твоим самочувствием.

— Тебя это волновать не должно.

— Понятно. Ты злишься ни на меня, ни на эльфов. Ведь головой ты всё понимаешь, что это лишь обстоятельства. Тебе плевать на сам факт предательства и того, что тебя использовали. — Голос Мираны стал намного теплее и спокойнее, но всё ещё был довольно жесток. — Слишком многое свалилось на тебя за столь короткое время. Ты измотан, не физически, но эмоционально. Можешь остаться здесь и отдохнуть.

— Я не останусь. Меня тут от всего тошнит. И голова кружится. — Гумберг не врал и даже не преувеличивал.

— Какой же у тебя, оказывается, скверный характер. — Неприятно улыбнулась женщина. — Ну и ну...

— Лучше, тем у тебя... — тихо, но так, чтобы женщина слышала, проговорил охотник, а после добавил: — Ведьма.

Один из стульев отлетел в сторону, врезавшись в стену и сломав ножку. Пламя свечей дёрнулось, а потолок, казалось, завибрировал, как и все предметы в комнате, нет, в квартире. Мирана подскочила, и, чуть не перевернув стол, ударила в него ладонями, вызвав громкий, глухой звук. Тёмное, покрытое лаком дерево затрещало.

— Ты смеешь мне грубить!? — Зашипела она. — Как ты меня назвал? А ну повтори!

— Ведьма! Злобная, надменная ведьма!

— Да как ты смеешь?! — Сам ветер, казалось, замер и затих, боясь спровоцировать гнев волшебницы на себя.

— А кто ты мне, мать что ли?

— А кто, пекло, ещё по — твоему? Кто тебя научил читать и писать? — Женщина не успокаивалась.

— Гм, велика заслуга... — Гумберг отвел взгляд.

— Да ты что? — Насмешливо прошипела она. — Ах, да ты даже не знал, как нормально ложку держать! Или как пить с чашки, а не с лужи! Как вести себя в обществе! Не знал, откуда дети берутся! Не знал...

— Гм, и всё равно ты мне не мать...

— Да? А когда ты прибежал ко мне, вновь и вновь вымораживая меня своими бесконечными вопросами, которым конца края видно не было? «А почему небо синее?» «А почему вот она на меня не похожа?», «А почему вода мокрая?», «А почему у меня иногда по утрам постель тоже мокрая?»

— Да я... ты...

Гумберг замялся ещё сильнее. Нет, не от смущения. От того, что не знал, что ответить волшебнице.

— Ну? — Женщина замолчала, продолжая давить на парня взглядом.

Тот всё ещё пытался что — то ответить, но никак не находил слов.

— Я поняла. Голова говоришь, кружится? И тошнит? Ну так вот, пошёл сейчас же в спальню! И не слова больше!

— Гм, мне не нужно спать...

— Сказала же, без слов! Не нужно? Это ты так думаешь, а мы уже выяснили, что думать у тебя выходит очень не очень. Не заставляй меня использовать заклинание...

— У тебя не выйдет, — гадко прошептал пепельноволосый мечник. — Мы уже проверяли.

— За эти полгода что — то могло и поменяться. Особенно, учитывая твоё нынешнее самочувствие. — Не менее гадко возразила волшебница. — Ну так что, рискнём?

— Гм, говорю же, не выйде...

Последним, что увидел и услышал Гумберг, прежде чем отключиться, была тусклая зелёная вспышка, сорвавшаяся с пальцев волшебницы и тихо сказанное ей заклинание. А также очень быстро приближающийся край стола и темнота, сопровождаемая глухим ударом.

Тянущуюся лучи поднявшегося солнца не без труда пробивались через окно, будто нарочно падая на Гумберга, мягкой пеленой покрывая всё его тело. Лучи пробивались, как потоки реки сквозь бережно построенную платину, сквозь непреодолимую каменную преграду, или случайно упавший после грозы ствол могучего дерева, и всё это специально, чтобы заставить его долго морщиться, прежде чем окончательно проснуться.

«Сколько я проспал? — то была первая мысль, что пришла бледному наёмнику в голову, когда тот открыл глаза. Впрочем, он тут же ответил на свой же вопрос. — Не важно... Уже утро, вот что действительно имеет значение.»

Гумберг аккуратно поднялся, нечаянно скинув одеяло с кровати. Хмыкнул, заметив перевязанную ногу. И тут же напрягся, поняв, что на нём совсем не было одежды. Не от смущения, а от того, что не помнил, как он раздевался. Вместо этого в самом углу до боли знакомой комнаты лежала белая рубаша и ненавистные ему шаровары. Ни плаща, ни привычного жилета с кофтой. И только меч стоял у тумбочки, упираясь в стену и играясь бликами света на антрацитовом клинке, чем сильно радовало наёмника.

Пепельноволосый наёмник опустил босые ноги на ледяной пол даже не поморщившись, и, встав, прошёлся до накинутой в кучу одежды. Когда он закончил одеваться, до этого запертая дверь отворилась. Гумберг мельком глянул в образовавшуюся щель, но за ней, ожидаемо, никого не было. Он вновь оглядел комнату.

Две небольшие тисовые тумбочки, лак и краска на которых в некоторых местах стёрлась, шкаф на трёх целых ножках, (четвёртая была обломлена, а потому он упирался на стопку книг по астрономии), такие же мрачные, тёмно — синие обои, украшенные вертикальными полосами с ромбовидными узорами. Ещё был закрытый стеллаж, внутри которого были десятки книг, но наёмник его давно не трогал — он перечитал абсолютно все книги в квартире. «Если, конечно, Мирана не притащила новых» — подумал он. Как раз книгами из этого самого стеллажа он и подпёр шкаф. Была, разумеется, аккуратная кровать, с которой Гумберг только что слез и ещё вещи по мелочи — непонятно для чего нужный кофейный столик, два стула и письменный стол, на котором уже собралось приличное количество пыли. «Странно, сколько я здесь не был, книги до этого постоянно менялись, но только не под шкафом. Неужели за эти полгода она так и не использовала заклинание «Починка»? Ей, наверное, лень даже уборщицу нанять, не то, чтобы с помощью магии от пыли избавиться, — охотник ухмыльнулся, — хотя я уверен, она до сих пор воду в ванне греет с помощью «Создания воды»».

— Гм, спасибо. Возможно, мне и вправду стоило выспаться. Стало намного лучше.

Верхняя винтовая лестница, ведущая вниз, делилась на несколько «пролётов», если это можно было так назвать. Дело в том, что, как и объяснял Гумберг, до этого эта часть дома делилась на несколько квартир, а именно — на две, одна из которых была двухэтажной с этой самой лестницей, ведущей вверх. И, чтобы постоянно не вилять туда — сюда, чтобы подняться с первого этажа на третий, было решено демонтировать её основание, продлив саму лестницу до первого этажа. Так и получилось, что теперь в квартире у Мираны было две лестницы — одна большая, ведущая с первого на второй этаж, которую называли «нижней», и вторая, поменьше, но проходящая через все три этажа квартиры — «верхняя», хотя было непонятно почему так, ведь по сути, после этого все две лестницы находятся на одном уровне.

— Это ты мне так доброго утра желаешь? Что — же, приятно. А ещё приятно осознавать, что я была права. Впрочем, как всегда. — Безразлично, но каким — то образом нагло ответила Мирана, а после добавила уже намного добрей: — Доброе утро, птенчик.

Птенчик же, ещё не успев спуститься, почувствовал запах скворчащей на сковороде яичницы. Если вдаваться в подробности, почувствовал он его ещё когда одевался в такие ему ненавистные шаровары, но именно сейчас, если можно так сказать, аромат завтрака раскрылся ему в полной мере. А ведь завтракал, точнее, ужинал он в последний раз у той ненормальной семейки в лесу. И опять его ожидания подтвердились:

Мирана сидела, проходясь гребешком по чёрным локонам, совсем не уделяя внимания белой пряди у лба, обходя её стороной и тем самым предавая ей некий небрежный вид. А тем временем, в нескольких метрах от неё, над плитой летало несколько чугунных сковородок. Яичница шипела, обдаваемая жаром огня, а бекон, жарившийся рядом, пузырился и жужжал в размерах, приобретая коричневатую окраску.

— Когда ты в последний раз готовила? — Гумберг отодвинул стул, мягко сев рядом.

— Ты лучше скажи, — женщина даже не повела взглядом, так и не удосужившись хоть раз посмотреть на него, — как твоё самочувствие, солнышко?

— Гм, прекрасное, — не соврал мечник. — Такое чувство, что камень с плеч свалился.

— ...Всем нам надо отдыхать, голубчик. Всем без исключения. — Мирана закончила расчёсываться и взмахнула гривой чёрных волос. — Что планируешь делать дальше? Я так полагаю, заходил ты ко мне только потому, что дружку твоему помощь понадобилась?

— Гм, нет, я бы навестил тебя в любом случае. Ты же знаешь.

— Знаю. А потому и издеваюсь над тобой. Ну — же, улыбнись. Ай, пекло, как хочешь. Накладывай мне завтрак, поговорим о твоих планах. — Мирана сладко зевнула. — А потом я пойду спать.

«Накладывай завтрак, поговорим» — как же часто эту фразу слышал Гумберг. У этой женщины, вечно трезвонящей о манерах и прочем, завтрак почему — то железно ассоциировался с беседой. Не чаепитие, не утреннее прихорашивание, а полноценный завтрак. Но, стоило тебе только открыть рот во время ужина, как в тебя с лёгкостью мог прилететь стул. Конечно, всё было не настолько страшно, но Гумберг всё равно напоминал себе об этом каждый раз, когда сидел с ней за одним столом.

— Прежде чем мы начнём обсуждать твоё дальнейшее будущее, скажи, птенчик, ты так и не выбрал себе имя?

— Неа, а нужно? — Положив два блюда на стол, ответил он. — А где тот стул?

— Твой выбор... М? — Подняла голову женщина. — А, ты про тот, у которого вчера

ножка отломилась? Я его выкинула. А что?

— А шкаф почему не выкинешь? — Гумберг уселся.

— Шутишь?

— Ага.

— Что будешь делать дальше? — Раздался вопрос волшебницы, когда наёмник уже заканчивал с беконом. — Прибьёшься к какому — нибудь каравану?

— Гм, нет, поеду сам. Один. Так и быстрее, и безопаснее. Другие будут только мешать, да и у меня и так денег впритык, не хочу позволять себе лишние траты.

— Я могу тебя телепортировать.

— Не настолько далеко. Да и я лучше сам. Гм, люблю, понимаешь, быть в дороге.

— Понимаю, — ответила волшебница, отпив кофе. — Раз денег впритык, одолжить?

На вопрос мечник недовольно буркнул:

— Гм, не стоит. Найду работу по пути.

— Почему не возьмёшь сейчас, в гильдии? — Склонила голову Мирана.

Она уже знала ответ.

— Потому что, — мечник поднял голову, посмотрев ей в глаза, — те, кому действительно нужна помощь, в эту самую гильдию зачастую обратиться не могут.

Холодные капли воды падали на мраморный, уложенный плиткой пол. Железная раковина медленно сливала воду, образуя небольшой водоворот в центре. Гумберг выдохнул, выпустив облако пара. В квартире Мираны по утрам было холодно всегда.

— Что ты сделала с моей одеждой? — Раздался спокойный голос наёмника, когда он закончил умываться.

— Прости уж, но ты вонял как пёс, поэтому я сняла её и постирала. Ты не знал, что надевать грязную одежду даже на чистое тело — не лучшая идея? Боги, птенчик, как так можно? — Мирана хмыкнула. — А что, стесняешься? Чего я там не видела по — твоему?

— Я не об этом, — Гумберг вышел из ванной, скинув рубаху на спинку стула. — Что с плащом? Я не нашёл его у входа, хотя отчётливо помню, что вешал его там.

— А, от него веяло заклинанием, вот я и решила проверить. Интересная там кстати застёжка, из диремита, что неожиданно.

— Неожиданно было увидеть шаровары в моей комнате. Гм, диремит? Хороший проводник магии? — Предположил наёмник, почесав слегка зудящее плечо. — До сих пор, говоришь, магией веяло?

— Да, в действительности хороший, пускай и не без огрехов, — пояснила женщина. — Веяло — не то слово. И, кстати, судя по всему, заклинание не спало бы ещё несколько часов. Конечно, если бы я не разрушила его, толку то, на таком — то расстоянии... Только облучаешься лишней раз.

Гумберг задумался: «Тогда почему же Ринн так настойчиво нас гнала?».

— Что за тёмные мысли посетили твою светлую голову, птенчик? Прекрасное же, — волшебница зевнула, — утро. А ты мрачный как туча.

— Гм, да так, ничего. Считаю, сколько по времени займёт путь до Армгмара.

— И сколько? — Женщина начала складывать посуду. Магией. — Тебе нужно проехать через Бор, свернуть у Бранха, а дальше по главной дороге ехать дня три. Это если без остановок, но у тебя лошадь скорее дух испустит. А, ещё через Зеленовку, это может,

сократишь даже...

— Месяц или полтора... — Прикнул Г Умберг. — Думаю, я вернусь к тебе через три месяца, но это только приблизительно.

— Ясно, — вздохнула Мирана.

— А помнишь наш первый год? — Неожиданно заговорила она, закрывая окна. — Ты из дому то не выходил первый месяц, а если и выходил, то даже города не покидал. Да что там, улицы. Просто растерянно ходил Э, пялясь на прохожих. Соседи думали, что ты блаженный. Мы тогда...

— Эксперименты ставили? — Вспомнил пепельноволосый охотник, относя свои пожитки в коридор. — Мне больше кажется, соседи думали, что больше блаженная — ты, с такими — то фокусами.

— Дуешься?

— Гм, нисколько.

— Ну вот и пошёл ты, — волшебница вздохнула. — И, кстати, мы благодаря этому узнали принцип твоей живучести. Вот только теперь непонятно, поменялось ли что — то. Как нога?

— Зажила.

— Прекрасно, — Мирана подождала, когда Гумберг вновь спуститься по лестнице. — Жутко, да?

— Смеёшься? — Буркнул наёмник.

— Разумеется, — волшебница вздохнула вновь, но теперь её лицо озарила странная улыбка. — Старые добрые. Хотела бы я сказать, что скучаю, но не могу лгать, ты меня знаешь. А сейчас твоя жизнь...

— Гм, а сейчас вся моя жизнь — один долгий и опасный путь. — Гумберг сошёл с лестницы, закончив таскать книги. — Знаю, говорила уже. И только на этой неделе меня чуть не убили несколько раз. А потому, хочу сказать вновь — спасибо. И прости меня. Всё, что у меня есть — всё это дала мне ты. Не думай, что я когда —нибудь об этом забуду.

— Пустое.

За окном, после столь страшной ночи, была абсолютная тишина и спокойствие.

— ...Гм, на кой тебе столько книг? — Наёмник окинул взглядом последнюю стопку, которую он только что кинул на письменный стол.

— Откуда такие фразочки, молодой человек? Впрочем, не важно. Хочу изучить теорию.

— Вновь?

Мирана отвлеклась от газеты, искоса посмотрев на Гумберга. Гумберг уже знал ответ.

— «Искусство волшебников — вечная учёба. Всё остальное вторично» — Они проговорили это в унисон, и женщина звонко рассмеялась.

— Запомнил? — С беззлой насмешкой спросила она.

— Гм, сложно было не запомнить... — Отмахнулся он.

— И то верно... Так привычно уже — сидеть по утрам, читать газету и общаться с тобой. — Женщина чуть прикрыла глаза. — Давно такого не было.

— Хочешь сказать, что скучаешь?

— Не смейся меня, — на этот раз отмахнулась уже Мирана, — не смейся и не издевайся.

Волшебница странным взглядом посмотрела в окно. Гумберг впервые видел её такой.

— Вчера поистерили, а сейчас вновь благодать. Один смех, да и только, правда?

Наёмник не ответил. Не знал, что ответить.

— Три месяца, говоришь?

— ...Ну, иди одевайся, солнышко. Солнышко с отвратительным характером. И, эй, — отсмеявшись, окликнула Гумберга Мирана, — я там «починкой» твои вещи залатала. Висят на вешалке в коридоре второго этажа. Плащ там — же кстати.

— ...Спасибо.

Раздался громкий звон монет, когда несколько увесистых мешков погрузились на спину лошади. Рядом, сбоку от большого бурого свёртка, повис небольшой сундучок с замком в виде головы филина. «Лучше уж откупиться, чем рисковать потерять абсолютно всё» — подумал наёмник, смотря в хищные глаза птицы. Гумберг редко следовал такому принципу, но сейчас был тот самый момент. Слишком уж большие деньги были на кону. Сверху, над сундуком, нашёл своё место и меч.

Лошадь недовольно фыркнула, поняв, насколько увесистую ношу ей придётся тащить на своём горбу. Наёмник потрепал её за гриву. Ворота стойла скрипнули.

— И это всё?

Бледный охотник обернулся, чуть прищурившись от яркого солнца. Лучи света освещали тёмный силуэт невысокой фигуры, и пусть лица его было не видно, даже так, Гумберг смог различить друга. Дварф выжидающе стоял, упёршись спиной на забор и скрестив руки на груди.

— Всё.

Низкорослый мужчина подошёл, почесав ногу о ногу в попытке отодрать кусок сена и помёта лошади, а после протянул широкую, шершавую руку. Горько улыбнулся.

— Спасибо тебе огромное, Серый. И от меня, и от брата. Чтобы не происходило, через что бы мы не прошли, заезжай как захочешь, ты же знаешь, мы всегда рады. — Дварф добродушно сощурил глаза. — Лаврушка пирогов напечёт, я бочонок открою. Всё как всегда, ты заезжай только, друг.

— Гм, знаю, друг. И я рад. И рад был повидаться.

— Я рад, — хихикнул дварф. — Держи. Это от брата.

Тордрак протянул небольшой мешочек, доверху наполненный деньгами.

— Откуда они?

— Брат сказал, что, узнав о наших «приключениях», тут же продал свою коллекционную трубу, доставшуюся ему от дяди Карла. Не смотри так, Карл сам говорил, что он может делать с ней всё, что захочет, а так она только и делала, что пылилась на полке. Бери, етить его, не волнуйся.

Гумберг задумался. Там, судя по всему, было достаточно монет, чтобы после оплаты услуг детектива в ему не пришлось заботиться о своём денежном положении. Но...

— ...Прости, Тордрак, я не могу их принять.

— Чего так? — Искренне удивился дварф.

— Наверное, потому что мы друзья.

Тордрак промолчал. Обнял друга. Несмотря на боль в рёбрах, обнял настолько крепко, насколько смог. Утёр проступившую слезу.

— Это что, дождь что ли начинается?

— Мы под крышей, Тордрак. И на небе не облачка. — Мягко улыбнулся наёмник.

— Говорю тебе, точно дождь, — убрав руки от лица, попытался убедить его дварф. — Ну, получается, прощай? Я очень хотел бы поехать с тобой, но ты сам знаешь...

— Знаю, — подтвердил пепельноволосый мечник, ловко запрыгнув в седло. — Будь с братом, Тордрак. И до встречи!

— ...Ещё свидимся. Слышишь, ещё свидимся, Серый! — Прокричал мужчина, помахав рукой удаляющемуся мечнику. — Ни пуха, ни пера!

— Слышу! И ты, по пути обратно, поглядывай в небо!

Дварф ещё какое — то время бежал за удаляющимся всадником, но, услышав его слова, остановился, растерянно посмотрев в небо. А после закричал вновь, хоть всадник уже не мог различить его слов. А Тордрак из клана Темнокамень всё стоял, стоял, смотря ему в след и проклиная начавший моросить дождь.

Пепельноволосый мечник поправил антрацитовый клинок и перешёл на галоп, вскинув короткий, серый плащ с девятиконечной звездой.

Глава 9. Убийство в «Двуглавом змее»: «Там, где игра начинается»

— И вновь обнаружение жизни почти ничего не видит, а наш гость уже целую минуту как тут. Время идёт, ничего не меняется. Эй, Томас, подойди и открой дверь. Хотя нет, с вопросом того, кто только что зашёл внутрь, скорее всего без бутылочки хорошего вина не разобраться, так что иди в погреб. А, в пекло, тащи сразу бурбон и два, нет, один стакан. Да, гранёный. И поживее. Пекло, мне тут ещё бумаги от мистера Гриммера прятать.

Томас, услышавший приказ начальника, тут же положил большой деревянный ящик, в котором находились десятки стопок документов и побежал к небольшой дверце, находившейся прямо под винтовой лестницей. В последний момент остановился и растерянно сказал:

— Мистер Реймонд, сегодня вы выглядите намного хуже обычного. — Без задней мысли заметил Томас. — И вы разве не откроете ему дверь, раз он уже ждёт внутри.

— Что это ещё значит, малец? Да я тебя... Ах, в пекло. Открыть? Ещё чего? Тем более что он сам выжидает минуту или две. Он знает, что мне нужно прятать кое — какие бумаги от посторонних глаз, вот и ждёт, пока я закончу.

Начальник Томаса, худощавый и крайне высокий мужчина в потрёпанной, выцветшей сорочке криво ухмыльнулся и закинул пачку бумаг в выдвижной ящик стола. Потом подобрал печать и с силой вдавил её в лист, да так, что стол начал трещать по швам.

— Пекло, Томас, чего так долго?

— Простите, мистер Реймонд. Держите.

Стоило Томасу поставить бутылку, наполовину заполненную янтарной жидкостью на стол, как раздался тихий стук в дверь. И вновь он не успел обратить внимания на начальника, а именно на то, как он отпирает замок двери. Томас ясно знал, что это никакая не магия, хоть и весь архив просвечивался ей — обнаружением жизни и катализатором невидимости. Были ещё заклинания, но даже Томас, работающий здесь больше полугода, не знал обо всех. Он много чего не знал ни о мистере Реймонде, ни о его загадочном госте. Знал только, что у этого самого гостя очень «Утомительная, трудная, но, пекло, очень интересная просьба», как выражался его начальник. А ещё он очень близкий человек его давней подруги.

И вот, мистер Реймонд прокашлялся, убрал руки из — под стола и принял естественное положение. Потайной механизм, а это был именно он, действовал с задержкой. Разумеется, для того, чтобы начальник Томаса всегда успевал достаточно подготовиться для прихода гостей и принять наиболее приемлемый вид.

Замок и ручка с шелком провернулась. В комнату зашёл тот самый загадочный гость.

— Пришёл всё же... Ну, здравствуй.

Голос мистера Реймонда малозаметно поменялся, став более размеренным и тихим. Томас удивился этому, ведь редко слышал, чтобы его начальник так спокойно разговаривал хоть с кем — то, а потому с подозрением повернулся в его сторону. Мужчина отложил уже наполненный стакан и медленно встал, вышел из — за стола и упёрся руками на спинку скрипящего стула.

— Давно ждёшь?

— Гм, нет. — Незнакомец говорил медленно и размерено, словно он сильно устал. — Я

заметил сферы ещё у входа, так что вам ли не знать, как давно я тут.

— Правда — правда, — мистер Реймонд похлопал спинку стула и прошёлся вперёд, протянув свою худую, волосатую руку гостю. — Уверен, у тебя много историй припасено для старика, но давай вкратце.

— Смеётесь? — Гость, одетый в простецкий кожаный жилет с серую кофту, пожал руку и перевёл свой взгляд в сторону Томаса.

Помощник тут же вздрогнул, увидев яркие, оранжево — рубиновые глаза и смутился.

— Ни в коем случае, — как — то неуверенно заверил гостя мистер Реймонд.

— Гм, у меня нет на это сил, мистер Реймонд. Я принёс нужную сумму, мы можем начинать?

— Куда такая спешка? — Притворно удивился начальник Томаса. — Давай ты присядешь, мы поговорим. Уверен, мы найдём пару тем, которые можно обсудить.

«Не детектив, а проныра, — думал Томас, — как всегда пытается выведать информацию на продажу. А потом ещё и жалуется. Но что это? Такое чувство, что он тянет время как можно дольше...»

— Гм, так, встретил парочку... Неприятных людей, — делая большие паузы, проговорил незнакомец со странно бледной кожей. — Ничего особенного. Этот парень, впервые его вижу. Ваш родственник?

— Ни в коем случае, — заверил гостя Реймонд. — Работает здесь уже около полугода. Парень смышлёный, понимает, что к чему. Я прав, Томас? То — то же. А где твой меч, Ястреб?

— Оставил в гостинице. У вас, оказывается, нельзя ходить с оружием в открытую.

— Сильно потратился? — Почесав усы, без особой иронии поинтересовался мужчина.

— Гм, моих вам хватит, мистер Реймонд. Сказал же, всё принёс.

Гость с пепельными волосами отошёл от мужчины, и повернулся в сторону тёмно — зелёной стены, на которой сильно выделялся висящий на ней меч.

— Дамасская сталь, сделан дварфами. Видишь, как слабо выделяются узоры? Всё потому что в нём больше тысячи слоёв. Действительно похож на твой, скажи?

— Нет, — холодно ответил гость. — Мой наверняка крепче. И цвет другой — намного светлее, а этот слишком серый, почти чёрный. А ещё у моего нет гарды, а у этого...

— Я понял, понял, — прервал его рассуждения Реймонд, а после добавил шёпотом: — Как дитё малое. Ты же не за этим пришёл?

Теперь от прежней показушной вежливости не осталось и следа. У Томаса было стойкое ощущение, что его начальник побаивался, точнее, остерегался гостя, не зная, что тот может выкинуть. Но Томаса удивляло совсем не это, а то, что этот с виду молодой, но странно выглядящий парень, что ведёт себя как наивный ребёнок, тот самый Серый Ястреб.

Пепельные, тусклые волосы, болезненно бледная, почти серая кожа и яркие как солнце глаза — всё в его описании совпадало с известным наёмником. Возможно, здесь, в этом городе как наёмник и охотник на нечисть он не был известен в широких кругах, но раньше, года два назад, о нём ходили некоторые слухи. «Убил волколака в одиночку, вы представьте! Порубил десятерых эльфов, и даже глазом не моргнул! Ему ногу оторвало, а он её обратно приставил и пошёл, как ни в чём не бывало!» — примерно это можно было услышать в дни, когда Ястреб объявлялся в городе. Но теперь Томас понимал, что всё это не более чем домыслы и слухи.

«Ну явно он не сможет справиться с волколаком в одиночку, — смеялся про себя

Томас, — вечно слухи всё перевирают. Но что он делает у этого старика?»

— Томас, пекло, я за что плачу тебе?! — Неожиданно громкий вопрос мистера Реймонда заставил Томаса испуганно дёрнуться, уронив свою синюю кепку на пол. — Мальчишка, ты меня слышишь вообще? Я сказал тебе открыть тринадцатую ячейку в шестом ряду, а ты стоишь тут как истукан. Пекло...

Мужчина, хромя на левую ногу, отошёл в сторону, пропуская резко подхватившего головной убор и побежавшего выполнять поручение Томаса. Смотри, как детектив растерянно трёт лоб, гость без улыбки спросил:

— Гм, смышлёный мальчишка, да?

— Тцс. — Детектив быстро осушил стакан. — У меня у самого уже голова давно не варит, скоро, чувствую, мозг через ноздри вытекать начнёт. Вся эта бумажная волокита просто убивает. Я им в архиве работаю, по их мнению? Не могу уже.

— Вы сегодня довольно бледны, мистер Реймонд? Я присяду?

— Конечно.

Гость сел на аккуратный диван, изредка поглядывая на копошащегося в бумагах юношу. Наконец, парень нашёл нужные документы, но решил уточнить:

— Номер шестьдесят семь?

— Шестьдесят шесть... Ты говорил, что встретил пару... как там?

— Гм, ничего особенного, Реймонд. Чокнутую семейку в лесу, да с эльфами распри. Лучше, гм, скажите, как у вас?

— Ты про твоё дело или в принципе? Думаю, мы сможем найти общий язык за кружечкой бурбона, а обсудить всё можем и потом... Если у тебя конечно есть время. Я прав, наверное, так и поступим, да?

— Ошибаетесь, мистер Реймонд. Гм, и прошу, не юлите, — проговорил гость. — Честно говоря, я так устал, что сейчас прилёт бы прямо здесь. А, впрочем, неважно. Я сказал, что у меня нет сил, а не времени. Хотя, его тоже довольно мало, поэтому, прошу, давайте уже начнём.

Незнакомец не врал, когда говорил, что устал. Почти три месяца без нормального сна на холоде сильно сказались на его самочувствии, ослабив организм и позволив ему вновь испытывать тот маленький спектр эмоции, что был ему доступен.

— Пекло, хорошо... Эй, ты чего уши развесил? А ну сюда иди! — Прикрикнул на заслушавшегося Томаса детектив. — И бумаги мне!

— Держите, мистер Реймонд, — Томас протянул какие — то пожелтевшие листы начальнику.

— Можешь идти, Томас, на сегодня ты свободен. — Взяв у помощника бумаги, и чуть переменявшись в лице, произнёс мужчина.

— ...Хорошо, мистер Реймонд, — спокойно ответил Томас, — я пойду.

Не прошло и минуты, как юноша собрал свои вещи и накинул на себя кожаную куртку. Встал, поправил синюю кепку и в последний раз зыркнул на гостя. Дверь за ним плавно захлопнулась.

— Думаю, ты понимаешь, как сложно мне было найти эту информацию, ха — ха. — Как — то нервно и без улыбки посмеялся мистер Реймонд, перелистывая старые страницы.

— Понимаю, — кивнул наёмник. — Прошу вас, начинайте.

— Сорок девятый год... Поместье в Бруте покупает некое семейство Виндривер, во главе которой — Маркус Виндривер, сорока четырёх лет от роду, вместе с тридцатью

двухлетней женой — Бэйлой Виндривер. — Бойко начал тараторить мужчина, с каждым словом всё больше и больше меняясь в лице. — Прошное этих двоих неизвестно, единственное — оба не принадлежали к каким — либо знатным родам, и тем ни менее... Держали в хозяйстве слуг и довольно большую территорию. В пятьдесят первом году у них родились двое — мальчик и девочка. Мед. карты не нашёл, но судя по всему, детей у них не получалось завести довольно продолжительное время. Так это, о чём я...

Гумберг с серьёзным лицом внимательно слушал каждое слово, сказанное мистером Реймондом, не обращая внимания на его ненужные комментарии. Сейчас, именно в этот момент, он узнавал то, за чем гонялся целых три года. Чтобы найти нужного человека он потратил немало времени. Немало времени он потратил и на ожидание, когда этот самый человек сделает своё дело. И вот, этот момент настал.

— Пятьдесят первый год, двойня — девочка Мария и мальчик Вигур. Семья Виндривер открывает собственное дело — винодельня. Тут особенно важная точка — я изучил всё что смог накопать на эту самую винодельню, и доходы с расходами сильно не сходились. То, что стоило уловную тысячу, они покупали в восемь раз дороже, а то, что стоит пять сотен, продавали за десяток, — Реймонд вздохнул, после протёр вспотевшее лицо руками, — и из этого можно сделать лишь один вывод — они получали деньги откуда — то ещё и так скажем, переводили их в надёжные руки. К сожалению, большинство документов не сохранилось, а оттого ничего по этому поводу я узнать не смог...

Детектив перелистнул страницу.

— Шестьдесят пятый год. Вигур погибает на войне с Эргмейцами у Нижних Клыкков и в тот же год Мария рождает двоих от некого Мартина Меленгора, умершего от тифа за четыре месяца до родов. Эта двойня — два брата — Мартин, названный в честь отца и Борх. Спустя год после рождения умирает Бэйла Виндривер, а ещё через два — Маркус. Остаются только Мария с детьми, которую приютил у себя некий друг семьи — Влад Малькавар. Что интересно, — Реймонд сделал паузу, — ничего про него я так и не нашёл, но теорий выдвигать не стану, ты уж извини.

Бледно — жёлтые стены давили на наёмника, отчего его бесила каждая мелочь вокруг — начиная от покачивания лампы под потолком, заканчивая шелестом бумаг. В глазах рябило и крошилось, то ли от недостатка сна, то ли от волнения. Да, в последнее время Гумберг стал намного нервнее. Три месяца дороги сказались на его самочувствии, но он убеждал себя, что стоит ему только поспать, как всё пройдёт. Но сейчас его мысли были далеки от сна.

Детектив продолжил:

— Поместье пустовало, пока не перешло Борху, ставшему рыцарем при графине Аире Д'антстар в восемьдесят втором году, на которой он женился три года спустя. И в том же году пропадает его брат Мартин, поступивший на службу при том же дворе.

— ...И? — Неуверенно протягивает пепельноволосый наёмник.

— Семья Виндривер начала поиски в Аль'таре, где происходили военные действия, затронувшие корону, а, следовательно, и там, где был Мартин. И также... — Реймонд положил перед Гумбергом потрёпанный лист с выцветшем текстом — предложил полное описание внешности его брата, из примечательного в котором — упоминание родинок в виде созвездия «ковша» на левой руке. Я уже делал твои замеры, и все характеристики сходятся, от роста до расы.

Сердце наёмника сделало удар. Не такой, как до этого — сильно отличающийся от всех

редких, предыдущих ударов. Гумберг даже не посмотрел на свою левую руку — было просто незачем, ведь никаких родинок там не было. На теле охотника не было ни единой родинки.

— Мартин, брат Борха Д'антстар, так и не был найден в плоть до настоящего времени. Описание внешности полностью совпадает с твоим. Если уж ты за полгода ничуть не изменился, то наверняка и за прошедшее с того момента время тоже. Вдобавок, место, где пропал Мартин... Ты же очнулся в тех же краях с амнезией?

— Гм, да...

Наёмник опустил голову и со всей силой сжал кулак. Неаккуратные ногти тут же впились в кожу, но боли он не почувствовал. Через секунду ему стало легче.

«Неужели всё было зря?» — начал впадать в подобие отчаяния мечник.

— И всё же, этого недостаточно, чтобы утверждать! — Голос мужчины прозвучал как гром среди ясного неба, достигнув ушей Гумберга. — Я лично видел и до сих пор ясно вижу, что этой самой «отличительной» приметой ты не обладаешь, Ястреб. Поэтому нам осталось сделать последний шаг.

— Гм, что? — Шёпотом спросил Гумберг.

— Если мы достанем образец крови любого твоего родственника, я даю гарантию, что любой магик сможет выяснить всю правду. Только вот... Ты человек...

— Что? — Удивлённо спросил охотник. — Что это вообще значит? Прошу, не тяните, и скажите мне, где мне найти Марию Виндривер? Или хотя — бы этого Борха?

— Сожалею, — Реймонд вдохнул, словно собираясь с мыслями, — но она умерла в восемьдесят седьмом году. Да и...

— Мистер Реймонд?

— Пекло! — мужчина взорвался, с силой сжав край стола. — Я так больше не могу...

— Гм, что? Что не можете?

— Прошу, послушай нечто крайне важное. Я не решался сказать это до самого конца, но всё же... Я всё ещё не верю в это, и надеялся, нет, надеюсь переубедить тебя тоже. — Реймонд вновь вздохнул, не решаясь сказать нечто важное.

— Прошу вас, не тяните.

Наконец, после паузы, детектив выдохнул.

— Ты человек. Что бы мне не говорила Мирана, я уверен, ты на сто процентов человек, а именно поэтому этого просто не может быть. Я не верю, и ты не верь, но это всё, что мне удалось достать. То, что я нашёл, это всё, до 565 года включительно, и последним родственником Мартина является Вэйт Д'антстар — прапраправнучка Борха Д'антстар'а, родившаяся двенадцать лет назад. То есть — его племянница в пятом поколении. Прошло около сотни лет, пойми! Борх Д'антстар уже давно не с нами, и это точно.

Наёмник промолчал, не зная, что ответить. Ни его лицо, ни глаза не переменились. Не дёрнулся ни единый лицевой мускул. Даже темп дыхания — всё осталось ровно таким же, каким было минуту назад.

— Пекло, я никогда с таким не сталкивался... Неужели это алкоголь в голову ударил? — Реймонд начал говорить сам с собой. — Я полностью уверен в подлинности этих архивов. Но сотня лет... Мне жаль, но ты никак не можешь быть Мартином Виндривером. Возможно, ты думаешь, что всё было зря...

— Нет, это не так, — Гумберг говорил тихо, тупя взгляд в пол. — Вы проделали отличную работу и полностью, гм, оправдали мои ожидания.

— Ты понимаешь? Сотня лет! И я не нашёл больше ничего за эти долгие полгода.

— Гм, и всё же, — пепельноволосый мечник встал, стряхнул со штанов налетевшую с бумаг пыль, — Мирана свела нас с вами, и я очень рад этому. Да и Мирана человек, а возрастом, уверен, около сотни лет. Разве я так не могу?

— Я не знаю... не уверен...

Наёмник почти не лгал, когда говорил это. Почти. Несмотря на его вид, внутри его разрывали противоречия, отчего он долго подбирал слова. Но как бы долго он не подбирал слова, это никак не помешало ему, без всякой задней мысли, быстро и незаметно положить на стол детектива чек с заранее оговорённой суммой.

— Гм, уверен, её надежды вы тоже оправдали полностью. Спасибо вам за всё, мистер Реймонд. Вы действительно профессионал, раз смогли найти это по таким обрывкам. И раз вы не смогли найти ничего большего, наверное, этого больше и не существует в принципе. Спасибо вам.

«Сотня лет, неужели я действительно прожил столько? И пускай, за всё время я почти не изменился внешне — даже волосы почти не росли, я всё равно не могу в это поверить. Сколько же мне тогда вообще? Нет, нельзя думать в таком ключе. Возможно, кто — то, кто знал меня, вообще никак не относится ни к Борху, ни к любому другому человеку, о которых мне рассказал Реймонд. Возможно, этот кто — то сейчас ходит со мной по одной земле, и может быть, даже ищет меня, и всё это одна большая ошибка...»

Гумберг лежал на диване у входа, прикрыв глаза рукой. Ему не хотелось спать, не хотелось есть. Да, это то самое, привычное ему состояние. Но чувствовалось оно по другому. Сейчас же, вместо привычной безэмоциональности, он впал в глубокую рефлексю, пытаясь собраться с мыслями. Диван противно заскрипел, когда Гумберг повернулся в сторону стены.

«Но у меня нет ни одной родинки. Может ли такое быть у человека вообще? Возможно, все они исчезли из — за чьего — то вмешательства. Почему я сейчас не могу думать хоть о чём — то другом. Это неведение убивает меня...»

На секунду в его голове всплыл образ. Он пролетел как птица, оставляя за собой яркий, звёздный свет. Видение было холодным и жарким одновременно, пустым и полным, о всём и ни о чём одновременно. Запах крови, бесчувствие и тяжесть. Голоса неизвестных и знакомая речь, но нельзя было разобрать слов.

— Мартин, ты меня слышишь? Всё, что от тебя требуется — дать знак. Пошевели рукой, согни палец, или хотя бы просто посмотри в мою сторону! — Голос был смутно знаком, словно из каких — то обрывочных, старых воспоминаний. И он явно выражал обеспокоенность, повторяя одну и ту же просьбу раз за разом: — Нет, Мартин, слышишь — не засыпай. Мартин, открой глаза. Открой глаза.

— Открой глаза. Слышишь? Просыпайся.

Голос сменился. Теперь он тёк не откуда — то из глубин, достигая подсознания, а снаружи, и был вполне себе чётким, и, как показалось, то же выражал беспокойство. Потом был свет, вновь, но яркий и тёплый — как пламя. Гумберг открыл глаза. Прямо над ним, держа лампу в руке, стоял Реймонд, легко тряся его за плечо. Увидев, что наёмник очнулся, выражение лица сменилось, вновь став по стариковски чёрствым.

— Пекло, проснулся — таки. Ты ночевать здесь собрался что ли? — Реймонд говорил с

видимым раздражением, но глаза выдавали его беспокойство.

— Я что, уснул?

Гумберг поднялся и сел на диван, протирая лицо. Обрывки сна убегали от него прочь, а его безуспешные попытки выхватить и уберечь хотя бы миг заканчивались лишь быстропроходящей мигренью.

— Да, — кивнул Реймонд, опуская лампу. — Провалился тут на пол дня. Я сначала думал не будить тебя, но вспомнил, что почти все твои вещи остались в гостинице. Так что давай, поднимайся, и...

— Мистер Реймонд, — вновь перебил его Гумберг, — я хочу вас о кое — чём попросить.

— Что?

Наёмник встал, чувствуя, как затекли его ноги, но не обратил на это внимание. Освещаемый светом лампы, его глаза светились ярко — красным.

— Гм, возможно, сотня лет и не срок вовсе.

— Что ты имеешь в виду? — Реймонд прищурился, пытаясь уловить смысл слов собеседника.

— ...Вы можете устроить мне встречу с кем — то из родственников Борха?

Детектив стоял за столом, вновь перебирая какие — то бумаги. Он вернулся совсем недавно, отчего с его куртки изредка падали капли, оставляя на листах мокрый след. Детектив стоял, освещаемый светом всего одной — единственно лампы, стоял в кругу света вместе с ожидающим его наёмником, до тех пор, пока мужчина не выпрямился и с радостью, (или даже неким восторгом), сказал:

— Пекло, да, нам очень повезло, Ястреб!

— В каком смысле?

— В таком, что недавно, буквально на этой неделе, нет, день или два назад, семья Д'антстар послала кого — то в Бруту. Скорее всего из — за такой непогоды в пути они задержаться в какой — нибудь из гостиниц.

— В Бруту? Это место, где Мартин...

— Да. Я не знаю кого именно они послали, это может быть и прислуга, или вообще кто — то из родственников, но это в любом случае зацепка.

— У меня точно достаточно времени?

— Пекло, да! Ты просто обязан попытаться, Ястреб! — Глаза детектива пылали, ясно выражая то, как он скучал по таким запутанным историям. — Хотя... Я понимаю, на улице начались морозы и дождь...

— Гм, это не проблема, мистер Реймонд.

— Тогда возьми от меня это, — мужчина достал из внутреннего кармана всё ещё мокрой куртки непонятный конверт с изумрудной печатью, — покажи это хозяевам гостиниц и они, уверен, с превеликим удовольствием найдут тебе комнату и ответят на все твои вопросы.

— ...Благодарю, — неуверенно протянув руку к конверту, сказал Гумберг. — И вы смогли достать этот конверт и узнать всё это менее чем за пол часа?

— Конверт — пустяки. За последнее время — это лучшее дело, за которое я брался. И поверь, если бы не моя хромота, я бы с удовольствием присоединился к тебе. Пекло, да я и сам уже хочу узнать, что и как.

Мужчина явно не врал, чем воодушевлял бледного наёмника. Но было ещё рано радоваться, ведь неизвестно чем могло обернуться это приключение. А Реймонд тем временем не унимался:

— Ты сможешь их догнать, я в тебя верю. И уверен, вместе мы во всём разберёмся, можешь не сомневаться, а потому, уже при следующей нашей встрече, независимо от результатов, я смогу найти нужных людей и подготовить почву. Будь уверен.

Серый плащ бесшумно лёг на плечи пепельноволосого мечника, укрывая его от холодных капель, а антрацитовый клинок, висящий на поясе, вторя горящим, рубиново — оранжевым глазам Гумберга, блеснул при свете фонаря. Гумберг шёл, не обращая внимания на грязь и лужи под ногами, как не обращал внимания и на встречный ветер, ведь наконец, за долгое время, он снова ясно видел свой путь. И только шум непогоды заглушал голос вышедшего проводить его мужчины, что, опираясь на перила, кричал ему вслед:

— Лети, Ястреб, лети!

— Тонкие пальцы хрустят намного звонче и приятней, особенно, если эти самые пальцы — женские. Я уже не говорю про сладкие крики боли, от которых по моему телу расплывается приятное тепло. Этот взгляд, полный отчаяния и ужаса заставляет моё сердце трепетать, а мольбы о пощаде так возбуждают, что моё желание мучить своих жертв чуть подольше всё растёт и растёт.

Женщина, намертво привязанная к стулу, вновь дёрнулась, когда у её уха хищно блеснул нож. Но попытка вырваться не увенчалась успехом и всего через секунду она почувствовала, как по её лицу стекает что — то тёплое. Осознание того, что этим чем — то была её собственная кровь пришло немногим позже, отчего жертва попыталась закричать.

— Увы и ах, да только времени у меня нет... Упс! Видишь, не нужно было дёргаться. И что мне с твоим ухом теперь делать? Вот это я растяпа... Ты это, кричи, кричи, может быть сознание не потеряешь даже. Уже перестала? Ну, наверное, кляп во рту всё же мешает. Ничего, у миледи ещё остались ногти. И кости. Сейчас, будет небольшой урок анатомии. Не против? Отлично, возражений не слышу.

Солёные слёзы сами потекли из глаз, застилая обзор, когда окровавленный инструмент оказался прямо перед её глазами.

— Это мой прекрасный молоточек. Видишь, какой он тоненький? Всё для того, чтобы дробить самые маленькие косточки прекрасной миледи. Ну, выбирай, правую, левую? Хорошо, давай левую. Итак, знаешь, сколько всего костей в руке? Ровно тридцать, именно столько я тебе и сломаю, дорогая. Начнём с пальцев.

Раздался хруст и заглушённый крик.

— Всего у человека пять пальцев, и на все пять пальцев приходится четырнадцать костей. Из которых целых у тебя уже тринадцать. И с каждой косточкой я буду подниматься всё выше... Тринадцать костей в пальцах, запомни. Выше идёт ладонь, и состоит она всего из пяти костей. Именно для неё мне и понадобится молоточек. Ох какой прекрасный хруст, а ведь мы ещё даже не добрались до запястья. На счёт него. Всего в нём восемь костей, и каждую ломать очень больно, ты уж поверь. Но что такое, насчитали ведь мы всего двадцать семь... Потому что есть ещё локтевая... А вот и она, ха — ха...

Раздался глухой удар, и рука женщины вывернулась под неестественным углом.

— Какой прекрасный звук, а ведь лучше этой только лучевая... Так вот, есть ещё

локтевая, лучевая и плечевая кость. Её ломать больше всего. Вот пекло, у нас осталось совсем немного времени, ты только глянь на часы! Хотя вред ли ты их увидишь в такой — тьме.

— А знаешь, как насчёт того, чтобы позабавиться? Возможно, если всё пройдет хорошо, ты даже уйдёшь отсюда целой. Ну, как идея? Я тут вообще — то даю тебе шанс выбраться отсюда, уверен, за эти долгие часы тебе тут порядком надоело. Кивни и я достану кляп, только прошу, не кричи.

Женщине больше ничего не оставалось, кроме как молча кивнуть, сдерживая слёзы и подчиняясь этому сладкому, гипнотизирующему голосу. Но даже так, монстр в человеческом облики, она уверена, ни за что не отпустит её. Но если всё же есть шанс, совсем маленький, но шанс...

— Отлично! Смотри только аккуратней, палец мне не откуси.

Мокрая тряпка упала у окровавленных ног жертвы. Возможно, даже если её мучитель и не врёт, у женщины не будет и шанса дойти до других людей — со стёртыми от жёстких веревок ногами и десятками иголок, загнанными под ногти она бы ни при каких обстоятельствах, не смогла бы выбраться из этой глуши. Церковь, а точнее, руины церкви, в подвале которых они находились — единственное строение на многие километры вокруг. Но если она хотя бы попытается...

— Слушай, правила игры такие: Я начинаю отсчёт от десяти до нуля. Всё, что от тебя требуется, это сказать стоп. Поняла? Давай попробуем.

Короткий кивок явно доставил её мучителю удовольствия, заставив жутко ухмыльнуться. Начался обратный отсчёт:

— Десять, девять, восемь, — человек с холодными щипцами делал большие паузы, не сводя глаз с жертвы, — семь, шесть... пять, четыре...

— С-стоп. — Женщина, заикаясь и глотая слёзы, всё же выдавила из себя одно — единственное слово.

Мгновением позже раздался дикий крик боли, а после звук глухого удара.

— Мне повторить? Не смей кричать. Не будешь и мне не придётся тебя больше бить. Ну же, очнись!

В глазах всё помутнело. Тёплый свет лампы, стоящей на столе в углу подвала, освещал неясный силуэт, нависающий над женщиной. Она больше не плакала, не кричала и не молила о спасении, не было вообще никаких звуков. А потому она слышала каждую каплю крови, разбивающуюся об каменный пол. Как, кап, кап — кровь капала ото всюду — с её лица и лба, с щипцов и ножа, воткнутого в спинку стула, (уж что — что, а достать до него она не могла ни коем образом). Также капала и с пальца, на котором зияла отвратительная рана — а ведь всего секунду назад там её не было.

— Думаю, ты уже поняла, что каждый раз, когда я заканчиваю считать, ты лишаешься ногтя... Но! Так же не интересно, когда для тебя нет никакой выгоды, а потому смотри.

Силуэт пригнулся, встав на корточки. Тёплая рука легла на щеку женщины и потрепала её светлые волосы.

— Прямо сейчас ты накопила четыре секунды. Четыре секунды на побег. У тебя осталось ещё четыре ногтя на руке — значит, целых сорок секунд. Всё зависит от тебя — может меньше, может больше. Как только ты покинешь здание — не бойся, двери открыты, — ровно столько секунд у тебя будет, чтобы сбежать и спрятаться. Ну что, готова

продолжать? Вижу, взгляд уже более ясный. Ну, тогда, продолжим. Десять, девять...

— Стоп.

Мучитель не сразу понял, что произошло. После же хищно улыбнулся и с силой дёрнул ещё один ноготь. Ровно с такой силой, с какой это было нужно — что — что, а в этом он был мастер. Женщина выпрямилась, заломила руки, но не закричала. Прикушенная губа покраснела и вздулась.

— О — хо — хо, хорошо. А ты смелее, чем кажешься. Или в тебе заиграла воля к жизни? В любом случае, десять...

— Стоп! — Женщина тут же выкрикнула это слово и с силой вновь прикусила губу. — Стоп...

— Эй, нет, так не пойдёт. Это должно быть неожиданностью для тебя, а не для меня...

Он не успел договорить — женщина закричала от боли так, что чуть не потеряла сознание. Ещё одного ногтя не стало.

— Вот, другое дело. Давай же, ещё два...

Это было адом. То, что она только что пережила, было настоящим адом. Боль, отчаяние, ужас — всё смешалось воедино, бурля в самом её нутре и не давая отключиться. Теперь же, она шла вперёд, с усилием переставляя ноги — бежать она не могла. Тот, кто сделал это с ней спокойно освободил её от верёвок и молча открыл дверь, выпустив на свободу. Но спасения нужно было ещё добиться — оставалось не больше двадцати секунд. А потому она шла, шла, вилля и не разбирая дороги, шла вперёд, не останавливаясь и не оборачиваясь. Было слишком страшно обернуться.

Поднялся ветер. С неба начали падать маленькие, блестящие снежинки. И эти кристаллики, стоило им только коснуться бледной кожи женщины, сразу таяли, становясь каплями и смешиваясь с тёплой кровью.

«Это чудовище осталось внутри, когда я выходила! — Так думала женщина, двигаясь по лесу и совсем не разбирая дороги. Она даже не знала, в какой стороне луна — всё, что сейчас перед ней было — лес, в котором она не хотела умирать. — Оно никак не могло видеть, в какую сторону я ушла, никак не могло! Не могло!»

— Какая воля к жизни... а ведь, думалось мне, она даже ходить не сможет. Ну ничего, далеко она не уйдёт...

Зазвенели стальные цепи. Несколько чёрных псов, покрытые страшными шрамами, громко залаяли, и лай этот разнёсся по всей округе. Псы бились, кусались, натягивали цепь в попытке вырваться, создавая ещё больше шума. Бешенные глаза метались по округе, шерсть стояла дыбом, а жёлтые клыки, покрытые их же кровью и слюной, делали всю картину ещё большее устрашающей и дикой.

— Тише, тише, подождите. У неё есть ещё время. Но не волнуйтесь, оно скоро кончится, и тогда вы сможете поиграть, — улыбаясь, и перебирая в руках ключи, заверил собак их хозяин.

— ...Кажется, всё. Ну, получайте удовольствие, а я пока посмотрю, что же это за место такое... «Двуглавый Змей», как интересно...

Стальной ключ провернулся в старом замке и почти десяток собак тут же сорвались с места, снося всё на своём пути. Хватило всего мгновения, что бы взять кровавый след — конец игры был лишь вопросом времени.

Глава 10. Убийство в «Двуглавом змее»: «Там, где ХОЛОД»

День первый

Всего мгновение назад эти белые поля казались самым определением спокойствия — белоснежные и блестящие, тянущиеся до самого горизонта, рассекаемые всего одной — единственной дорогой и редкими, покрытыми белизной деревьями, теперь превратились в настоящее поле битвы стихии и человеческой выносливости.

Дикий, воющий ветер вперемешку с большими хлопьями снега так и норовил снести чёрную как смоль карету, медленно едущую по заснеженной дороге — там, где бы не осмелился проехать ни один другой человек. Не в такую погоду уж точно.

— Сэр, я же говорил, что скоро начнётся пурга, — извозчик кричал, заглушаемый ветром, — надо было нам остановиться в прошлой гостинице.

— Ты сказал, что твои лошади способны выдержать любую бурю. — Пассажир сидел неподвижно, лишь растерянно смотря вдаль.

— Да, конечно! — Подтвердил извозчик, срывая прилипший снег с лица. — Я же о вас беспокоюсь.

— Гм, не беспокойся, — уверил его человек в одном только плаще, — едем дальше.

— ...Как скажете. Бррр!

В разгар метели часто кажется, что длиться она будет вечно. Напавший мороз подкрался незаметно, как хищник, но это играло наёмнику только на руку — не ожидавшие такой непогоды люди наверняка должны были быть ещё там, не рискуя отправиться куда — либо в такую непогоду, ведь неизвестно, сколько ещё она будет длиться.

— Сколько ещё до ближайшей гостиницы?

— Я не знаю! — Прокричал извозчик, разлепляя глаза. — В такую погоду не разглядеть! Но если я не ошибаюсь, ехать ещё часа два!

— Лошади выдержат? Гм, не хотелось бы брести пешком.

— Выдержат, не беспокойтесь! — Успокоил пассажира мужчина, а после добавил совсем тихо: — Тут за себя нужно беспокоиться...

Мечник пропустил это мимо ушей и продолжил наблюдать за еле различимой, но всё ещё тянущейся дорогой.

«Спасибо вам, мистер Реймонд, — думал мечник, — не думаю, что нашёл бы кого — то, кто согласился бы ехать в такую даль, зная о непогоде. А если бы и нашёлся, уверен, он содрал бы раз в десять больше денег, чем обычно.»

Пепельноволосый пассажир проверил конверт, спокойно лежащий в кармане. Стоило ему показать его извозчикам, как все вопросы отпали.

«Уверен, моя лошадь бы такое не пережила. Да, моя — уж точно не пережила бы, — подумал Гумберг. — Может, купить такую же, как у извозчика? Хотя, учитывая, чем они их кормят и поят, такая явно обойдётся дороже обычных. Мне пока и моей достаточно...»

Кучер не соврал. Примерно через два часа на горизонте, (из — за снега поначалу было почти нереально разглядеть), показалось одно единственное строение, одиноко стоящее посреди белой пустоши. Рядом, как оказалось чуть позже, было ещё одно здание — конюшня. Гумберг уже видел такие ранее, когда они проезжали через предыдущие гостиницы.

«Это третья по счёту. И, надеюсь, последняя» — надеялся про себя наёмник.

— Мы уже почти приехали, мистер...

— Гумберг. Сам вижу. Лучше смотри на дорогу...

— К-конечно! — Извозчик спохватился и тут же отвернулся от жуткого пассажира.

— Скажи, извозчик, — охотник неожиданно заговорил, чем заинтересовал водителя, — ты как представитель этой профессии...

— Да? — Всё ещё разлепляя глаза от снега, спросил мужчина.

— Гм, один мой друг примерно месяца четыре назад подвергся грабежу прямо среди дня, при чём недалеко от города. Крувэйла. Сказал, что налётчик в буквальном смысле налетел. Знаешь что — нибудь о летучей, чёрной твари?

Глаза пассажира недобро блеснули.

— П-понятия не имею, — заикаясь то ли от страха, то ли от холода, ответил извозчик.

— Понятно. — Мечник отвернулся в сторону, всем видом показав, что больше не заинтересован в разговоре.

— А почему вы только сейчас об этом спросили?

— ...Потому что, чувствую, это последняя гостиница, которую я посету. Останавливайся.

Вымощенное тёмным камнем здание на общем фоне смотрелось довольно жутко, угрожающе нависая над приезжим, и только свет огней в окнах комнат, зажжённых под вечер, делал картину более тёплой и не такой тревожной.

Четыре — ровно столько этажей насчитал Гумберг, стоило ему спрыгнуть на устеленную снегом землю. Ноги тут же провалились, а холодный снег заполз в обувь, тут же вымочив штаны.

У гостиницы не было забора и единственной мерой безопасности были лишь закрытые решёткой окна первых двух этажей. У чердака же, как определил верхнюю часть здания наёмник, окон не было вовсе. Или он просто не видел их с лицевой стороны. За то он видел целых пять карет, стоящих сбоку от здания, и каждая выглядела совсем не бедно. И каждая пустовала.

Гумберг прошёлся вперёд через дворик. Двориком, на самом деле, это было сложно назвать, но то, что это был именно он, выдавали несколько засыпанных скамьей по сторонам дороги, ведущей прямо к дверям здания. Лампы, висящие над этими самыми дверьми из тёмного дуба, не горели, но то, что внутри кто — то был, было ясно как день. Другое дело, услышат ли приезжих хозяева, в такую пургу.

Пепельноволосый мечник, уже с ног до головы покрытый снегом, (навес не спасал), аккуратно взял ледяную ручку двери и потянул на себя. Тяжёлая дверь поддалась и скрипя отварила. Где — то сзади мёрз извозчик, пытаюсь успокоить лошадей.

— Кто там? — откуда — то из тёмного коридора прозвучал звонкий голос. — Подождите, я сейчас подойду. А пока прошу, входите, не пускайте холод внутрь.

Гумберг так и сделал, оставив ошарашенного извозчика одного бороться с холодом на улице.

Внутри было тепло и пахло воском. Послышались звуки шагов, а после, в зияющем тьмой проёме засветился единственный огонёк — пламя свечи подсвечника, что находился в руках немолодого, гладковыбритого мужчины с длинными с каштановыми волосами.

— Эгкхм, я так полагаю, вы хотите переждать вьюгу у нас в гостинице? Что — же, у нас есть свободные комнаты. К сожалению, время ужина вы уже пропустили. И, если вам

интересно, почти все гости собрались в главном зале и прямо сейчас отдыхают, так что вам будет чем заняться. А пока, не хотите ли назваться и увести вашу лошадь? — Мужчина протараторил это так быстро, как только смог, не переставая услужливо улыбаться и то и дело поглядывать в сторону коридора, ведущего в тот самый зал. — Как я могу к вам обращаться?

— ...Гумберг.

— Что же, отлично, мистер Гумберг. Тогда пройдёте, я выдам вам ключ от комнаты и заведу вашу лошадь. Ах да, комната на ночь стоит 150 эллер.

— Гм, держите, — Гумберг потянул руку с конвертом прямо хозяину гостиницы, — мистер...

— ...Роберсон, — растерянно представился мужчина, ослабляя воротник рубашки и внимательно осматривая конверт с изумрудной печатью.

Дверь захлопнулась. Извозчик, что представился именем Джеффри, стоял, отряхавшись от снега и дрожа как платок на ветру. Большая лужа, образовавшаяся под ним и наёмником, залила ковёр, но мистер Роберсон на это никак не отреагировал, всё ещё молча крутя конверт в руках.

— Эта печать... Вы детектив? Неужели что — то случилось?

— Гм, пока нет, — протянул наёмник, — я, скорее, помощник. И мне бы хотелось увидеться с здешними гостями.

— Конечно, конечно, без проблем. Как я и говорил, все они сейчас в зале, разве что... кроме молодой госпожи Эллеаноры, бедная девочка страдает пневмонией, а потому находится в своей комнате вместе с прислугой, — уточнил мужчина, вернув конверт хозяину. — И, позвольте спросить, вы знаете мистера...

— ...Реймонда? — Догадался пепельноволосый мечник.

— Да, тогда всё, хорошо... — мистер Роберсон сказал это с таким выражением лица, словно он только что провёл очень хитрую проверку, — И прошу вас, прежде чем идти к ним, оставьте ваше оружие в коридоре.

Гумберг промолчал, а после, почти не слышно вздохнув, поставил меч у стены. Туда же кинул цепь и кинжал.

— Благодарю. Пройдёте. Или сначала вы хотели бы посмотреть комнату?

«Это последняя гостиница, я уточнил. Дальше идёт прямая дорога до Бруты, так что...»

— Нет, этим займёмся позже. А пока, если не против...

— Да, да, конечно. Идёмте.

Мужчина развернулся, аккуратно перехватив рукоять подсвечника, выполненную в виде двух закрученных змеиных хвоста и двинулся по коридору, освещая множество картин и зеркал, развешанных по стенам.

Чем ближе маленькая группа Гумберга приближалась к комнате, тем отчётливее отдавались чьи — то крики и причитания.

— Придушить бы эту девку... — Прошипел мистер Роберсон, но тут же осёкся и с опаской посмотрел на наёмника.

Наёмник сделал вид, что ничего не заметил.

Послышался треск камина. В небольшой, но уютной комнате собралось приличное количество человек. Пускай сидячих мест было достаточно, некоторые всё же предпочитали стоять или бродить в разные стороны, со скучающим видом осматриваясь. Наверное,

Гумберг прибыл сильно позже остальных, и даже так, его персона совсем не вызвало никакого интереса у остальных. Нет, точнее, его с извозчиком и хозяином гостиницы вообще не заметили.

— Боги, смотри что ты сделала, девка! Да откуда у тебя только руки растут!

Резкий женский выкрик напугал извозчика, да так, что тот вздрогнул и, зацепившись локтем, уронил небольшую вешалку, стоящую у входа. Раздался грохот, а после мёртвая тишина. Все посмотрела на новых гостей, не произнося ни слова. Хозяин гостиницы тут же попытался разрядить атмосферу:

— Ох, вы, наверное, уже устали от моей персоны?

— Ещё как. — Подтвердила одна из девушек, выразив явное недовольство.

На её красивом, но вычурном, жёлто — пурпурном платье выделялось большое красное пятно в районе груди. Сама она также покраснелась, отчего её кожа сильно контрастировала с очень светлыми волосами. Несложно было догадаться, что кричала именно она, и ещё легче было понять причину.

— Могу я узнать причину вашего недовольства, мисс Люси? — Не убирая всё ту же улыбку с лица, поинтересовался Роберсон.

— Эта поганая девка испортила моё второе платье! Я здесь уже третий день торчу, у меня больше не осталось одежды! Не одевать же мне другое платье повторно?!

— Кто тут ещё поганая девка? — В разговор вступила вторая девушка, скривив лицо. — Не та ли простая крестьянка, что ноет по каждому мелкому поводу?

— Что?! Ростаф, ты даже и не думаешь меня защищать?

«Отчего же её нужно защищать?» — ухмыльнулся про себя Гумберг. И, судя по усталому, резко поникшему выражению лица одного из немногочисленных мужчин, находившихся здесь, «помощник детектива» был не единственным, кто так подумал. Какого было удивление наёмника, когда этот же самый мужчина ответил:

— Ну, дорогая, я понимаю... Но тебе не кажется, что ты немного... перегибаешь?

Мужчина сидел на небольшом табурете, потирая лицо ладонями. Он сильно вспотел, отчего его чёрные волосы блестели на свету.

— Перегибаю? — Уже намного спокойней ответила девушка. — В пекло вас, я уйду!

— Мисс Люси, вы куда? — Любезно побеспокоился о ней мистер Роберсон, но тут же был послан куда подальше.

— Сгинь с пути, прохвост!

Тяжёлые шаги направились вверх по лестнице. Женщина, хорошо выглядевшая, но которая была явно старше остальных барышень, тихонько посмеялась, прикрывшись ладонью.

— Ну ты даёшь, Ромари. За два дня ты её действительно доконала.

— Мисс Ландер, прошу вас. Обойдёмся без комплиментов, — съехидничала в ответ девушка, взяв уже открытую бутылку вина со столика.

Мужчина вновь потёр лоб, проигнорировав их слова.

— Если бы только это дрянное колесо не сломалось... Мы бы были уже в Бруте, и не застряли бы в этой гостинице...

— А может бы замёрзли насмерть, Ростаф. — Мистер Роберсон прошёлся вперёд, потрепав мужчину за плечи. — И хорошая у меня гостиница, грех жаловаться. И, ах, простите за эту сцену, мистер Гумберг, многие здесь уже устали, так что надеюсь, вы поймёте. Видите ли, вся эта ситуация...

— Удручает, — ещё раз ухмыльнувшись, подсказала правильное слово замявшемуся Роберсону женщина в углу.

— Удручает, да, мисс Ландер.

— Простите, вы сказали, у вас сломалось колесо? — скромно спросил извозчик, аккуратно поднимая упавшую вешалку, — думаю, я мог бы его починить...

— Не в такую погоду, мистер Джеффри, вы только взгляните в окно! — Хлопнул в ладони хозяин гостиницы. — Ах да, дорогие гости. Хочу вас предупредить — к нам приехал детектив...

— Помощник детектива, — поправил его Гумберг.

— ...Помощник детектива, близкий человек детектива Реймонда, — исправился мистер Роберсон, — А потому попрошу вас вести менее...

— Удручающе, — вновь подсказала та самая мисс Ландер. — Ничего такой детективчик.

Гумберг посмотрел в сторону женщины. Та в свою очередь незаметно подмигнула.

Мужчина по имени Ростаф поднял глаза и посмотрел на новоявленного помощника детектива. Его лицо тут же переменялось, став сильно вытянутым и удивлённым, а глаза выражали странную смесь эмоций. Его рот уже было открылся, чтобы что — то сказать, как тут же раздался ещё один голос из коридора.

— Мистер Роберсон, там мисс Люси ушла к себе...

— Ничего, ничего, дорогая! — Выкрикнул в темноту хозяин гостиницы, а после пояснил: — Служанка. Если что — то понадобится, можете обращаться и к ней. А, Вероника, прошу, витерите там у входа лужу! Заранее спасибо!

Вероника, лицо которой Гумберг не видел, судя по звукам, ушла выполнять поручение, так и не показавшись.

— Я, наверное, тоже пойду, — Ромари, а так звали девушку с вином, ловко спрыгнула со спинки дивана, и так же ловко прошмыгнула к проходу, у которого стоял Гумберг.

Её довольные и слегка замутнённые глаза встретились с глазами наёмника. Хмыкнув, и подняв свой чуть вздёрнутый нос, она тут же протиснулась между ним и стенкой, уходя в коридор. Запахло десертным вином и лавандой. Вскоре девушка исчезла в темноте.

— Эм... Мистер Гумберг, наверное, нам стоило бы посмотреть комнату, — начал извозчик. — Уже довольно поздно.

— Гм, хорошо, иди...

— ...Джеффри, — напомнил своё имя мужчина.

— Мистер Роберсон, пожалуйста, проводите Джеффри в нашу комнату, а я, — глаза наёмника блеснули красным, — присоединюсь чуть позже.

Женщина в углу еле заметно ухмыльнулась.

Тёмные шторы, цвет которых было трудно различить, затрепетали — где — то в комнате гулял ветер, просочившийся через невидимые щели. Хозяин гостиницы, взяв подсвечник с двуглавым змеем, удалился вместе с извозчиком. Гумберг и мисс Ландер остались наедине в этой, теперь уже более просторной, комнате.

«Наверное, это и есть мисс Д'антстар, — делая вид, что рассматривает одну из книг, думал мечник. — Что же, тогда...»

— Гм, мисс...

— Ландер, зови меня просто по имени, — отпив неизвестно откуда взявшийся бокал,

опередила его женщина, — все эти мисс, да мисс, очень... удручают. Ты хотел что — то спросить?

Женщина слизала вино с губ, с интересом осматривая пепельноволосого помощника детектива. Потом прищурилась, сделав для себя неясные выводы, (надо признать, одежда наёмника порядком истрепалась), а после и вовсе отвернулась к окну.

— ...Ландер. Гм, позвольте узнать вашу фамилию. — Выждав секунду, проговорил Гумберг.

— Так сразу? Ну кто же так знакомиться. А, впрочем, неважно. Я Ландер Висхвист приятно познакомиться, Гумберг...

— Гумберг, просто Гумберг. — С серьёзным лицом ответил наёмник.

— Ха — ха, хорошо, Гумберг, — женщина посмеялась, наконец оторвавшись от окна. — И зачем же, тебе, Гумберг, знать мою фамилию? Если что, я предпочла, чтобы ты её не называл вовсе. Не хочешь выпить? Что — что, а у этого Роберсона вино довольно хорошее. Ах, Ромари пьяница, уже две бутылки высосала!

— Гм, я не пью алкоголь, — не смутившись притворного возмущения, отказал мечник.

— Профессиональная привычка всегда быть с трезвым умом?

— Можно и так сказать.

Ландер прошла и села на край дивана, поставив бутылку. Вино, наполняя комнату ароматом смородины, с характерным бульканьем наполнило бокал, поигравшись оттенками красного на поверхности. Только сейчас, на свету, Гумберг смог точно различить цвет её платья — тоже красный, но намного светлее, идеально подходивший к небольшому рубину, висящему на цепочке у её груди.

— В жизни не поверю, что ты остановился здесь просто так. Непогода началась больше двух дней назад, она бы не застала тебя в пути, ведь до Ранки, считай, рукой подать. Относительно, конечно. А даже если ты ехал каким — то чудом от Армгмара, пропустив по невнимательности все предыдущие гостиницы... Нет, это невозможно, — Ландер хитро прищурилась. — Надеюсь, меня теперь не арестуют?

— Гм, а нужно?

— Тут уж твой выбор, — кокетливо ответила женщина.

— Я это обязательно учту, — проговорил Гумберг, не поведя лицом. — Раз уж так, ты знаешь, остановился ли здесь кто — то с фамилией Д'антстар?

— Понятия не имею, Гумберг, — женщина допила вино, — а если бы и знала, то не сказала бы. За просто так, разумеется...

— Что это значит? — Приподняв бровь, спросил наёмник.

— Кто знает? А впрочем... Да какая разница, мне же не ведомо, кто здесь Дартстар или как их там, так что не бери в голову. И не надо так на меня зыркать, дрожь берёт. — Ландер поставила бокал на стол, а после коротко попрощалась: — Мне просто невыносимо скучно. Спокойной ночи, Гумберг, на этом я удаляюсь.

Парень проводил её взглядом, замороженно смотря, как её подола её красного платья мерно качаются во время подъёма по лестнице. Слова Ландер уже вылетели из его головы, и теперь он лишь пялился в один из пустующих коридоров. Наконец, пепельноволосый мечник вернул уже замученную книгу на своё место, поправив уголок, а после ещё раз оглядел комнату. Не найдя причины оставаться здесь на дольше, направился в сторону той самой лестницы. И только на шестой ступеньке, ровно посередине, замерев как статуя, подумал:

«И где же мне искать мою комнату? Проклятый извозчик... как его там...»

Гумберг так и не уснул ночью. Джеффри, будь он неладен, храпел всю ночь, не давая сомкнуть глаз. Возможно, именно поэтому наёмник и услышал ночью эти странные звуки.

Любой другой наверняка бы и не уловил тихие шаги в коридоре, заглушаемые сильным гулом ветра. Шлепки по холодному полу, словно некто двигался на босу ногу, причём двигался так медленно, будто выверял каждый свой шаг, и всё равно ступал крайне неловко. И Гумберг было проверил коридор, но никого так и не обнаружил. В коридоре, зияющем тьмой, было абсолютно пусто, и только настенные подсвечники отражали слабый свет звёзд.

Гумберг спустился вниз, проверить, не хозяин ли это шастает по ночам. Захватив с собой лампу, которую зажёл алхимическим огнём, (небольшие зелёные шарики, воспламеняющиеся при контакте с водой), осветил лестничный проём. Никого. Преодолев десяток ступенек, перво — наперво подошёл к входной двери. Антрацитовый клинок так и лежал на месте нетронутым. Мечник двинулся дальше.

Лунный свет с трудом проникал через окна, освещая витающую в пространстве пыль, но не дотягиваясь до тёмных углов. Глаза наёмника довольно быстро привыкли к темноте, но он всё ещё с трудом различал удалённые вещи. Почти вся мебель была либо обшита багровым бархатом, либо была сделана из тёмного дерева, что ещё сильнее затрудняло свободное передвижение. Ноги наёмника то и дело натыкались на какой — нибудь предмет мебели. Пару раз он чуть не уронил вешалку, но в последний момент всегда ловил её.

«Совсем плохой из меня акробат был бы. А, впрочем... Гм, вряд ли кто — нибудь бы добрался до сюда на ночь глядя. И всё же я осмотрю весь первый этаж.»

Гумберг так и поступил, выйдя из главного зала и ещё несколько минут шастая из одной комнаты в другую. Две холодные ванны с побитой плиткой, кухня, заставленная немытой посудой, другой зал, что находился по левую сторону коридора, где каждый предмет откидывал зловещую тень. Наёмник пошарил в шкафу за диваном. И вновь пусто.

«Чем я вообще занимаюсь? Скорее всего, кто — то просто ходил в уборную, — пытался убедить себя Гумберг, но странное ощущение чьего — то присутствия всё никак не покидало его. — Пекло, не стану же я проверять ещё и третий этаж с пыльным чердаком?»

Гумберга осенило. Стараясь не шуметь, он вновь поднялся на второй этаж. Присел, поставив подсвечник и склонил голову над полом. Его следы отчётливо виднелись на пыли, но вместе с этим, и десятки других. Разобрать что — либо было невозможно. Только сейчас он понял, какой глупостью занимался всё это время и как глупо выглядит в настоящий момент. Впрочем, его это не сильно волновало.

— Гм, что я вообще делаю...

— Вы что — то сказали, мистер Гумберг?

Неожиданно раздавшийся голос за спиной заставил наёмника спохватиться и развернуться на одних только носках. Рука сжала воздух, не нащупав меча на его привычном месте. Гумберг выругался. Силуэт неизвестного дёрнулся, заставив небольшое пламя свечи трепетать. Блеснули каштановые волосы.

— М-мистер Гумберг? Ч-что вы делаете здесь на ночь глядя? — Голос выражал явное беспокойство, — в-вы разбудите остальных своим грохотом!

Последнюю часть фразы мужчина прошептал, почти прошипел, сильно сжав зубы и выражая недовольство. Впрочем, недовольство, скрывающее испуг.

— Простите, мистер Робертсон. Гм, мне почудилось, что в коридоре происходит что — то странное.

Гумберг встал, отряхнувшись от пыли.

— И поэтому вы гремите на первом этаже? Прошу вас, идите спать, тут никого и ничего больше нет.

— Но в коридоре кто — то шастал... — попытался объясниться наёмник.

— Все спят, — коротко отрезал Роберсон, а после добавил: — Кроме вас. Мистер Гумберг, здесь не может никого больше быть, нас ровно шестеро, не считая слуг. Двое из которых находятся прямо на этом этаже, и Вероники, что спит на первом. А если у вас всё же есть причина шуметь ночью, то прошу мне её поведать.

— ...Хорошо, простите, — Гумберг встал, подняв подсвечник. — Гм, тоогда я, пожалуй, вернусь в свою комнату.

— Будьте добры, — уже тише сказал хозяин гостиницы. — Спокойной ночи.

Глава 11. Убийство в «Двуглавом змее»: «Там, где завывает ветер»

День второй

Джефри храпел не переставая. Скрючившись у самой стены, он лежал на второй кровати, пуская слюни и сжимая в руках перьевую подушку.

Хотелось бы сказать, что Гумберга разбудило приветливое солнышко, выглядывающие из облаков, вот только этого самого солнышко не было. Наёмник пролежал всю ночь и даже не заметил хоть какого — то намёка на улучшение в погоде.

Опустив ноги на ледяной пол, Гумберг потянулся. Было довольно рано, хоть он и слышал, как кто — то недавно проходил через коридор. Стараясь не разбудить небритого извозчика, охотник одел обувь и на цыпочках прошёлся до двери. Открыл её.

В комнате, как и в коридоре, было довольно светло. Где — то за углом раздавались приглушённые голоса, но различить их было довольно проблематично. Гумберг прошёл вперёд, и, завернув за угол, во что — то врезался. Точнее, кто — то быстро выскочил перед ним, столкнувшись плечом.

— Исчезни!

Тихий и надрывистый женский голос призвал его уйти в сторону, и он так и сделал. Послышались быстрые, но лёгкие шаги за спиной — юркая фигура тут же проскочила мимо него.

Гумберг обернулся. Со спины было не разобрать точно, но прямо сейчас от него бежала, всхлипывая, та самая вчерашняя девушка с жёлто — пурпурным платьем. Раздался удар двери, разбудивший извозчика. Послышалось недовольное сопение из соседней комнаты. Голоса затихли.

— Боги, что там творится!? Неужели опять этот Гумберг...

Подходя ближе к комнате, из которой слышались голоса, наёмник смог различить голос хозяина гостиницы, доносящийся из ванной, со стороны которой как раз и выбежала девушка. Но хозяин, уже начавший провернувший ручку, был не один.

— Роберсон, подожди. Всё, что ты сказал, ты и вправду так думаешь? — Голос неизвестного был тихим, но Гумберг всё равно мог расслышать каждое слово.

— Да, всё именно так, как я сказал. — Мистер Роберсон отпустил ручку, и та с щелчком встала на место. Какое — то время он промолчал, прислушиваясь к шагам снаружи. — Всё, что ей нужно, это лишь твой титул. Впрочем, ты не лучше. Сдалось тебе её приданное?

— Ты не понимаешь, без него мне никак, да и... Она всё равно мне нравится... Кажется.

— Как бы это помягче сказать, — Роберсон прокашлялся, а после начал перечислять: — У неё скверный характер, никакой выдержки или манер, а с тобой она только из — за положения в обществе. Всё, что она делает — из корыстных побуждений. Пойми, для неё ты лишь билет в дворяне, и не более. Такими темпами, на твоей голове, среди и без того редких волос появиться седина раньше, чем тебе исполнится сорок пять, Ростаф! А как только эта бестия получит своё, сразу же уйдёт к другому, поверь, бывший брак этому никак не помешает.

— Но...

— Уйдёт сразу к другому дворянину, будучи при деньгах и, благодаря тебе, статусе. Чем раньше ты это осознаешь, тем проще тебе будет заполучить её деньги. Всё ради сохранения

статуса, так что прошу, не поддавайся эмоциям и действительно думай, что говоришь и что делаешь. Давай заканчивать этот разговор, мы и так слишком сильно привлекаем внимание.

Всё это время наёмник стоял неподвижно в нескольких метрах от двери, выжидая, что скажет собеседник хозяина гостиницы. Пускай его голос был знаком, и Роберсон уже назвал его по имени, пепельноволосый мечник всё никак не мог вспомнить, кто это.

— ...Хорошо, я понял.

— Я очень за тебя рад, друг, — спокойно проговорил хозяин. — А теперь, изволь, я откланяюсь. Нужно попросить Веронику начать делать завтрак. Maçua!

Дверь скрипнула, отворившись. Мистер Роберсон вышел, остановившись в нескольких шагах от наёмника. Лицо хозяина тут же скривилось, а губы разошлись в натянутой улыбке. Мужчина нервно заглянул себе за спину.

— Опять вы тут носитесь, мистер Гумберг? Что — то случилось? — Стараясь выглядеть как можно дружелюбней, поинтересовался он.

— Гм, нет, я просто шёл в главный зал, — почти не соврал наёмник и заинтересованно покосился в сторону приоткрытой двери. — В ванной кто — то есть?

— Ох, да, прямо сейчас там мистер Ростаф, так что боюсь вам придётся подождать.

— Тогда, надеюсь, я ему не сильно помешаю, — перебил наёмник, протискивая к ванне. — Извините.

— Стойте, куда же вы? Туда нельзя, что вы...

Хозяин гостиницы не успел договорить, как дверь захлопнулась прямо перед его носом. Мужчина с чёрными, жидкими волосами испуганно посмотрел в зеркало, увидев силуэт за спиной. И вновь его лицо вытянулось и побледнело, а глаза стали двумя большими пуговками. Мужчина не проронил ни слова.

«Если он дворянин, то возможно именно тот, который мне нужен, — предположил Гумберг.»

— Ростаф, правильно? — Наёмник упёрся плечом в стену. — Я хотел бы с вами поговорить.

Ростаф, бледный и кривой, обернулся. Мгновение, и его до этого глаза — пуговики резко стали похожи на два больших блюда — такие же круглые. Он затрясся как от дикого холода и уронил челюсть.

— Гм, что с вами... — смутился Гумберг.

— А — а-а я-то к-как хотел! Поверить не могу, что стоило мне заселиться в эту гостиницу по столь неприятным обстоятельствам, как именно вы сюда приедете тоже! Боги, это явно не случайность, ну точно же, не случайность!

Лицо мужчины вновь изменилось: глаза загорелись и блестели, губы дрожали от восторга, а сам он раскраснелся похлеще помидора. Не такую реакцию ожидал наёмник, а потому Гумберг ещё больше потерялся, не зная, как реагировать. Ростаф тем временем не переставал тараторить:

— К сожалению, вчера мне даже не хватило смелости заговорить с вами, настолько я был удивлён. А ещё я очень извиняюсь за сцену во время вашего прибытия, правда, очень извиняюсь. Но мне правда интересно, что же вы здесь делаете? Роберсон представил вас помощником детектива, но с каких пор Серый Ястреб работает детективом? Вы расследуете какое — то дело? Я слышал, сегодня ночью вы...

— Гм, прошу, хватит, — остановил его Гумберг.

— Ох, и вправду, — мужчина спохватился, — вы, наверное, хотели что — то спросить?

— Да, — наёмник чуть прикрыл дверь, мельком заглянув в пустой коридор. — Мне очень хотелось бы узнать вашу фамилию. Это для...

— Гринсон. Ростаф Гринсон. Владельцы и совладельцы множества винокурных предприятий. К сожалению, уже бывшие владельцы. Последнее предприятие закрылось из-за смерти совладельца, который поддерживал его вот уже как несколько десятков лет.

— Гм, я не просил такие подробности, но я очень благодарен. Тогда, на этом, пожалуй, всё.

— Н-но мистер Ястреб! — Взвыл мужчина, протянув руку к уходящему наёмнику. — Я хотел с вами ещё поговорить.

— Ростаф, зовите меня Гумбергом. Гм, и у нас ещё будет время. А пока что я хотел бы пообщаться и с другими постояльцами.

— Я вас понял... — мужчина поник, как завязшее комнатное растение, но всего через секунду вновь ожил: — Хорошо, тогда жду не дождусь нашей следующей встречи! Я придумал, как насчёт вечером встретиться...

Ростаф не успел договорить, как дверь в ванну захлопнулась, оставив его одного в полумраке с озадаченным выражением лица. Прямо над головой что — то глухо ударило, но мужчина никак на это не отреагировал, задумчиво почесав кисть.

Ветер только усиливался со временем, а вместе с ним и холод, а потому, на общем собрании во время завтрака, (на котором не присутствовали трое человек, включая Гумберга), было решено растопить печь на всех этажах.

— Обычно мы делаем это под вечер, но сейчас ситуация становится только плачевнее, — пояснял хозяин гостиницы. — Не волнуйтесь, древесины у нас хватит ещё дня на два, только нужно будет присмотреть за лошадьми, как они там. Думаю, именно этим я и займусь.

— Мне кажется, проведать их ещё раз перед отбоем будет тоже хорошей идеей, — добавил извозчик наёмника, дожёвывая яичницу. — На всякий случай.

— Отличная идея, мистер Джефри. — Хозяин улыбнулся во все тридцать два, а после добавил: — Но к сожалению, вечером я буду занят. Как насчёт того, чтобы именно вы этим и занялись?

— Э-э, эм, я... — извозчик удивлённо посмотрел по сторонам, не находя поддержки от других.

Ландер хихикнула, прикрывшись салфеткой. Ромари, сидевшая неподалёку, тоже ухмыльнулась, смутив немолодого мужчину ещё больше. Ему ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Служанка молча мыла пол, вымачивая тряпку в мутной воде и изредка поглядывая на улыбающегося Роберсона. Впрочем, не только она — хмурый как туча Ростаф буквально пилил всех присутствующих взглядом, всем своим видом выражая недовольство. И только от служанки он отводил глаза, стараясь лишней раз не смотреть в её сторону.

«Всё ещё плачет, — резюмировал наёмник, пройдя мимо одной из дверей. — Впрочем, не моё дело.»

И действительно, за дверью прямо напротив его комнаты слышались тихие всхлипы и стоны, такие, словно кто — то ревел прямо в подушку. Да, и вновь у девушки в пурпурном платье истерика, и, судя по всему, не Гумберга, не её мужа это не беспокоило в достаточной

мере. А может, он даже и не в курсе, что она слышала его разговор с Роберсоном.

— Гм, простите, я хотел бы кое — что у вас спросить. Можете уделить мне минутку?

Гумберг обратился к служанке, медленно поднимающейся на третий этаж с ведром, полным чистой воды. Молодая женщина удивлённо обернулась, перехватив ведро двумя руками.

— М?

— Вероника, кажется, да? Гм, тогда скажите мне, Вероника, пожалуйста, здесь же имеются записи всех жильцов?

— Да — а-а... — странно протянула служанка, чуть отведя глаза. — Но если вы хотите с ними ознакомиться, то вам нужно будет спросить у мистера Роберсона. Он как раз сейчас завтракает вместе с остальными на первом этаже.

— Правда? Что — же, спасибо вам большое, — поблагодарил Гумберг.

— Всего хорошего, — служанка вежливо, но с опаской поклонилась, а после тихо скрылась за пролётом лестницы.

Гумберг упёрся на стену, не зная, что и думать.

— Пекло, всё же придётся спрашивать у Роберсона. — Пепельноволосый наёмник тяжело вздохнул, опустив взгляд. — Гм, нет, чтобы просто показать их мне?

— Сдались тебе эти бумаги. — За спиной прозвучал весёлый голос.

Неожиданно раздавшийся голос... нет, не напугал наёмника, а только заставил его устало открыть глаза. Гумберг обернулся.

— С кем разговаривал?

Девушка, стоящая позади, чуть наклонилась, придерживав лиловую шапочку, прикрывающую вихрь чёрных, закрученных волос и приветливо улыбнулась. Запахло десертным вином и лавандой.

— Подслушивать плохо, — буркнул наёмник, отстранившись от стены.

— Каюсь, виновата, — несерьёзно ответила Ромари. — Ну так с кем, если не секрет?

— Со служанкой, — бросил Гумберг, направляясь в сторону первого этажа.

Девушка некоторое время молчала, следуя за ним, а после хмыкнула, отвернувшись:

— Пф, ну и храни свои секреты. У меня между прочим и своих пару есть.

«О чём эта сумасшедшая вообще говорит? Неважно, — наёмник вновь прикрыл глаза, — мне нужно только спросить её фамилию.»

— Ро...

— А она всё ещё ревет? — Перебила девушка мечника, повернувшись в противоположный конец коридора.

Непонятно зачем, но она шла прямо бок о бок с наёмником по коридору.

— Гм, вроде бы уже затихла. Неважно. Лучше скажи мне, Ромари... Ромари же? — спросил наёмник, а после, увидев утвердительный кивок, продолжил: — Скажи мне, Ромари, свою фамилию.

Гумберг подождал. А после добавил:

— Пожалуйста.

В ответ на это девушка очень странно ухмыльнулась, да так, что ему стало не по себе.

— Что мы делаем в твоей комнате? — Уже второй раз переспросил наёмник, растерянно осматриваясь по сторонам.

Множество выдвижных ящиков, несколько сумок, заполненных барахлом, что стояли

прямо на полу, куча листов, разбросанных по всей комнате, а также упавшая баночка с чернилами, которые уже успели вытечь на пол.

До этого не отрывающаяся от поисков чего — то Ромари повернулась в сторону наёмника, и проследив за его взглядом, прикованным к большому чернильному пятну, прошипела и прикусила губу. Но к поискам всё же вернулась.

«Ну и свинарник» — подумал Гумберг, коснувшись тёмно — зелёных обоев на стенах. Где — то они были ободраны, а где — то просто отваливались, свисая с потолка. «Наверняка, Робертсон увидел, какой бардак у этой девушки с вещами, а потому заселил её в самую раздолбанную комнату. Наверняка...»

— Вот она! — Воскликнула девушка, вскочив с кровати и запутавшись в занавесках.

Раздался треск, и серо — зелёная ткань порвалась, мягко опав на пол. «Ой — ёй» — это всё, что проговорила Ромари. А за окном всё так — же была вьюга.

— Что или кто, она? — Без особого интереса поинтересовался Гумберг, аккуратно переступая через пустую бутылку вина.

— Книга. С моими записями. — Пояснила девушка. — Ты будешь не против, если я задам несколько вопросов?

Гумберг нахмурился, скрестив руки. Ему это начинало порядком надоедать.

— Гм, я буду не против, если ты для начала ответишь на мой, заметь, всего один единственный вопрос.

— Тцс, хорошо, хорошо. Но ты же тогда то же ответишь? — С надеждой в голосе спросила Ромари.

— Не уверен.

После такого ответа девушка нахмурилась. Гумберг вздохнул.

— На что смогу, на то отвечу.

— Значит ты ехал сюда чтобы найти кого — то с фамилией Д'антстар? И что, никого нет? А зачем тебе этот кто — то вообще? — Девушка всё сыпала вопросами, всё время что — то записывая.

— Есть ещё девочка со слугой, — поёрзав на кровати и внимательно рассматривая книгу в руках девушки, ответил Гумберг.

— Слуга никого не пускает, поэтому попасть к ней будет проблематично, — что — то перечеркнув, хмыкнула она. — Ты так и не ответил, зачем тебе это.

— Сначала ответь, что ты записываешь. Я ничего не могу разобрать. У тебя ужасный почерк, ты знала?

— Пошёл ты, — беззлобно кинула девушка. — Портрет твой пишу.

— Серьёзно?

— Серьёзно. — кивнула она. — Ты ответишь, нет? Или может это шпионская тайна?

Гумберг задумался. Возможно, настоящую причину не стоит ей говорить, но и больших проблемных последствий наёмник в этом не видел. Почесав висок, он хмыкнул:

— Дальний родственник. И всё. Никаких секретов и тайн.

«Ску — у-у-учно» — протянула девушка, ещё раз окинув наёмника взглядом. Пепельноволосый наёмник вновь почесал висок, а после, поправив одеяло, встал и направился к выходу. Ромари даже не проводила его взглядом, но стоило ему потянуть за ручку двери, как та тут же подала голос:

— Ты куда?

— Тебе же скучно. А я пойду пока, попробую достучаться до этой самой девочки со слугой.

— Говорю же, бесполезно, — повторила девушка, посмотрев на наёмника, как на идиота. — Они открывают только этому проныре Роберсону, и больше никому. А он, как я поняла, тебе не сильно симпатизирует.

— ...Как ты всё хорошо понимаешь, — не без иронии проговорил Гумберг, убрав руку от ручки двери.

— А то, — проигнорировав издёвку, согласилась Ромари. — Единственный вариант, это ждать полудня, только к этому времени они выходят.

— Неужто реально портрет пишешь? — Чуть наклонился Гумберг, стараясь рассмотреть листы книги. — Для чего?

— Я редко встречаюсь с охотниками, ведь живу в цивилизованном городе. А тут, раз уж выпал такой шанс, почему бы и нет?

— С чего ты взяла, что я охотник на нечисть?

Гумберг удивился, с интересом посмотрев на девушку. Теперь то он начал подозревать, что остаться тут было не лучшей идеей. Хотя, прерогатива слоняться по гостинице без дела ему тоже не сильно симпатизировала.

— Больше ни у кого оружия с собой я не видела. Но ладно, мало ли какие у кого заскоки, возможно, детективы и вправду носят с собой такие странные мечи. Не важно, — Ромари откинула голову назад, оперившись руками о спинку кровати. — Твоя внешность. Ты слишком странно выглядишь. И третье — ты сам себя только что сдал, добавив слова про нечисть.

— Я думал, это просто сокращение, и оно не несёт в себе никакого посыла.

— Может быть, у вас так. Вот только я живу в цивилизованном городе, и у нас под охотниками подразумевают тех, что бегают по лесу с луком на перевес.

— ...Хорошо, тут ты меня уделала, — согласился Гумберг. Почему — то ему стало даже весело. — Но внешность? Серьёзно?

— А ты как думал? — искренне удивилась его непониманию Ромари. — Если серость кожи и цвет волос ещё можно списать на родителей, то такие глаза. Такими глазами обладали только злобные чародеи в сказках, да демоны.

— Д-демоны, говоришь? — Чуть смутился наёмник. — А я-то думал, я душка.

— Ты надо мной смеёшься? — Беззлобно спросила она.

— Возможно, — легкомысленно ответил он.

Почему — то, от разговора с этой девушкой Гумбергу было хорошо на душе. Возможно, такие посиделки напоминали ему о Миране. Все эти вопросы о нём, все эти колкости. Да и внешне, пускай не сильно, ромари была схожа с волшебницей.

— Так и всё же, зачем ты всё это пишешь? — задал вопрос Гумберг.

Девушка помолчала. Потом, подняла глаза и отвела их чуть в сторону, кивком указав на стопку бумаг.

— Я хочу стать писательницей. А потому изучаю всё, до чего только могут достать руки.

— Понятно.

— А Ландер, мне кстати, в этом довольно сильно помогает. Хоть и частенько ноет, — ухмыльнулась она. — А про гостиницу эту вообще не замолкает, хотя, думаю, пока здесь

есть вино, она сможет терпеть сколько угодно.

— Значит, вы приехали сюда вдвоём? Умеешь водить карету?

— С чего ты взял, что я вела? — Надулась девушка. — А вообще, да. Она, хоть и старше, моя близкая подруга. Наверное, поэтому я и она терпим замашки друг друга.

Гумберг промолчал. На секунду образ Тордрака всплыл в его голове. Он отогнал его.

— А почему ты решила стать писательницей?

— Мои бабушка с дедушкой, — как — то неуклюже почесав затылок, начала рассказ Ромари, — в прошлом были известными писателями. Авторы «Скрытое мира» и «Вокруг мира за тринадцать лет». Также, возможно, ты слышал и о «Летописи Эльфов» или «Грань человеческая». Но вряд ли ты прочёл хоть одну из последних двух, они не настолько популярны. Люди сейчас совсем не интересуются историей лесных эльфов.

— Первая хорошо раскрывает культуру и традиции эльфов до четвёртого века, в момент великой депрессии, а вторая отличительная от всех остальных книга о психологии людей во времена этой же самой депрессии. — Помолчав с полминуты, отчеканил Гумберг. — Я читал их все.

— Правда? — Удивлённо спросила Ромари, с неверием посмотрев на него.

— Да, все четыре экземпляра находятся у моей давней знакомой волшебницы. Только, например, «Грань человеческая» называется просто «Psychologies», а «Вокруг мира за тринадцать лет» сократили просто — «Вокруг Мира».

— Да, это действительно так. Судя по всему, у твоей знакомой новые экземпляры, — как — то грустно отреагировала девушка.

— А чем они отличаются?

— Содержанием, конечно. Например, в «Грани человеческой» так же упоминаются дварфы и халфлинги, как единокровные существа с людьми, но в новом издании всё это вырезали. Пеклов расизм.

Ромари вздохнула. Потом, откинув волосы, заговорила:

— «И вид людской пусть обликами отличается, нельзя ни в коем разе отрицать единокровие дварфов, людей и полуросликов. И пусть оболочка разная, наполнение сосуда, их помыслы, кровь наша — всё едино и братственно...» — Ромари вдохнула, набирая воздух, оборвав цитату.

— «И пусть человек есть человеком и им же остаётся, людская кровь течёт в каждом и во всех, и дух идёт от каждого, как бы жит и быт не отличался, и как бы брат не отрекался от брата кровного.» — Закончил Гумберг, как ни в чём не бывало, рассматривая бледные пальцы.

Глаза девушки округлились. Нависло молчание.

— О-откуда ты это знаешь? — прервала тишину Ромари, не отводя взгляда от наёмника. Теперь её глаза напоминали два больших, сверкающих блюдца.

— Я же сказал, что читал эти книги, — повторил Гумберг, не понимая причину удивления.

— Этого фрагмента нету в новых изданиях. Его там просто быть не может.

— Но я точно помню, что читал только эту версию книги, — уверенно заявил наёмник. Зерно сомнения уже поселилось в его голове.»

Ростафу не сиделось на месте. Он не был особо стар, и далёкие мечты о путешествиях по неизвестным землям этого огромного мира, приключениях, о которых он будет

рассказывать своим детям и внукам, о богатстве и славе за несчётное количество легендарных битв. Всё это, ещё с раннего детства, бурлило в нём, а истории о бравых пилигримах разжигали в нём бесконечное желание и восторг.

К сожалению, Ростаф был неказист, слаб и труслив. Не отличался же он и крепким здоровьем, часто болея в детстве. И даже так, при всём этом, он не отрекался от своей мечты. Понимая свою слабость, он тренировался, выматываясь до предела. Его отец, будучи зажиточным дворянином, хоть и был строгим реалистом, помогал своему единственному сыну во всём. По — своему.

Однажды отец прошёл мимо мальчика, тяжёлым взглядом осмотрев его хрупкое тело. В ссадинах, синяках и кровоподтёках. Ростаф совсем не был похож на своего сильного, и статного отца. В глазах мужчины отразилась горечь.

— Раз уж ты собрался идти по пути воина, то должен будешь вложить в это всю свою душу. Ты обязан преуспеть, ведь ты мой сын.

Эти слова напугали Ростафа. Настолько, что он побоялся обернуться в сторону отца. Тот в свою очередь в этот день с ним больше не говорил.

— Сверху, с правого бока, вновь сверху и выпад! Финт, перенос центра тяжести, вольт и вновь выпад!

Под строгим взглядом отца, нанятые репетиторы по фехтованию выкладывались по полной, но, к сожалению, их старания не приносили плоды. Многие месяцы тренировок, разных стилей и подходов... На Ростафе часто не оставалось живого места, но даже так, он терпел. Терпел боль, боролся со страхом и бесконечной печалью. Ведь он сын своего отца.

Часто слуги замечали, как мальчик, тяжело вздыхая и прикрывая лицо, наблюдал за бегущими по улице детьми. Видя это, они шептались за его спиной, думая, что Ростаф их не слышит.

— Разумеется, его задирают. Он и до этого был дурным, но теперь, после того, как его отец нанял всех этих вояк, на его лицо страшно смотреть. Каждый раз передёргивает. Какой же его отец жестокий человек, на что же он в конце концов надеется?

Ростаф их слышал. Слышал, как бы не старался пропускать все эти слова мимо ушей. Не подавал виду, не показывая дрожащее лицо такими же дрожащими руками.

Мальчик сдался. Отец умер совсем вскоре, а всё поместье перешло его мачехе, на которой мужчина женился незадолго до своей смерти. Женина, явно испытывающую неприязнь к мальчишке с самого своего первого появления в их доме, разорила семью, уволила всех слуг и продал поместье. Дом, где рос Ростаф. Он до сих пор помнит, как женщина пыталась отравить его, тем самым сильно подпортив его иммунитет и оставив ужасные воспоминания о его детстве.

Ростаф хмыкнул. Утёр вспотевший лоб, успокоившись. Ну конечно, он был слаб. Получил травму на одной из своих работ, отчего теперь хромал на правую ногу, ослеп на левый глаз, в попытке продавать волшебные эликсиры, а также лишился одной своей почки, за продажу которой ему по итогу не заплатили.

«Просто женись на богатенькой дамочке, — однажды бросил его друг, обрабатывая гноившийся глаз мужчины. — Ты только это, выбери покрасивше, в конце концов, тебе с ней спать.»

Сказав это, Роберсон улыбнулся своей ослепительной улыбкой.

«К этому времени я уже куплю какую —нибудь гостиницу и позволю вам жить у меня.

Ты только не томи долго, а то, может быть, и забуду ещё, ха — ха! — сказав это, он рассмеялся.»

Но эти, казалось бы, сказанные в шутку слова прочно засели в голове Ростафа.

Он вздохнул вновь. Прошёлся, уже более спокойный. Как бы он не ценил свою дружбу с Роберсоном, он всё же питал чувства к Люси. Да, со скверным, очень скверным характером на поверхности, внутри она всё же была другой. Ранимой и слабой. Прямо как он. Возможно, это судьба, что именно они двое сошлись. В нём теплилась любовь. Но сейчас, по мимо этого, где — то в глубине тлело что — то ещё. Что — то, что сильно горело в таком далёком детстве, что — то, что сильно ослабло, но так и не потухло со временем.

Ростаф отбросил глупые мечты, но полностью смириться с суровой реальностью не смог. Да и не хотел.

— Разве нас не шестеро? — Как бы между делом, во время ужина спросил Гумберг. — Я насчитал семеро, не считая Вероники и того мужчины. Гм, ну того, что с девочкой на втором этаже.

Мистер Роберсон замер вместе с ложкой в руке у самого рта. Быстро он оглядел каждого присутствующего в гостинице. К счастью, все, кроме этой самой девочки, к которой Гумберга так и не подпустили, сейчас присутствовали за столом. И все также молча осматривались по сторонам.

«Что — то мне всё это не нравится, — тихо прозвучал голос кучера.»

— И правда, какая интересная деталь. Я тоже отчётливо помню, что когда я сюда заезжала с Ромари, посетителей было всего четыре. — Отпив вино, мисс Ландер блеснула глазами, хитро уставившись на хозяина. — Неужели вы обсчитались, Роберсон?

«Если они сейчас начнут выяснять отношения, я тут же встану и уйду, — подумал наёмник. — Меня уже успели вымотать бесконечные вопросы Ромари, а я, напомним себе, не устаю. Вроде — как.»

Раздался противный скрежет. Ростаф, так не вовремя продолживший есть, со смущением отложил нож и вилку, оставив остывающий кусок мяса. Спрятал глаза от недовольного взгляда своей невесты.

— Да какая разница? — Протерев сонные глаза, спросила будущая писательница. — В любом случае, мы и так и так тут застряли. И не факт, что вообще уедем, даже если буря кончится — кони скорее всего, простите, кони двинут от такого мороза.

— Мне кажется, мистер Роберсон, мисс Ромари права, — приподняв руку, робко сказал Джеффри. — Возможно, пока ветер чуть утих, стоит проверить лошадей?

— Отличная идея, мистер Джеффри! — Улыбнулся хозяин гостиницы. — Думаю, можно притащить побольше одеял, я как раз хотел ещё и несколько щелей от сквозняка заткнуть.

— Тогда как насчёт того, чтобы нагреть камни и положить их в конюшню? Пусть и ненадолго, но думаю, это пожет...

— И вновь отличная идея, мистер Джеффри! Я полностью согласен. Прошу, доедайте же быстрее, гм, и приступим, пока погода вновь не ухудшилась. А вы, мистер Гумберг, прошу не беспокоиться. Предполагаю, что я всего лишь обсчитался, не более.

— Знаете, это мне напоминает одну историю, которую я недавно прочла, — Ромари зевнула, — там было тоже самое. Больше людей, странные вещи происходили. Никто ничего странного не видел?

— Мисс Ромари, прошу вас, заканчивайте со своими выдумками. Вино уж слишком сильно развязывает ваш язык. А свои страшные истории оставьте для ночных посиделок, а мы тут люди взрослые, — оборвал её хозяин гостиницы.

Люси не без интереса наблюдала за перепалкой этих двоих. По правде сказать, Ландер тоже недалеко ушла, постоянно ухмыляясь. А после, добавила:

— По правде говоря, прошлой ночью я слышала шаги, причём отчётливо. Это походит на что — то странное, Ромари?

— О, ещё как! — Поддакнула девушка. — Мистер Роберсон, вы не хотите это как — то объяснить?

— Возможно, кто — то просто ходил в туалет.

— Но я бы услышала щелчок открывающегося замка, или хотя — бы скрип лестницы. А шаги словно появились из — ниоткуда.

Хозяин гостиницы нервно осмотрелся. Он понимал, что ни один из ответов не устроит этих двоих, а потому искал поддержки хоть у кого — то. Этой самой поддержкой оказался пепельноволосый наёмник.

Заметив, как Люси посильнее прижалась к Ростафу, (тот в свою очередь неловко положил свою руку на руку девушки), Гумберг встал, шумно отодвинув стул, тем самым сконцентрировав всё внимание на себе.

— Гм, это был я, — коротко ответил он.

— Правда? — Разочарованно спросила Ромари. — Очень жаль, Гумберг. Что — же, тогда я думаю, можно закрыть эту тему.

— Пожалуй, — протянула Ландер, подозрительно прищурившись.

Также она умолчала о том, что помощник детектива приехал на день раньше этого происшествия. Что же её побудило больше не поднимать эту тему? Она сама не знала ответа на этот вопрос. Ей просто было невыносимо скучно.

День третий

— Пекло, открывайте. Я просто хочу поговорить.

Гумберг ещё раз постучал по двери, и, выдохнув, отошёл на пару шагов, ожидая, что дверь откроется. Она не открылась.

Наёмник был полностью уверен, что кто — то с фамилией Д'антстар находится в этой самой комнате. Девочка ли, которую он видел лишь мельком, когда дверь была приоткрыта, или болезненно выглядящий мужчина, он не знал. Знал только то, что стоило ему направиться в сторону их комнаты, как дверь перед его носом тут же захлопнулась. И никакие уговоры Роберсона или чудо — конверт не могли убедить их открыть.

— Пекло, — прошипел наёмник.

Ему порядком надоели эти кошки — мышки, отчего он начинал потихоньку закипать. Возможно, продолжаясь так ещё пару дней, он бы не выдержал и просто вломился в их комнату, но всё же, пока что благоразумие брало верх. С тяжёлой, кровавой борьбой, но брало верх...

— Что вам надо?

Поначалу, Гумберг даже не понял, кто с ним заговорил. Он обернулся, посмотрев по сторонам, но никого не увидел. Подумал, что послышалось.

За дверью кто — то кашлянул. Громко, будто этот самый кто — то стоял прямо за дверь.

— Гм, эм, могу я узнать вашу фамилию? — Чуть растерявшись, спросил наёмник.

— ...Нет.

Краткий и лаконичный ответ мужчин за дверью ударил как нож. Внутри охотника что — то вскипело, поднялось из самого нутра, растеклось от солнечного сплетения по всей груди. Его руки непроизвольно сжались в кулаки. Заскрипели костяшки.

Через секунду всё улетучилось. Наёмник развернулся, бросив последний взгляд на закрытую дверь, и ушёл на первый этаж, погружённый в свои мысли.

Снизу уже стояли хозяин гостиницы и извозчик. Первый, крутя свои усы, повернулся в сторону лестницы, лишь заслышав её скрип. Джеффри помахал рукой. Гумберг чуть заметно кивнул.

Сегодня все проснулись довольно поздно, а некоторые же и вовсе ещё спали. Спали, в надежде пропустить ещё один скучный и долгий день. Действительно, даже Гумберг замечал витающую атмосферу всеобщей апатии, а потому не был удивлён, завидев до этого незамеченную Ромари, что тихо сидела в углу и со скучающим видом просматривала страницы книги.

— Думаю, носить угли и камни каждые два часа будут самым оптимальным вариантом, — без особого энтузиазма предложил Джеффри. — Некоторым лошадям и вправду нездоровиться.

— Тогда предлагаю чередоваться через один заход. — Предложил Роберсон. — Всё равно камней немного. Если мы оба заболеем...

— Я могу и в одиночку, мистер Роберсон. Вы правы, их немного, так что я должен буду справиться. Вы же, прошу, попытайтесь ещё раз поговорить с теми мужчиной и девочкой, которые так нужны мистеру Гумбергу. — Извозчик тяжело кивнул в сторону наёмника.

«Спасибо, — беззвучно, одними губами поблагодарил Гумберг.»

Джеффри вновь кивнул.

Все попытки Роберсона не увенчались успехом, а потому, ему больше не оставалось ничего, кроме как сказать наёмнику, чтобы тот попробовал сам с ними поговорить, как только они выйдут из комнаты.

«Пекло, но как? Если им даже еду передают не пойми когда?» — Гумберг не успокаивался.

Было ясно как день, что они не просто посетители, и Роберсону явно не хотелось с ними связываться. То, что кто — то из них, а может и вовсе они оба — из семьи Д'антстар, сомневаться не приходилось. Наёмник запасся терпением.

— Мистер Гумберг! Прощу, мы так и не поговорили!

Помощник детектива обернулся, заслышав надрывный голос из — за спины. Сейчас, в общем зале, остались только он, мисс Ландер и бежавший к наёмнику Ростарф.

Растрёпанный, небритый, с вспотевшим лбом и красными щеками, он больше напоминал вьючного осла, только что преодолевшего очень крутой склон. По крайней мере, именно такая ассоциация пришла в голову к Гумбергу.

Ростарф начал что — то говорить, но его тут же заглушил звук ударивших ставней окон. Наёмник обернулся. Пускай солнце редкой порой и выглядывало, это никак не сказывалось на огромных сугробах, доходящих чуть ли не до пояса наёмнику. Мало было переждать

непогоду, нужно было самое настоящее чудо. Задумавшись об этом, Гумберг пропустил первые слова мужчины:

— ...может быть, именно это вы всё мне и расскажете? Можем выпить вина или рома за столом во время разговора? Как вам идея? Не часто выдаётся поболтать с пилигримом, особенно таким из — известным. Вот...

— Известным? — Подняла голову леди. — Гумберг? Я должна была о тебе что — то слышать?

— Не должны были, мисс Ландер.

— Ха — ха, ну чудненько. Но что ещё за пилигрим, разве ты не помощник детектива?

— Я сам был оч — чень удивлён, мисс Ландер. — ответил Ростаф, посмотрев на женщину. — Конечно, это большая радость, когда охотники могут начать жить спокойной жизнью, найдя нормальную работу. Относительно... В нашем опасном мире это большая редкость. Но, даже так мистер Гумберг, вы...

— Так молоды, — закончила Ландер, чуть привставая с бархатного кресла. — Чуть выпить и пообщаться вновь я была бы не против, господа. Пойдёмте. А вы, вероника, прошу, принесите вина из погреба. Яблочного.

«А меня хоть кто — нибудь спрашивал?» — незаметно вдохнул наёмник.

— Я сейчас вернусь госпожа Ландер, мистер Гумберг, мистер Ростаф.

Вероника поклонилась и молча развернувшись, вышла из комнаты. Она знала, что Ростаф является довольно близким другом мистера Роберсона, а потому не видела смысла отказывать гостям его гостиницы.

Подойдя же к погребу, она с удивлением отметила, что двери были открыты. За тяжёлыми дверьми простилалась непроглядная тьма, отчего казалось, что первые, освещаемые ступеньки уходили глубоко в пустоту. Веронике стало чуть не по себе. Сколько раз она спускалась в это место, но никогда такого всесторонне давящего ощущения не возникало.

Возможно, за всё это время у неё скопился немалый стресс. Несколько недель не видеть родных и близких, не знать, когда она сможет увидеть свою дочь или уже старых родителей — всё это действительно сказывалось на ней. И всё это перетекало в беспокойные сны и нервность. Её много что чудилось, много что слышалось в последнее время, а единственным успокоением были лишь заверения мистера Роберсона в том, что это не более, чем переутомление.

Вероника вздохнула, поняв, как глупо она выглядит со стороны, неловко стоя перед открытой дверью погреба. Последний раз обернувшись в сторону коридора, ведущего в залу, он смело вошла в темноту.

— Я же просила вино, Вероника! Как вообще можно было спутать яблочное вино и сидр?

Ландер сидела, скрестив руки на груди, с укором смотря на служанку. Та, в свою очередь, склонила голову, опустив свои светлые волосы на плечи.

— Простите, госпожа Ландер, меня отвлекли, вот я и спутала. Я сейчас же отнесу сидр и принесу вам вино. Дайте мне минуту.

— А, не стоит уже, — отмахнулась женщина, горделиво отвернув подбородок. — Я передумала пить. Стоит ли сказать, что сегодня в моей душе теплится надежда, что именно

в этот день мы покинем гостиницу. Погода сильно проясняется.

— Тогда, прошу, Вероника, дайте сидр мне. — Ростаф наклонился вперёд, забирая покрытую слоем пыли бутылку с алкоголем. — Спасибо.

Гумберг лениво взглянул на мужчину, быстро откупорившего бутылку и подставляющего стакан.

— Пускай вас не обманывает холодный свет солнца, пробивающейся через занавески, мисс Ландер. — Ёмкость наполнилась за считанные секунды. — В Вестероссе такой метели не было несколько зим, и помнится мне, сугробы после неё были страшные. Не уедем мы сегодня.

— Пекло! — Выругалась Ландер.

— Так что можете пить, сколько позволит желание, мисс Ландер.

— Или кошелёк, Ростаф, — цыкнула женщина. — Всё равно не буду. Негоже даме пить сидр, я права, Гумберг?

— Я не знаю, мисс Ландер, — смотря прямо перед собой, ответил помощник детектива, — гм, я не пью алкоголь.

— Отчего же? Ты же уже совершеннолетний? — Без особого интереса спросила женщина, а после добавила: — Хотя, кого это в наше время волнует. Но, если говорить по правде, сколько тебе лет?

Ростаф оторвался от бутылки, посмотрев в сторону наёмника.

— Сто двадцать с чем — то, — серьёзно ответил Гумберг. — Судя по всему.

Нависло молчание, а после, Ландер, уперев подбородок в руку, прикрыв рот, тихо посмеялась.

— Тогда ты очень молодо выглядишь для сто двадцатилетнего старика. Может быть ты вампир?

— Возможно.

— Я бы не дал вам больше двадцати трёх лет, мистер Гумберг, хоть и сам порядком удивляюсь, как в столь юном возрасте вы сыскали такую славу. — С почти умным видом кивнул мужчина.

— Мне так и не сказали, что за слава, господа, у нашего молодого Гумберга, — тяжело вздохнула Ландер. — Не просветите ли? И, может быть, могла ли я о нём слышать, но запомнить?

— Могли, — согласился Ростаф. — Вы не против, если я расскажу, мистер Гумберг?

Гумбергу ничего не оставалось, кроме как устало кивнуть. С некой тоской он бросил взгляд на бокал, наполненный янтарной жидкостью, жалея, что не может опьянеть.

— Говорили, что мистер Гумберг летел на своём гнедом коне, как молния, а дальше, подобно акробату, спрыгнул, нет, спикировал словно птица на голову мантикоры, расправившись с ней одним ударом! — Интенсивно размахивая руками, пересказывал слухи Ростаф. — И тут же её голова отделилась от тела, окропив своей кровью всех пилигримов, стоящих рядом, а те только рты открыть и успели. Было это кажется, при Серцском дворе, в Лионсоле.

Почему же слухи? Да, такое действительно было, Гумберг ясно это помнил. Другое дело то, что история эта, была полна домыслов и преувеличений.

Конь наёмника был не гнедой, а вороной, с ласковым прозвищем Яблоньце. Яблоньце же это, по воле жестокой судьбы, утонула в болоте, будучи ужаленной в ногу одним из

трапперов, находившихся в ежевичных кустах. Гумберг и сам чуть не погиб в том самом болоте.

Также, сражался он не против мантикоры, а против шипольва — принеприятнейшего противника для любого фехтовальщика, коим, наёмник как раз и являлся.

Ну а про то, что другие пилигримы ничего не успели сделать против монстра — тоже ложь. Вооружённые копьями, они довольно хорошо подготовились, дружным строем выматывая шипольва. Возможно, если бы Гумберг и не явился, они бы и сами справились, даже без потерь.

— Не знала, Гумберг, вот чего уж точно не знала. Неужели вы действительно так сильны в мастерстве меча?

— Наверняка, — ответил за Гумберга Ростаф. — Уверен, мистер Гумберг лучше любых Эрегмейских воинов. О мастерстве фехтования Серого Ястреба ходят легенды. А я ведь тоже когда — то учился фехтованию, вот только, здоровье подводило.

— Неужто правда легенды? — Склонила голову женщина.

Наёмник слегка покачал головой. Ландер ухмыльнулась.

— М-мистер Гумберг, — почти допив сидр, сказал мужчина, — прошу, если вы позволите, я хотел бы подержать в руках ваш клинок. Я видел его у входа, но побоялся дотронуться, чтобы вас не обидеть.

— Гм, эм, ну...

— Прошу! — Склонил голову Ростаф. — Сам меч Серого Ястреба, о большем я и думать не смею.

— Меня и саму заинтересовал твой меч, Гумберг. — Вставила слово Ландер. — Хоть в ваших железях я ничего и не смыслю, но даже я поняла, что это не просто заточенный брусок стали. А это лицо на нём, просто жуть, для чего оно?

— Вместо гарды, — заметил Ростаф, — действительно пугает. Но я н-не удивлён, что вам хватает ловкости, чтобы управляться им, не страшась выпадов противника. Так позволите?

Гумберг задумался. Было достаточно провести антрацитовым клинком по коже, чтобы рассечь руку до самой кости. Настолько остра была метеоритная сталь, выточенная дварфами.

«С твёрдой сердцевиной и обухом, этот меч не потребует заточки долгие годы. Разумеется, при такой — то стали. Ты не погнёшь меч ударами самых страшных монстров, не сделаешь скол, блокируя удар противника, и не разобьёшь его о другую сталь. Но в руках неопытного человека, это меч быстро превращается из смертоносного орудия в опасную для жизни носителя вещь. Но, уверен, ты сможешь найти ему применение. Береги его.» Гумерг вспомнил слова кузнеца, подарившего ему этот клинок. И молча кивнул.

— Гм, хорошо, я позволю.

Меч лежал ровно на том же месте, где его и поставил пепельноволосый наёмник. За всё это время, проведённое в гостинице, лезвие покрылось небольшим слоем пыли, отчего Гумбергу стало немного грустно. За все эти два года, которые он носил его при себе, он не расставался с ним на долго. А потому такой вид меча, который он берёт как мог, действительно печалил его.

— Бери, гм, только будь аккуратен.

Повторять наёмнику не пришлось. Под насмешливый, но тем не менее, всё же

заинтересованный взгляд Ландер, Ростаф буквально рванул к клинку, тут же подхватив его.

Его движения были довольно точны и ловки, что удивило наёмника. Было сразу понятно, опыт у мужчины был. Ростаф аккуратно и плавно взмахнул им, рассекая холодный воздух, и, казалось, прибавляя мужчине уверенности.

— Он словно помолодел, — шепнула мисс Ландер на ухо Гумбергу, так, чтобы мужчина этого не слышал. После, чуть подождав и обдав его горячим дыханием, произнесла: — А он не плох, да?

— Гм, да. — Подтвердил охотник, чуть отклонив голову.

— Мистер Гумберг, кем был выкован этот меч? — Ростаф сделал ещё один взмах, а после с трепетом осмотрел клинок ближе. — Центр тяжести явно смещён к острию, да и длинна клинка...

— Дварфийским кузнецом, — ответил Гумберг.

— Тем не менее, эт — то просто прекрасная работа. Я очень рад, что мне довелось подержать его в руках. Эта холодная сталь, его цвет, форма, общий вид. Это прекрасный меч. Только эта пыль ухудшает общую картину.

— Не смей! — Неожиданно для себя крикнул Гумберг, увидев, как мужчина потянулся ладонью к лезвию, в попытке вытереть пыль.

Но в этот же момент выкрик наёмника заглушил дикий, тонкий женский крик, настолько громкий, что казалось, даже стены затряслись. В последнее мгновение, прежде чем обернуться в сторону, откуда он исходил, наёмник заметил юркую фигуру, промелькнувшую в отражении антрацитового клинка.

Ростаф тут же отдёргнул руку, резко мотнув головой в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Ландер, чуть ли не подпрыгнувшая от неожиданности, испуганно прижалась к охотнику, боясь повернуть голову. Крик же, что был настолько неожиданным, как гром среди ясного неба, продолжался ещё несколько секунд, и в это самое время никто из находившихся в коридоре не мог пошевелиться, настолько все были ошеломлены.

На то, чтобы преодолеть лестничный пролёт, не понадобилось и трёх секунд. Гумберг ловко перепрыгнул через большую часть ступенек, мягко остановившись. Где — то сзади, за напряжённо стоявшим с мечом наперевес наёмником вылетел и Ростаф, неловко затормозив ударом о одну из стен.

Пустой коридор, лишь одна из многих дверей была приоткрыта, и за ней кто — то тяжело дышал, борясь, судя по всему, с паникой. Послышался грохот с первого этажа — входная дверь с шумом отворилась, послышался ещё один крик:

— Кто кричал!? Что, пекло, случилось!?

Ландер, всё ещё стоявшую снизу, подхватил за плечи и увёл в сторону Джеффри. Не менее ловко, чем Гумберг, на лестницу поднялся Робертсон, повторив вновь:

— Кто кричал!? Что произошло!? Какого пекла у тебя меч в руках! Аррхх!

Толкнув наёмника, мужчина рванул вперёд, чуть не сбив вышедшую к тому моменту, не менее остальных напуганную Ромари, а после буквально подлетел к проходу и распахнул дверь, чуть — ли не срывая её с петель. Потом застыл на мгновение, а после, нахмурившись, вошёл внутрь. Вышел уже с бледной Вероникой, которую аккуратно держал за плечи. Джеффри, аккуратно поднявшийся к остальным, завидев лицо Вероники, тихо выругался. Гумберг кивнул и вместе с мужчиной двинулся вперёд. Следом, опомнившись, пошёл и Ростаф.

Так, они втроём, тихо ступая, медленно заглянули за угол, и, не найдя ничего отличительного, зашли дальше. Та картина, что предстала перед ними, шокировала всех, даже наёмника.

Джеффри выругался вновь, но оборвался на полуслове, избавившись от своего завтрака прямо на ноги Гумберга, запятнав ковёр и сапоги.

Люси лежала, раскинув свисающие с кровати руку и ногу. Из её горла уже давно вытекла почти вся кровь, оставив огромный алый след на перине и одеяле, и только тоненькая струйка, почти засохшая, образовывала тонкую полоску, доходящую до самых кончиков пальцев, с которых изредка падали капли крови. Стеклянные глаза, широко раскрытые страха и непонимания, смотрели в пустой потолок. Из груди торчала рукоять кинжала.

Ростаф закричал. Надрывным, полным ужаса и отчаяния криком. Когда в его лёгких закончился воздух, он безвольно упал на колени, продолжая беззвучно кричать. Гумберг закрыл уши.

— О пекло... — закрывшись рукой, тихо прошептала Ромари. — К-как это могло случиться?

— Джеффри, беги на вход! — удивляясь своей же эмоциональности, скомандовал наёмник. — Ромари, Вероника, в сторону, следите за проходом у коридора. Никого не выпускайте.

— Чей это кинжал? — Упираясь в стену, чтобы аккуратно обойти труп, прошипел мистер Роберсон. — Чей, это демоны побери, кинжал!?

Гумберг кинул взгляд на тело, посильнее сжав клинок. Обмотанная кроличьей кожей рукоять, с простой гардой и тонким лезвием, кинжал торчал прямо из грудной клетки девушки, ровно в том месте, где находилось сердце. Пепельноволосый охотник рванул с места, в несколько шагов преодолев лестницу и промчавшись по коридору. Всё было как он и предполагал.

Его кинжала, лежащего поверх серебряной цепи не оказалось на месте. Сомнений не было — убийство было совершено его же оружием.

За спиной наёмника раздался сухой, тихий голос.

— Что это значит, мистер Гумберг?

Глава 12. Убийство в «Двуглавом змее»: «Там, где заперты двери»

Ветер, до этого успокоившийся, вновь завыл, зарычал, разгоняя облака и снег, сдувая ставни окон и срывая черепицу с крыш. Снег повалил с новой силой, заметая следы и дороги, облепляя окна и стены белоснежной коркой. Но этот день был совсем не светлым и полным надежды, как могло показать поутру.

— Пекло, это просто дурной сон, просто дурной сон... — всё повторяла и повторяла девушка. — Если это произошло прямо здесь... Значит ли это, что тот, кто это сделал, всё ещё в гостинице!?

— Ромари, будь добра, закрой рот, — держась за голову и нервно качаясь на кресле, прошипела мисс Ландер.

Дверь со скрипом отворилась, в комнату неуверенно зашёл извозчик, поникнув под тяжёлым взглядом наёмника.

— Ему уже лучше... Должно быть. По крайней мере, он теперь хотя бы осознаёт всё.

— Гм, спасибо, Джефри. Мистер Роберсон...

— Что, мистер Роберсон!? — Перебил мужчина Гумберга. — Что я по — твоему должен сделать!? У нас тут человека убили, у меня такого в жизни не случилось!

— Я хочу помочь разобраться, — тихо сказал Гумберг.

— Помочь!? Да тут именно ты главный подозреваемый! Сам же сказал, твой кинжал!

— Верно, мой, — согласился Гумберг. — Но убил же её не я.

— Да ты, пекло, сама прямолинейность, — заметила мисс Ландер, зло глянув на наёмника.

«Какого...?» — в мыслях возмутился охотник.

— Мистер Гумберг не мог, — подала голос Вероника, уже заметно отошедшая от шока. — Дверь была явно заперта, а ключи были только у меня, и у мистера Ростафа.

— Убийца мог залезть и через окна. — Заметил Роберсон.

— Не забывайте, что на них решётки.

Хозяин гостиницы не ответил, задумчиво глянув на лестницу. Дверь от комнаты, в которой до сих пор лежала бездыханная девушка, теперь была заперта на ключ. Джефри проследил за его взглядом, нервно сглотнув. Ромари первая нарушился гнетущую тишину, нависшую в зале:

— Я хочу уехать. Погода утром уже успокаивалась, значит успокоится ещё раз. Дайте мне мою лошадь и карету, они выдержат. Просто, пекло, дайте мне их!

— Мисс Ромари, — начала Вероника.

— Заткнись! — Крикнула девушка на служанку, зло рванув в сторону выхода. — Заткнись и уйди с дороги!

С силой распахнув дверь и выйдя на улицу, Ромари двинулась в сторону конюшен, игнорируя громкие выкрики Роберсона. Прошло несколько секунд, и её силуэт растворился в снегопаде. Джефри рванул с места, побежав за ней.

— Лошадь этой дуры может и выдержит, но сможет ли она? — Со странной усмешкой спросила женщина.

— Похоже, твоя подруга тебя бросила.

— Это её выбор, Роберсон. И она его сделала. Я не горю желанием сдохнуть на улице от

холода как собака. И вам того же не буду желать.

Хозяин гостиницы потупил глаза. Но, стоило скрипнуть двери, как он тут же встрепенулся, уставившись в проход.

— Твою мать, Ростаф, ты...

Ростаф, бледный как полотно, на трясущихся ногах вышел из ванны. Шатаясь, прошёлся вдоль стены, цепляя картины и полки, казалось, не обращая внимания ни на кого. Сел на кресло, уперев лицо в руки. Каждый из присутствующих молча проследил за ним. И каждый не знал, что сказать.

— Ростаф... — продолжил Роберсон, но тут же замолчал, стоило только его другу открыть рот.

— Я хочу знать, — с трудом подняв глаз и уставившись в одну точку, сказал Ростаф, — хочу знать, кто это сделал... Кто мог так обойтись с Люси? Кто?

— И этот кто — то среди нас, — странно обведя комнату глазами, проговорила Ландер. — Не может быть, чтобы кто — то проник сюда в такую бурю.

— Мы все здесь были почти неделю, и за это время ничего странного не случилось, — как будто пытаюсь убедить самого себя, предположил Роберсон. Ландер и Ростаф в том числе подняли глаза. Мужчина продолжил: — Пока не приехал помощник детектива. Стоит ли говорить вам, мистер Гумберг, что ваше поведение я считаю крайней степенью подозрительной?

— Гм, не стоит, я и сам догадываюсь, — Гумберг склонил голову. — И как я могу перед вами оправдаться?

— Для начала, пекло, скажите хоть, зачем вы приехали сюда?

— За мужчиной и девочкой наверху, мистер Роберсон.

— Да, вы действительно просили меня их позвать, но...

— Кончай, Роберсон, — неожиданно заговорил Ростаф. — Это не мог сделать мистер Гумберг. У него как минимум н-нет оснований... Прошу, скажите, что я прав, мистер Гумберг?

Наёмник не ответил, лишь молча кивнув.

— На счёт этой сладкой парочки, — нервно фыркнула Ландер. — Где они? У нас тут человека убили.

Вероника, всё ещё достаточно бледная и растрёпанная, ответила:

— Как только вы пошли в залу на этом этаже, мистер Роберсон сразу оповестил их обо всём и попросил не выходить до того, как он попросит.

— Отчего же? — Нахмурилась женщина.

— Как и сказала Вероника, я лично попросил их, Ландер, — сухо проговорил хозяин гостиницы. — Там ребёнок, и помимо того, что это не безопасно от слова совсем, да и рано такие ужасы ребёнку видеть, это, тем не менее, позволит удержать их в гостинице как ещё одних подозреваемых.

— Но Ромари, вы, тем не менее, — повторила его фразу Ландер, — отпустили. Как — то нескладно вышло, да?

— Она не сможет уехать, — странным голосом ответил мужчина.

И, как в подтверждении его слов, входная дверь, толкаемая ветром, с шумом открылась, впуслав холодный воздух. Кружащиеся в танце снежинки мягко легли на ковёр. Внутри, поддерживаемая Джефри, вся красная и в снегу, натурально ввалилась Ромари. Упала на пол, не удержавшись за вешалку, стоило мужчине только отпустить её. Закричала, нет,

натурально завывла:

— Все лошади, — заикаясь и проглатывая лившиеся то ли от горечи и отчаяния, то ли от ветра, слёзы, пыталась сказать она, — лошади, они... они мертвы... Все! Все без исключения! Все с перерезанными глотками!

Под тяжёлыми взглядами и различной степени громкости вздохов и охов Джеффри помог встать девушке.

— Но никто же не выходил на улицу кроме вас, — прикрыв лицо руками, сказала Ландер.

— П-подождите, вы что, на меня намекаете? — занервничал извозчик. — Да я, я же, мистер Гумберг, вы же сами видели, что я почти всё время в гостинице сидел, и последний раз выходил с мистером Роберсоном!

— Гм, успокойся, про тебя никто и ничего не говорит. Лучше присядь и расскажи, что ты видел.

— Вероника, принеси мисс Ромари чего —нибудь горячего, пока она прямо тут не... — Роберсон осёкся, но вовремя опомнился. — Мисс Ландер, сходите с ней. Так безопаснее.

— Лошади. Они были убиты достаточно недавно, но какое — то время прошло уж точно, — Джеффри потёр замёрзшие уши, тяжело поднимая глаза. — Пол часа, может, час.

— Как же так, если только недавно вы, гм, выходили с Роберсоном к конюшням?

— Ошибка, — ответил Роберсон, быстро глянув на извозчика. — К лошадям ходил только Джеффри.

— Мы сходили за дровами, мистер Гумберг, — Джеффри занервничал, начал тараторить, — камни быстро остывали, а потому их нужно было готовить заранее, постоянно поддерживая огонь. А, следовательно, и древесина уходила быстро. Пускай вас не сбивает с толку утреннее солнце — тогда было намного холоднее, чем ночью или вчера. От ветра конюшни мы так и так закрыли толком, всё равно поддувало. Но это был не я, честное слово!

«Значит, то, что это была Ромари или Джеффри, мы исключаем. До этого времени она вроде как сидела в своей комнате, а причин убивать Люси у извозчика небыло, — шевелил мозгами Гумберг. — Но нужно ещё много чего узнать. Пекло, я некомфортно чувствую себя без своего меча...»

Наёмник грустно покосился в сторону одного из шкафов, на котором его клинок и лежал. Вся мебель на первом этаже по большей части была тяжёлой и громоздкой, настолько, что бесшумно подвинуть её к шкафу было бы очень проблематично. Сбить меч чем — то другим было тоже невозможно — шкафы были высокие, (настолько, что никто из присутствующих не доставал до верха), почти до самого потолка, так что под таким углом никакая палка или швабра не пролезла бы.

Джеффри повернулся в сторону лестницы, скрипнув креслом. Оттуда спускались семеро человек, медленно, аккуратно ступая. Помимо всех знакомых лиц, к которым пепельноволосый наёмник уже успел привыкнуть за эти три дня, он не узнавал только двоих идущих позади всех. Гумберг сразу догадался, кто это.

За спиной высокого и сухого мужчины, с седыми, уложенными назад волосами шла девочка, точнее, молодая девушка с светлыми волосами, свисающими до лопаток. Скромное тёмно — серое платье и красная жилетка поверх чёрной кофты немного выбивалась по стилю от простого гамбеза, в который был одет немолодой мужчина.

Он же, в свою очередь, нахмурившись, всеми силами пытался укрыть девочку за собой. Нахмурился ещё больше, увидев пристальный взгляд наёмника и чуть увёл ребёнка за спину.

— Раз уж мы все здесь, предлагаю определиться сразу, — тихо проговорил Роберсон.

— С чем? — подняла бровь Ландер.

— Простите уж, как это прозвучит, но мы должны определиться, кто с кем будет спать. Возможно, вы уже подозреваете кого — то, а посему, будет лучше, если вы будете рядом с теми, кому доверяете. Рекомендую, всё же тщательно подумать о своём выборе, отбросив чувства и прислушаться к гласу рассудка.

— Мы делимся по парам?

Гумберг повернулся в сторону говорившего. Голос мужчины, вышедшего вместе с девочкой, был раскатист и басист, хоть и звучал довольно тихо. Да и сам мужчина выглядел абсолютно спокойно, хоть иногда и поглядывал в сторону наёмника. Гумберг не выдержал его взгляда, отвернулся.

— Мистер Гумберг, каковы шансы, что это сделал монстр? — откашлявшись, спросил хозяин гостиницы.

— Никаких. Убийство было делом рук разумного, причём, гм, причём очень извращённого. Духи, баньши, полтергейсты и гал'анхи убивают не так. Про любых живых существ, помимо всех нас, тоже не могу ничего предположить — никто не приходит на ум. Убил Люси явно кто — то из нас.

Долгую минуту молчания нарушила Ландер:

— Я хочу быть рядом с Гумбергом.

— Что!?! — воскликнула Ромари, отойдя от секундного шока. — Это получается, что ты подозреваешь меня!?

Джефри побледнел.

— Нет, но... — тут же замялась Ландер, пытаясь оправдаться.

— Тогда что это по — твоему!?! А я тебе отвечу, что это! Предательство!

— Нет!

— Да! Предательство, вот что это, и ни что иное! — ещё больше взорвалась девушка, а после, неприятно скривив лицо, прошипела: — Нет, я поняла. Ты не меня подозреваешь, ты просто пытаешься спасти свою шкуру. Ты! Грязная шку...

Голос Ромари резко затих, оборвавшись на полуслове. Роберсон, быстро оказавшись за спиной девушки, схватил её, не дав кинуться на Ландер. Зажал рот. Ромари в бешенстве было попыталась вырваться, но у неё ничего не получилось, так как к ней тут — же подскочил и Джефри. Сдерживаемая двумя мужчинами, подруга Ландер бешено смотрела в её сторону, пытаясь испепелить её взглядом, но, увидев, как та молча всхлипывает, поникла, успокоившись. Роберсон тут же увёл её на второй этаж, что — то шепча на ухо.

— Уведите и мисс Ландер, мистер Гумберг, — попросил извозчик, протерев вспотевший лоб.

— А ты?

— Ничего, со мной всё будет в порядке, мистер Гумберг.

Пепельноволосый наёмник кивнул. И тут же незаметно напрягся, чувствуя на себе тяжёлый взгляд мужчины, укрывавшего девочку.

— Почему ты выбрала меня? — тихо спросил Гумберг, ворочаясь в тесной постели.

Его нога упёрлась в бедро Ландер. Он попытался чуть отодвинуться, но только ударился затылком о стену. Ландер не шелохнулась. Было довольно тесно, но наёмник старался не жаловаться.

— Прошу, поспи вместе со мной, — прошептала Ландер. — Мне страшно.

Мягкий лунный свет падал через небольшое окно в комнате женщины, стелясь на абсолютно белое постельное бельё. Мерный стук настенных часов убаюкивал.

— Гм, я в любом случае буду здесь.

— Нет, ты не понял, — подвинувшись, просопела Ландер. — Со мной. В этой кровати.

«Зачем?» — хотел было спросить Гумберг, но, стоило ему взглянуть в заплаканные глаза женщины, нет, ещё совсем хрупкой девушки, на чью долю выпала такая ужасная судьба, вопросы отпали сами по себе.

— Гм, в любом случае, я действительно не горю желанием спать на полу, — соврал Гумберг.

Аккуратно, стараясь не касаться Ландер, он перелез на другую сторону кровати, проведя рукой по подушке. Она прижалась к его холодной ладони. Гумберг своим чутким слухом слышал её сердцебиение. Поначалу быстрое, но с каждой секундой всё более ровное и ритмичное. Да, он был прав — здесь не было ничего такого, о чём ему, возможно было нужно беспокоиться. Была только ночь, мерный стук часов, лунный свет и человек рядом, который больше всего на свете желает того, чтобы поблизости с ним кто — то был.

В коридоре раздался скрип и тихий топот, остановившийся прямо напротив их комнаты. В щель, между полом и дверью в коридор, проник тёплый свет свечи. Раздался голос:

— Мистер Гумберг, вы там?

Наёмник тут же узнал голос Вероники.

— Да, Вероника, — подтвердил он. — Я, и, гм, мисс Ландер.

— Хорошо. Спокойной ночи.

После её слов раздался щелчок — дверь закрыли на ключ.

Ещё одна идея, предложенная Роберсоном. Ведь теперь никто не мог выйти из своих комнат до самого утра, а значит, и проникнуть и в чужие комнаты не получится. План, надёжный как часы.

Тик — так, тик — так. Минута бесконечного стука идущих стрелок. Тик — так, тик — так. Раздался голос:

— Прости меня, Гумберг. — На этот раз, говорила Ландер, всхлипывая.

— За что?

— За то, что я такая жалкая, — ещё один всхлип. Потом, несколько секунд молчания. — Я предала свою подругу.

— Тебе не за что передо мной извиняться. Гм, ты всего лишь хотела быть в безопасности.

— И всё равно прости меня.

— Хорошо, прощаю.

Ландер придвинулась ближе. Гумбергу уже не было места, куда он мог бы деть руки, а потому ему пришлось обнять девушку. Та не сопротивлялась, наоборот, казалось, расслабилась.

— Мне было страшно.

— Гм, я понимаю. Лучше поспи.

— Нет, ты не понимаешь, — шептала девушка. — Ромари действительно очень, очень не нравилась Люси.

— В какой — то степени я её понимаю.

— Нет. Ты не видел... Не видел её взглядов. Она действительно иногда бывает очень страшной. И, мне кажется, — девушка на секунду стихла, — она могла это сделать.

— Не преувеличивай.

— Нет, я могу в это поверить, — девушка всхлипнула. — Однажды, она отправила свою двоюродную сестру в лазарет. В очень тяжёлом состоянии.

— ...Продолжай, — протянул Гумберг.

— Она загнала её в вольер с Куролисками. Множественные переломы и шрам, изуродовавший её лицо — вот что вышло из этого.

— Из — за чего?

— Она нравилась одному юноше. Сыну рыцаря Бальхштайна, Тигру их Вирсирска. А ему нравится хотела она.

— И ты думаешь, она убила Люси из — за... Ростафа? — С большим сомнением предположил Гумберг.

— Нет. Ведь всего через три дня, она сказала, что любовь — это дурость и пообещала себе больше никогда не влюбляться.

— Это всё?

— Нет... Но есть ли смысл продолжать?

— Гм, наверное, нет.

Опустилась тишина, и только мерный стук часов напоминал о себе. Гумберг задумался. Всякие мысли роились в голове. Несколько раз он приходил к самым разным мыслям, и каждый раз считал их ложными.

— Гм, Ландер, прекрати.

— О чём ты?

— Я чувствую твою руку. Убери её.

— ...Спокойной ночи, Гумберг.

День четвёртый

Громкий, глухой стук с первого этажа разбудил наёмника. Мечник открыл глаза. Погода вновь улучшилась, но всё также не обнадёживала. Гумберг всё также опустил ноги на холодный пол, всё также прошёлся по комнате, разминаясь, всё также поправил пепельные волосы. Потом обомлел, удивившись самому себе:

«Неужели я заснул под утро? — наёмник взглянул в окно, пощурившись от блестящего при лунном свете, снега. — Нет, ещё ночь.»

Это было действительно странно для него. Для того, кто до этого засыпал только по своей воле, (не считая заклинаний Мираны).

«А я ведь даже не заметил этого...»

— Скверно. — прошептал Гумберг, чувствуя как проходит отёк шеи. И снова выругался: — Пекло, да что за...

Обернулся, поняв, что не видит Ландер. Забыв о неприятном ощущении, вскинул одеяло с кровати. Никого. Развернулся, провернул ручку двери — открыто. Открыл дверь, высунулся

на половину, огляделся. И обомлел.

Ландер лежала у самого начала лестницы, раскинув руки и не двигаясь. Её шея была странным образом вывернута, а глаза смотрели в одну точку — на небольшую картину с корабликом.

Сзади кто — то охнул. Гумберг обернулся. Ромари, прикрыв побледневшее лицо рукой, стояла, не двигаясь и не сводя глаз с тела подруги.

«Пожалуйста, только не это!» — взмолился наёмник.

Отчаяние. Отчаяние, отчаяние и отчаяние. Ромари, всё ещё бледная, сидела на кресле, медленно покачиваясь назад — вперёд, сдерживая всхлипы. Её раскрасневшиеся глаза были похожи на две стекляшки, не выражающие никаких эмоций, кроме застывшего шока. В комнату вошёл мистер Роберсон, окинув каждого тяжёлым взглядом. Следом вошёл Джеффри, чуть шатаясь.

— Нужно решить всё здесь и сейчас, — сухо проговорил хозяин гостиницы. — Всё ясно как день, и пусть я скажу сейчас очень банальную фразу, но думаю, отрицать то, что убийца среди нас — бесполезно.

Остатки сна, если бы они и были, смело как ветром. Все нервно переглянулись, одна только девочка, сидевшая поодаль ото всех, заспанно и непонимающе таращилась в сторону коридора, где был обнаружен труп Ландер.

— Он обязан понести наказание, — прошипел Ростаф, заламывая кисть. — Мы должны не просто выставить его на мороз, а разобраться здесь и сейчас.

Роберсон заглянул в глаза Ростафа. В глаза, полные холодной ярости. Его передёрнуло.

— Он убил лошадей, отрезав нам возможность добраться до ближайшего города. Можно сказать, что сейчас мы полностью в руках убийцы, а потому я согласен, что действовать нужно немедленно и не церемониться. От этого зависит жизнь госпожи Эллеаноры.

Гумберг повернул голову, удивлённо посмотрев в сторону Орена, мужчины, что стоял позади девочки. Тот замолчал и повернул голову в сторону наёмника, чуть нахмурившись.

— Предлагаю голосовать, — предложил он.

— Мне кажется, улик уже достаточно, — проговорил Ростаф, взглянув на Гумберга. — Вы же помощник детектива? Прошу, помогите нам.

Гумберг слотнул. Лицо Ростафа было бледным, почти как у наёмника, а под глазами разбухли тёмные круги — мужчина не спал вот уже который день. Он ждал ответа помощника детектива, не сводя с него глаз.

Гумберг открыл рот, чтобы что — то сказать, как его сразу же перебила девушка в кресле:

— Это он, — тихо проговорила Ромари, указав на наёмника. — Я уверена.

Глаза пепельноволосого мечника расширились, а все слова застряли в горле.

— Мисс Ромари! — воскликнул извозчик. — Да с чего вы вдруг...

— Подожди, Джеффри, — рукой остановил его наёмник. И голос его был тих. — Почему ты так считаешь?

— Потому что именно ты стоял в коридоре в тот момент! Именно твой нож нашли в комнате Люси! Именно с твоего приезда началось всё это! А может, ты действовал на пару со своим шофером!

— Мистер Роберсон, она же явно не в себе! — Теперь уже воскликнул Джеффри, схватившись за хозяина гостиницы. — Успокойте её!

— Тише, Джефри! — поднял голос Гумберг. — Гм, в твоих словах есть логика, Ромари. Вот только в коридоре стояла ты, а не я. В тот момент я только выходил из комнаты и ещё шагу не успел ступить. А твоя комната, насколько мне помнится, находится на первом этаже. Так что же ты делала на втором, ещё и ночью? Только не говори, что туалет искала.

— Что... но... — замялась девушка.

Роберсон холодно посмотрел на неё, отчего Ромари стала ещё бледнее.

— Но лошади! Как это могла сделать я! — Тут же нашла чем воспользоваться обвинительница. — Я же знаю, что именно ты ходил к ним!

Джефри побелел как фарфор. Ужался, ослабив руки и отпустив плечи хозяина гостиницы. Всё это время Орен смотрел на всё это в молчаливом ожидании. Роберсон не сказал ни слова.

— Но я же каждый раз ходил при вас, мистер Роберсон! — взревел извозчик. — Все четыре раза с того момента, как мы с вами договорились!

Лицо Роберсоно вытянулось, а глаза стали напоминать небольшие блюдца. На его лбу выступили капельки пота.

— Но ты ходил пять раз, — сдержанно проговорил Роберсон, стараясь скрыть дрожь в голосе. С каждой секундой его лицо всё больше приобретало розоватый оттенок.

— Ч-что? Нет! — воскликнул извозчик. — Нет, нет!

— Ааааааргх!

Ростаф взревел, выхватил нож и рванул в сторону извозчика, целясь ему в позвоночник. Сталь блеснула в лучах луны, отразив лицо мужчины — полное отчаяния, злобы и горечи. Джефри не успел даже обернуться.

Раздался глухой удар. Ростаф упал, проехавшись лицом по полу, а кухонный нож, что был в его руках, в мгновение ока оказался у Гумберга. Мечник подкинул его, словив за лезвие, несколько секунд рассматривал, а после протянул Роберсону, стоящему в полном оцепенении.

Никто не успел сказать и слова, и только девочка растерянно проговорила:

— Мне холодно.

Глава 13. Убийство в «Двуглавом змее»: «Там, где бушует пламя»

Массивная, дубовая дверь скрывала за собой тьму, находившуюся в подвале. Терпкий запах вина зудил в носу, заставляя неприятно морщиться любого, кто подходил к холодному, мрачному помещению, скрывавшемуся под ногами постояльцев гостиницы.

Проход и коридор, ведущий к этой двери, в отличие от остальных мест, не был украшен разнообразными картинами, не было здесь и пресловутых золотых подсвечников в виде двуглавых змей.

— Гм, где вы берёте не обмёрзшую древесину, мистер Роберсон?

— В подвале, — растерянно проговорил мужчина, смотря в сторону комнаты, где заперли Ростафа. — А что?

— Действительно похолодало, а потому я хотел бы сходить и принести поленьев для растопки, — соврал наёмник.

Роберсон повернулся к пепельноволосому мечнику, смерив его взглядом. Потом медленно кивнул, казалось, о чём — то догадавшись.

— Хорошо. Ты справишься один?

— Гм, возможно, лишние руки не помешали бы.

— Я могу пойти, — робко проговорила Вероника.

Гумберг сжал кулак. «Плохо дело, — подумал он. — Не может же Вероника быть убийцей. Ну же, я иду совсем один в страшный, тёмный подвал, без оружия и чего — либо. Отличный вариант для тебя. Ну же, подай голос. Согласись идти со мной.»

Но голос никто так и не подал.

— Гм, хорошо. Спасибо, Вероника. — наёмник вздохнул, устало оглядевшись.

Ромари, сидящая в кресле, медленно обводила каждого взглядом. Джефри, всё ещё бледный, заламывал пальцы, шарахаясь от каждого скрипа. Орен просто тяжело молчал и, казалось, не дышал даже, полу — прикрыв глаза. Девочка не давала своим волосам покоя, то и дело поворачиваясь в сторону коридора.

Гумберг вздохнул ещё раз.

— Гм, пошли.

Неприятное чувство одолело наёмника. Тягучее, пульсирующее, оно скребло в груди у солнечного плетения, заставляя бледнокожего помощника детектива сжиматься всё сильнее и сильнее. Каждый шаг к двери давался, пускай и с не большим, но трудом. Неприятное ощущение росло. Наёмник размял пальцы, чувствуя, как они затекают.

Холод железной ручки, щелчок замка и резкий запах алкоголя. Тёмный проём и слабоосвещённые ступеньки крутой лестницы, ведущей в самый низ. Шаг вперёд. Ощущение тут же пропало. Гумберг не знал, что то, что он только что испытал — мимолётный страх неизведанности.

— Где именно здесь древесина? — без особого интереса спросил он.

«Было бы странно, если бы я вернулся без неё, — скучно заметил Гумберг. — Тем более, раз уж за мной никто не пошёл.»

— Прямо у правой стены, перед бочками с вином, — подала голос служанка, следуя прямо за мечником.

Слабое пламя свечи в её руках освещало лишь небольшой кусочек пространства,

вырывая его из когтистых лап тьмы. Тень наёмника, деформированная и вытянутая, легла на деревянные ступеньки, создавая причудливую картину. Где — то в углу заскрежетала древесина. Нога вступила во что — то липкое.

Гумберг не успел среагировать. Кинжал, воткнувшийся ему чуть ниже лопатки вызвал яркую вспышку боли. Толчок в спину, и вот он уже летит над ступеньками, боковым зрением замечая сдержанно ухмыляющуюся Веронику. Грохот разбитых бутылок, испуганный писк грызунов, новая вспышка боли и полная дезориентация.

Свет исчез, скрип двери и щелчок замка. Всё произошло менее чем за пару секунд. Наёмник лежал, хрипя и сплёвывая кровь. Его лёгкое было пробито, а нога вывернута. Но смутило его больше не это, а то, что его рука упиралась во что — то липкое, холодное и мягкое. С трудом, чувствуя притихающую боль в позвонках, он поднял голову. И обомлел — прямо рядом с ним, широко раскрыв стеклянные глаза, в которых отпечатался истинный ужас и настоящий животный страх, вся мокрая, лежала Вероника. Гумберг отключился.

Гумберг почувствовал покалывание в кончиках пальцев. Несколько распуганных его падением крыс наконец осмелели, и, выползя из своих нор, подобрались ближе. Некоторые уже начали кусать его кожу. То же произошло и с Вероникой, на которой уже виднелись давние укусы.

«Ну конечно. Ведь я всего лишь живой труп. Не человек. Мутант, порождение проклятья или некромантии. Чей — то неудачный эксперимент, существо, противное самой природе. Я убиваю чудовищ, а таких, как я, убивают паладины. Выродок скверны и дитя бездны. Вот кто я такой. Но умереть вот так. От простого удара в спину таким же паразитирующем выродком. Бездна и пекло, если я умру от рук доплера!»

Помощник детектива встал, хрустнув спиной. С трудом, но поднялся. Начал делать более частые вдохи, почти не кашляя и не хрипя.

«Да меня же Мирана засмеёт! Не смог распознать ублюдка за столько дней! И что мне делать...»

Наёмник поправил пепельные волосы. Осмотрелся. Потянулся, протёр лицо. Замер, почувствовав запах дыма, просачивавшегося сквозь плотно закрытую дверь.

«Пекло. Нет... У меня есть цель. Приехать к Д'антстарам. И такой шанс у меня представился.»

Мечник повернул голову, окинув взглядом труп. На одежде вероники выделялись четыре расплывшихся пятна и глубокий порез на горле.

«Первый удар пришёл в шею. Остальные же... Ублюдок бил так, чтобы она не умерла мгновенно, мучаясь и истекая кровью. Она ведь даже не могла кричать из — за пореза в горле. Ещё и залил её труп алкоголем, чтобы скрыть запах...»

Пилигрим взглянул в сторону двери, чувствуя, как вскипает. Глаза, привыкшие к темноте, выцепили тёмную полосу на ступеньках, идущую примерно до половины лестницы. Дальше же след обрывался.

«Она, страдая, пыталась сбежать. Из — за тебя всем пришлось пережить этот кошмар. Из — за тебя мы не можем уехать отсюда и неизвестно, что будет дальше. Из — за тебя...»

Он попытался взять себя в руки, но его мысли путались, сбивались, игнорируя попытки сосредоточиться на чём — нибудь помимо закипающей где — то внутри злобы. Путали его также и странные образы, возникавшие перед глазами, смутные обрывки воспоминаний, наваждения которых он сгонял как остатки сна. Туманные и противоречивые ощущения

поднимались всё выше и выше, как клубы дым, что таились до этого в его сознании, непрерывно сменяющиеся и пульсирующие в голове, звенящие и шипящие, шепчущие и кричащие одновременно, но так далеко от него, словно шелест листвы.

Охотник на монстров сделал шаг вперёд. Посмотрел вниз и вправил ногу. Потом ещё один шаг. И ещё. Пепельноволосый охотник поднимался вверх, шаг за шагом. Кровь струилась по его пальцам. Теперь это была его кровь, ведь от злобы он сам не заметил, как стиснул кулаки сильнее, игнорируя впившиеся в кожу ногти.

«Верно. Я охотник на монстров. И сейчас я делаю именно то, что и должен — охочусь на монстра.»

Раздался крик. Потом ещё один. Гумберг не знал, сколько он так пролежал на холодном, каменном полу без сознания. Но теперь он отчётливо чувствовал запах дыма и треск пламени. Различить голоса в этой какофонии звуков было невозможно. Дверь оказалась заперта, что, впрочем, совсем не удивило наёмника.

Удар. Ещё один. Охотник наносил удар за ударом, сдирая кожу с костяшек. Бил, не переставая и даже не думая перестать. От каждого такого удара дверь трещала, ломилась, а старая ручка прогибалась всё сильнее и сильнее под натиском мечника. Гумберг закричал. Удар. Ещё один. И снова, и снова, и снова, и снова, и снова, и снова...

Со звоном ручка упала на ступеньки и, подпрыгивая, покатила вниз. Сопровождаемая скрипом, дверь медленно приоткрылась. И явила на свет страшное, но внешне спокойное лицо мертвеца. Мертвеца с горящими глазами цвета самого чистого рубина. С глазами, горящими яростью.

Гумберг прошёлся по коридору, всё отчётливее видя стелящийся по полу дым. За углом раздался грохот. Языки пламени, находившиеся у самых оснований деревянных стен, с каждой секундой поднимались всё выше и выше. Картины падали, разламывая рамы, а бумага чернела и тлела. Становилось всё жарче и жарче. И в этом аду из пламени и дыма мечник смог разглядеть тело. Тело Роберсона, до последнего сжимавшего меч. Из — за угла вышел Ростаф.

Весь потрёпанный, в саже, красный и вспотевший, он безумными глазами смотрел на Гумберга. Его руки задрожали. Руки, в которых был антрацитовый меч наёмника. Ростаф сжал его сильнее, да так, что побледнели костяшки. Заговорил, побелев:

— За что?

— Гм, прости? — не понял наёмник.

— За что ты убил Ромари? Роберсона? Люси? За что? — Ростаф шептал, постепенно переходя на крик. Его лицо было покрыто испариной, а глаза бешено бегали. — Что они тебе сделали!?

Гумберг перевёл взгляд на мёртвого хозяина гостиницы. Его глаза были полуприкрыты, а в груди зияла рана. Кровь расплылась по некогда белой рубашке. В руке был небольшой полторный меч с v-образной гардой.

Мечник сделал пару шагов в сторону, медленно двигаясь в тело, не сводя глаз с мужчины. Тот, покачиваясь, переводил меч в сторону, по направлению к Гумбергу.

— Я ничего не понимаю, — спокойно сказал мечник.

— Ты! Ты убил Ромари и Ростафа! И Веронику! Заколот прямо при мне! Ухмыляясь!

— Пекло, — выругался мечник. — Тело служанки лежит прямо за мной. В том самом подвале за моей спиной. Она лежит, со вспоротым горлом, залитая спиртом.

— Это ложь! — воскликнул Ростаф.

— Иди и сам убедись, — забирая меч с тела хозяина гостиницы, проговорил наёмник.

Ростаф покачнулся, замолчал на несколько секунд. Перехватил меч наёмника поудобнее. Хищно и пугливо одновременно сощурил глаза.

— Это не отменяет того, что ты убил при мне остальных!

— Это был допельгангер.

— Его не могло тут быть! Никто бы не прошёл через такую метель! Ни одно живое существо! И не пытайся оправдаться, Роберсон бы знал...

— Гм, ну, так уж получилось, что прошёл, — хмыкнул наёмник, описав мечом полукруг. — Отдай мой меч.

— Чтобы ты им и меня зарубил!? — лицо мужчины дрогнуло, стоило ему завидеть горящие глаза мечника. Глаза, в которых отражалось разгорающееся пламя.

Красные языки проглатывали стены, с каждой секундой поднимаясь всё выше и выше. Где — то наверху трещало дерево. Обои обуглились, став чёрными как смоль, а потолок заволок серый дым. Единственное место, которое не мог поглотить огонь, это каменный пол. Шаг в права, шаг влево — и всё безопасное пространство для свободного перемещения заканчивалось.

— Гм, мне нужно найти девочку. Пропусти меня.

— Ни в коем случае, — помрачнев, ответил Ростаф.

Гумберг ещё раз взмахнул мечём, посмотрел на него, оценил длину лезвия и тяжесть. Вновь повернулся к мужчине, стоявшему напротив и преграждавшему ему путь.

— Тогда мне придётся пройти через тебя.

Ростаф дрогнул. Антрацитового цвета клинок отразил бушующее пламя, покачнулся. Пространство вокруг завибрировало, затрещало от напряжения. Наёмник сделал шаг вперёд. Ростаф не отступил. Боль в ноге предательски напомнила о себе, но Гумберг её проигнорировал. Взглянул на меч ещё раз.

Пригнулся, напряжился, задрав голову и заведя клинок за спину. Почувствовал, как трещат костяшки. Незаметно, по привычке, выдохнул. И прыгнул.

Прыгнул как кот, целившийся в мышь, тихо, бесшумно, даже не подняв пыли. Прыгнул, в мгновение ока преодолев смертельное пространство, разделявшее его и мужчину. Прыгнул, высоко занеся меч над головой, сделал вольт, вновь описав остриём полукруг, расслабив плечи и выдохнув, придав рукам гибкость.

Звон болью раздался в ушах, мечи загудели и заискрились, алые капли крови брызнули из раны, образовавшейся на груди Ростафа. Наёмник вспомнил, что в руках не его меч. Удивился также тому, что мужчина почти отразил его удар. Переворот на одних только носках, вольт, уход от медленного для мечника выпада и контрудар. Всё кончилось менее чем за несколько секунд, но длилось это, казалось, вечность.

Ростаф обмяк, выронил меч, и, цепляя горящую стену, прошёлся вперёд, не оборачиваясь на мечника. Кровь текла рекой, пенясь и шипя от жара. Красная полоса тянулась дальше и дальше за ним, его одежда начала тлеть и дымиться, пока не вспыхнула. Он шёл, двигаясь по коридору в сторону лестницы, ведущей в подвал. Огонь поднимался по его телу всё выше и выше. Запахло спаленными волосами. Ещё несколько шагов вперёд и Ростаф добрался до двери. Остановился и встал в проходе спиной к пепельноволосому мечнику. Жадно вдохнув воздух, мужчина провалился во тьму. Раздался глухой звук удара и тяжёлый выдох.

Мечник поднял свой меч, рукавом отёр его от крови. Выкинул полуторный, в последний раз взглянув застланный тьмой спуск.

Лестница была заборикадирована шкафом и несколькими вешалками и разобрать этот завал не представлялось возможным, тем более, что дерево уже начинало загораться. Гумберг развернулся и уже было собирался уйти, пока не услышал тяжёлое дыхание за спиной. Повернул голову и замер.

Джефри лежал прямо под завалом. Весь в ожогах, с неестественно выгнутыми руками, его почерневшая и лысая голова медленно моталась из стороны в сторону, словно в транс. Тяжёлый хрип, сопровождаемый ежесекундными плевками крови и кашлем, пробирал до мурашек. Картина была воистину ужасающей и неопишуемой.

— Гм, Джефри? — подал голос Гумберг.

Мужчина не ответил, даже не поднял глаза, лишь резко мотнул головой и снова вошёл в своеобразный транс. Гумбергу казалось, что он всё что — то нащёптывал, но наёмник осознавал, что разума в этом теле уже нет. Заметил, заметил, как несколько обломленных кусков древесины выпирают из его брюха. Заметил также и осколки стекла, застрявшие в изуродованной голове.

«Чем — то облили и подожгли, — думал мечник, двигаясь в сторону извозчика. — А потом его придавило обвалом, я так полагаю, барикад. Или, наоборот?»

Пепельноволосый охотник остановился в двух шагах от изувеченного мужчины. Вытянул руку, держа меч параллельно его шее.

«Что же это за чудовище, раз от него нужно было барикодироваться?»

Гумберг поднял глаза. Быстрым, но плавным движением провёл лезвием по горлу Джефри, дойдя до самых позвонков.

«Могу предположить, что Роберсон вышел к нему на бой, но, очевидно, проиграл. Если забарикодировались до этого момента, то долже быть способ спуститься сюда со второго этажа. Но лестница всего одна, тогда как тут оказался Ростаф? Возможно, его просто забыли? Нельзя забывать и про Джефри...»

Наёмник широко раскрыл глаза.

Джефри, Роберсон, Ростаф, они все мертвы. Единственный, кто может дать хоть какой — то отпор допельгангу, то это Орен... Конечно, это если он сам не монстр... Пекло, нужно срочно найти способ подняться!»

Гумберг пробежался в сторону ещё одного коридора, ведущего к ванной на первом этаже, пробежал через маленькую кладовку, полностью поглащённую разгоревшимся пожаром, свернул влево, увернувшись от резких всполохов пламени, которые изрыгнула кухня, богато украшенная фарфоровым сервизом. Почти оббежав целый круг, и, уже было, не надеясь найти способ попасть на второй этаж, заметил краем глаза небольшой лифт, по которому подавали еду с первого этажа на третий. Ногу пронзила вспышка боли, заставив его затормозить, зацепив одну из стен и уронив несколько подсвечников в виде переплетающихся хвостов двухглавых змей.

Наёмник отряхнулся, подошёл к лифту и с ужасом осознал, что просто — на просто не поместится внутри.

— Пекло!

Он уже было развернулся и собирался направиться обратно, пока не услышал тихий и

приглушённый кашель. Развернулся обратно, уставившись в сторону лифта. Кашель больше не повторился.

Сзади трещало пламя, своими красными языками поглощая стены, жаром взрывая стёкла в окнах, укрытых железными решётками, застилая пространство чёрным дымом, подгоняемым ветром, когда пепельноволосый мечник, охотник на монстров аккуратно опустился на одно колено и, неверя своей удачи, поднял дверцу.

— Гм, как бы это не звучало, но твоя болезнь спасла тебе жизнь.

В маленьком, тёмном, пыльном и явно неуютном лифте сидела девочка лет двенадцати — четырнадцати на вид, со спутанными, грязными, в пыли и саже, светло — русыми волосами чуть ниже плеч и большими, серыми глазами. Большими и испуганными, но такими холодными глазами, в которых отражался окружающий наёмника и девочку ад.

— Пошли, — проговорил Гумберг, протягивая руку.

Девочка не отреагировала, потупив взгляд о свои босые ноги.

— Гм, эм, — Гумберг почесал щёку, чувствуя, как ноготь соскребает сажу и пыль, — нам нужно уходить, и я бы не сказал, что у нас вообще есть выбор.

Сзади что — то затрещало и обвалилось, подняв столб пыли. Девочка закашлялась вновь, из её глаз потекли слёзы.

— Пекло...

Гумберг почти силой вытащил девочку из её убежища, игнорируя её жалкие потуги сопротивляться. Болезнь давала о себе знать, не позволяя ей хоть как — то уверенно отбиваться. Одно из окон взорвалось россыпью стекла и холодный воздух, проникший внутрь всполошил огонь, который тут же опалил их. Мечник закрыл девочку от огня и осколков. Почувствовал, как обгорают его спина, обдаваемая нестерпимым жаром. Почувствовал, как сгорает кофта и плафить жилет, прилипая к коже.

— Эллеанора... — прохрипел Гумберг, замечая, как одна из подпорок начинает трещать, — Эллеанора Д'антстар, держись крепче...

Девочка не успела удивиться. Наёмник сорвался с места, в последний момент успев проскочить под упавшей балкой. Искры и пепел заметались под ногами, а ещё несколько жгучих языков прошли по пяткам ног. Не прошло и пары секунд, как Гумберг преодолел несколько коридоров и, забыв о резких волнах боли в ноге, вылетел на улицу, предварительно выбив дверь.

Прошёлся вперёд, упал на колено, чувствуя, как оно ноет. Дверь поддалась намного хуже, чем он рассчитывал.

Эллеанора не двигалась, ошарашено смотря на лицо наёмника. Тот посмотрел в ответ. В её полных испуга глазах цвета золы он видел своё собственное отражение. Принеприятнейшее для него, но такое завораживающе — пугающее для неё.

Серая, в кое — каких местах обожённая кожа, покрытая слоем пепла и пыли. Горящие, рубиновые глаза, так сильно выделяющиеся на фоне чёрного неба. Спутанные пепельные волосы. Он чуть улыбнулся, не зная, что сделать. Она зажмурилась и отвернулась. Он не обиделся.

Снег обжигал, и пусть был холодно приятен, Гумберг всё же не решался отпустить девочку на снег. Вместо этого он посмотрел в сторону горячей гостиницы, полностью поглощённую огнём. И замер, чувствуя пульсирующее, резко возникшее чувство, от которого его руки начали дрожать.

В окне третьего этажа стоял силуэт, смотрящий на наёмник светящимися, оранжево —

рубиновыми глазами, столь пронзительными, что заставляли дрожать даже пепельноволосого мечника. Гумберг видел, как этот силуэт медленно передвигается, словно скользит от одного окна к другому, игнорируя смертельное пламя. Наконец, ему удалось найти одно из окон, которое можно спокойно открыть, ведь оно давно прогорело.

Наёмник видел, как силуэт пригнулся, а после вытащил что — то тяжёлое и большое. Девочка догадалась что это было.

— Орен! — воскликнула она, дёрнувшись. На её глаза тут же накатились слёзы.

Гумберг отвернул девочку в другую сторону, прикрыв её глаза своей ладонью. Тут же почувствовал тепло её слёз. Даже с такого большого расстояния, он слышал, как тело упало в снежную гладь. Следом, из того же окна выпало что — то ещё. Мечник не хотел даже представлять, что это было. Но, к сожалению, ему и не нужно было.

— Всё будет хорошо, — прошептал он, отпуская с рук свою прапраправнучутую племянницу на постеленный заранее жилет. — А пока, гм, отвернись и закрой уши.

Гумберг встал, опустив плечи и изподлобья, развернувшись, посмотрел в сторону силуэта, движущегося к ним. Эллеанора охнула. Наёмник предполагал почему, ведь его спина сейчас была не в лучшем виде.

— Я же сказал отвернуться, — холодно сказал он.

Меч удобно лёг в руку, тем местом, где должна была быть гарда, но находилась лишь выгравированное ужасное, измученное и сильно деформированное лицо человека. Гумберг сжал клинок сильнее. Холодный металл приятно остужал горящую кожу.

Снег под ногами хрустел и трещал, проминаясь под ногами двоих силуэтов, идущих друг к другу. За одним была сама пучина ада, кошмар на яву в лице беспощадного буйства стихий, за другим же беззащитная девочка, которой не выжить без мечника. Не выжить, если он проиграет эту битву.

Наконец, допельгангер и наёмник встали на таком расстоянии, на котором им можно было рассмотреть друг — друга в деталях.

Гумбергу стало противно. Противно видеть собственное лицо. Поняв это, допельганг улыбнулся, отчего наёмнику стало ещё хуже. Они вновь начали двигаться друг к другу. Допельгангер заговорил:

— Слышал бы ты, как кричала та девушка. Её, кажется, Ромари звали.

Гумберг не ответил, сверля лже-Гумберга взглядом. Копию наёмника это совершенно не напрягало, а потому он продолжил:

— Хм, знаешь. Наверное, забавнее всего было, как кричала служанка, завидя меня.

Лицо лже-Гумберга поплыло, провалилось и начало, словно тряпина, стекать вниз, приобретая серо — коричневый оттенок, пока окончательно не превратилось в бесформенный кусок чего — то, напоминающего тесто. Глаза превратились в глубокие чёрные впадины, а рот просто исчез. Одежда, как знал мечник, хоть и могла меняться вместе с внешностью, осталась точно такой же, какая была у Гумберга.

Допельгангер поднял ладонь на уровне лица, чуть повернув голову в её сторону. Длинные, тонкие пальцы без ногтей надулись, укоротились, приобретая человеческую форму. Следом же, за пальцами и ладонью, плавно обратилось всё остальное тело. Серо — коричневый цвет сменил бледный оттенок кожи.

— Всё ещё молчишь? Знаешь, а мне нравится твоя внешность. Я думаю, поиграюсь с ней немного ещё, с твоего позволения...

Гумберг вновь увидел себя, только теперь более взрослого. Таким, каким он вряд — ли

бы когда — нибудь смог выглядеть. Нос стал более выраженным, лоб и подбородок широкими, а волосы длиннее и зачёсанней назад. Что — то в этом образе, возникшем перед лицом мечника, наваяло смутные воспоминания, которые он тут — же отогнал. Допельгангер улыбнулся, широко растянув синие губы.

Гумберг перешёл на бег. Антрацитовый меч блеснул в свете луны. Клинок зазвенел, завибрировал, рассекая пространство. Размашистый удар с одновременным отскоком в сторону со стороны наёмника. Он даже не предполагал о уровне силы противника, а потому держался максимально осторожно. Какого же было его удивление, когда он понял, что его атака была отражена и более того, ранили его самого.

Снег захрустел, зашуршал под ногами, раскидываемый в разные стороны большими обмёрзшими кусками. Кровь, сочащаяся из груди мечника, каплями окропила белое полотно. Блестел снег, блестел и меч в смертельном танце.

Мечник, не обращая внимания на рану, закружился, напрягся, размахивая клинком. Несколько новых ран появилось на его теле. Доппельгангер же умело уходил от всех его атак, лишь изредка отражая их неизвестно откуда взявшимся франциском. Топор блестел, вторя антрацитовому клинку наёмника и стойко принимал те редкие удары, которые всё же достигали перевёртыша.

Пепельноволосый мечник стряхнул волосы, напряжился, набирая скорость и обороты, заметался. Его движения стали намного более хаотичными и дёргаными, а удары стали более резкими. Теперь же он бил не выцеливая сухожилия и артерии, а бил лишь с одной целью — задеть ублюдка и пустить ему кровь.

Ещё несколько мгновений и их силуэты растворились в начавшейся пурге. Нет, то была снежная пыль, которую они подняли, превратившись в два неясных сверкающих урагана, сопровождаемые лязгом и звоном металла.

Широкий удар наотмашь, рывок назад и попытка заблокировать удар — меч резко ушёл в сторону, открыв торс охотника. Удивление наёмника длилось недолго, новая красная полоса появилась на его груди. Вторая попытка заблокировать удар, но допельганг вновь меняет направление и уводит франциску за бок, нанося, внезапно, невозможный колющий удар, оставляющий синяк на коже, вновь почти выбивая меч из рук. И новая красная полоса уже на бедре, чуть выше колена.

Вольт, пируэт, удар с переворотом — чёрное древко отлично выдерживало удары мечника, защищая хозяина. Руки Гумберга задрожали.

Взгляд, крик полный ярости и свист клинка, режущего пространство. Силуэт перевёртыша расплывается, и тот оказывается где — то правее наёмника, нанося свой смертоносный удар. В последний момент он меняет направление, ударяя наёмника обухом топора по колену, отчего тот теряет устойчивость. Ещё один удар наискось рассекает бровь мечника и часть губы. Левый глаз Гумберга заливают кровью. Доппельгангер продолжает улыбаться, не сводя глаз с мечника.

Разворот и наклон опасно близкий к земле, и Гумберг делает то, чего противник не ожидал от слова совсем. Собрав все силы в ноги, наёмник прыгает, резко выкидывая клинок вперёд, чётко целясь в голову.

Но он был слишком медленным. Прямой удар от бедра откидывает пепельноволосого мечника на несколько метров, вышибая весь воздух из его лёгких. Охотник прокатился ещё несколько метров, глотая снег и зарываясь в него лицом. Прилипшая корочка тут же окрашивается в красный.

Гумберг оперся на проваливающиеся сквозь снег руки, с трудом попытался подняться. Резко дёрнул головой, отряхая её. Взглянул на Эллеанору, вжавшуюся в землю и испуганно смотрящую на приближавшегося к ней допельганга.

Пепельноволосый охотник сорвался с места, с криком побежав в их сторону. Прыгнул, взмахнув мечом, высекая искры из франциски. Упал вновь, неумело сгруппировавшись и сделав кувырок. Остановился, замерев между перевёртышем и девочкой, что укрывал рукой.

Доплер посмотрел на это и вновь криво растянул свои губы, показав два белоснежных ряда зубов. Закапала кровь. Гумберг перевёл взгляд. Чуть выше локтя, вместо привычной ему тонкой и бледной руки, истекая кровью, виднелась ужасающая, уродливая культя. Наёмник раскусил губу.

Вторая половина руки, всё ещё сжимавшая антрацитовый меч, торчала прямо у ног бледнолицего убийцы, откидывая длинную и кривую тень от пожарища.

В это же время, допельганг преспокойно начал выискивать что — то за пазухой, всё время нащёптывая и лишь изредко переводя взгляд на почти что задыхающуюся от ужаса девочку. Наконец, он нашёл то, что искал.

Гумберг рванул вперёд, сжав кулак и занеся для удара единственную целую руку. Но не успел сделать и пары шагов, как перевёртышь резко вскинул руку, заставив наёмника покачнуться. Несколько ножей, со свистом преодолев пять метров, воткнулись в грудь мечнику. Он упал, запутавшись в ногах. Голова тут же начала кружиться, а в глазах потемнело.

— Этот яд чертовски токсичен, — наконец проговорил допельгангер, убедившись в действии отравы. Он подошёл, пнул Гумберга в бок, заставив его перевернуться на спину и бессильно смотреть в небо. — Начинает действовать почти сразу, но вы исключение. Впрочем, этой дозы хватило, у меня было время рассчитать. Прошло всего чуть больше секунды, а ты уже чувствуешь себя скверно, я прав, Мартин?

Гумберг не ответил, лишь тяжело вздохнув и уставившись на нависающий над ним силуэт. Он плыл, троился, а снежинки залепляли глаза, ещё больше ухудшая обзор. Силуэт развернулся, пнул Эллеанору, заставив ту вскрикнуть и закашляться. Одним движением он вытянул её руку и резко порезал ладонь. Таким же ножом, которым поразили и Гумберга.

— Возможно, ими стоило воспользоваться сразу, но я хотел оценить тебя. И, честно, огорчён. За сто лет мог научиться чему получше. А впрочем... Всё ещё не полегчало? Ну, для каждого своё. Не бойся, выделение твоими железами той клейкой субстанции не остановится, так что руку себе обратно приделать сможешь. А вот по иммунитету это ударит довольно серьёзно. Точнее, возведёт его в самую что ни на есть боевую готовность, начнёт бить по всем фронтам так скажем. Да — да, твой собственный иммунитет начнёт уничтожать вирус. А потому на время ты лишишься всех своих сил сверх человеческой меры. Грубо говоря, чувствовать ты будешь крайне паршиво. Вроде, правильно объяснил...

— Что... тебе... известно? — еле слышно прошептал наёмник. Но допельганг услышал.

— Не правильный вопрос.

Он отпустил уже притихшую девочку, и та упала тряпичной куклой, не шевелясь. Охотник до скрежета сжал зубы. Но пошевелиться он всё так же не мог.

— Что тебе известно? — процедил вновь Гумберг.

— Ты повторяешься, — перестал улыбаться допельганг. — Последняя попытка.

— Просто... — спустя долгие секунды мочлания, задался вопросом мечник. — Зачем?

— Потому что это мне нравится, — тихо проговорил перевёртыш, присев на

корточка. — Злой, потому что злой. Я монстр, ирод, таким уж родился. Но мы отличаемся, Мартин. Ведь я таким был с самого начала, а тебя таким сделали. И я вот, например, ни о чём не жалею. Не знаю уж как ты.

— Т..ты врёшь.

Доппельгангер вновь криво улыбнулся. Хихикнул.

— Никто никогда не мог заставить меня что — то делать, никто никогда не властен надо мной, а потому я чувствую себя воистину свободным. И эта свобода развращает. Меня возбуждает сам факт того, что я могу делать всё, что захочу. Вот так просто. А что может быть большим табу, чем убийство? Вот именно. — Доппельганг поправил волосы, восторженно глядя на догорающую гостиницу. — Возбуждает во всех смыслах. О нет, о нет, сексуального насилия над жертвами я не терплю, не считай меня законченным психопатом. Для меня оба пола одиноково не привлекательны. Доппельгангеры там, ты сам знаешь... В любом случае, вряд — ли ты поймёшь. Ты ведь сам никогда не был свободным. Возможно позже ты поймёшь смысл моих слов, Мартин.

Перевёртыш встал, с отвращением оглядев девочку, сжавшуюся в позу эмбриона. Вновь пнул её, но она не отреагировала.

— Хм. Мне сказано было её забрать, но знаешь... Если она сдохнет со мной по пути, вся вина падёт на меня. А мы в любом случае ещё встретимся, и я уверен, эта соплячка будет с тобой яшкаться. По крайней мере, так говорил Влад, а он человек очень... пронциательный? Да и ты, наверняка, начнёшь меня преследовать, а убежать мне с ней будет ой как трудно. Я ведь прав? Да, по глазам вижу.

Перевёртыш заметил край конверта, углом торчавший из кармана Гумберга. Сдержанно улыбнулся.

— Или, эгкхм, не стоит всё так оставлять? Как — то, на самом деле, не ожидал я, что погода будет столь буйной... — допельганг почесал голову, сделав задумчивый вид. Не удержался, а потому вновь заулыбался. — Ладно, Мартин, я решил! Всё равно я не могу тебя убить, а брать на душу смерть этой девки себе дороже.

Перевёртыш в который раз пнул Гумберга, заставив того перевернуться на бок, чуть не выплюнув лёгкие. Сел, забрал помятый конверт с печатью. Его глаза хищно блеснули.

— В общем, ещё встретимся, и тогда, я надеюсь, ты полностью меня удовлетворишь... И это, извини! Я надеюсь, что в следующий раз у нас будет больше времени и мы с тобой пообщаемся подольше! Я же, в конце концов, впервые за семьдесят лет вижу ещё одного, обрёвшего сознание...

Доппельгангер договаривал это, уже на приличном расстоянии от двух лежащих тел, постепенно заносимых снегом. Позади что — то грохнуло и часть третьего этажа гостиницы, (в которой Гумберг так и не побывал), обвалилась, вызвав гигантских размеров всполох искр. Пожар искрился, бурлил, яркой точкой увеличиваясь в размерах посреди белой пустыни.

— К-кто тебя... послал? — это всё, что успел выговорить Гумберг, вновь собравшись с силами. Но было уже слишком поздно.

Последнее, что он видел, это как силуэт, скрываемый метелью, забирает его меч. Бледное лицо Элеаноры. После темнота.

Ноги, утопавшие и проваливающиеся через плотную корку снега, совершенно потеряли свою чувствительность, как посиневшие от обморожения руки. Ногти почернели и отслоились, а сама кожа потеряла всякий свой оттенок, покрывшись синяками.

Гумберг укрыл девочку, плотнее укутав её в плащ и одеяло. Потом взглянул на небольшой мешочек и бурдюк с вином. Жар не прекращался уже второй день, а каждый раз, когда она заходила кашлем, наёмнику приходил останавливаться и искать ближайшее укрытие, тратя скудные запасы алхимического огня на то, чтобы развести костёр.

Пришлось остановиться вновь.

Укрытый сводами небольшой пещеры, костёр весело трещал, поглощая редкие сухие веточки. Небольшие серо — зелёные шарики испарялись в зеленоватом пламени, пока огонь полностью не поглотил сухостой. Пепельноволосый наёмник открыл бурдюк и влил красноватую жидкость в чуть приоткрытый рот девочки. Та дёрнулась и закашлялась на долгую минуту. Наконец, успокоилась и покрасневшись, вновь засопела.

— Гм, долго же ты спишь... — который раз повторил Гумберг, наблюдая за танцующими тенями вокруг. — До Бруты совсем не много осталось, потерпи. Может, гм, пол дня пути. Может, чуть больше...

Небольшой заснеженный склон сменился равниной, в конце которой виднелись укрываемые тучами серые полосы гор.

«Тиссовые горы, — сразу же вспомнилось наёмнику. — По другую сторону — Ремар, королевство Эргмейцев. И вот она, совсем чуть — чуть, выглядывая из — за скал виднеется Брута. Мы почти дома, Элleanора.»

Первые дома и стены действительно виднелись из — за склонов. С синими и красными крышами, город, окружённый невысокой стеной, словно стеснительно выглядывал из — под природной защиты. Высокий шпиль Arel Cor сильно выделялся на общем фоне, создавая некую магическую картину переплетения простого, непримечательного и словно сказачного городка с белыми домиками и суровой, воистину эпическим сооружением. На его фоне даже самая большая башня под стенами, там, за перевалом, выглядела жалкой и незначительной.

Пасмурный день ранней зимы. Тёплая пора давно кончилась, уступив место ужасным морозам. Пускай солнце и выходит пару раз на дню, оно просто — на просто не успевает хоть как — то обнадёжить, согреть, поделиться теплом и счастьем. Длительные снегопады полностью стёрли с лица земли дороги, заставляя задуматься, пройдёт ли здесь человек или найдёт свою смерть прямо тут, среди бескрайних белёсых лугов.

Редкие голые деревья, одиноко стоявшие все в белом, лишь усиливали атмосферу всеобщей безнадёжности и серости, но, тем не менее, и они когда — нибудь распустанятся вновь, укроют под тенью своих крон путников, пилигримов, пришедших издалека, станут домом для птиц, прилетевших в родные края и просто будут мелодично шелестеть листвой, сопровождая в пути всадников.

Ворота Бруты показались. Спустя пол часа Гумберг, шатаясь и переваливаясь с ноги на ногу, прошёл достаточное расстояние, чтобы его заметили стражники.

Элleanора вновь закашлялась, но Гумберг не остановился. У него уже не было сил, а потому он ступал вперёд, даже не думая останавливаться и делать ещё хоть что — то. Снег

хрустел, но не морозил ноги.

Наконец, стражники обратили на них внимания в достаточной мере, чтобы начать делать хоть что — то. Один из них подал сигнал часовому на башне. Часовой посмотрел в трубу и обомлел. Подал сигнал в ответ. Через мгновение ворота в город раскрылись, приветливо впуская путника. Пепельноволосый мечник с радостью принял это приглашение, а потому вошёл за черту города, сопровождаемый тяжёлыми взглядами стражников.

Один из часовых спустился вниз, подошёл к наёмнику. Взял девочку в свои руки и со страхом взглянул на изуродованного мечника. Отошёл назад на несколько шагов, не сводя с него глаз.

Раздался свист, и менее чем за секунду неизвестного окружили десятки воинов с алебардами наперевес. Незаметный жест со стороны одного из командующих, и все они упёрлись в горло мечнику холодной, обжигающей сталью. Охотник не пошевелился.

Солнце вышло из — за туч.

Продолжение следует.

Больше книг на сайте - Knigoed.net